

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика. Управление. Право

2021

Том 21

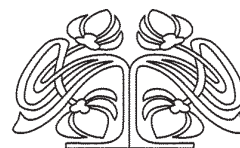
Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2021 Том 21

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Кочерягина Н. В. Оценка динамики уровня социальной безопасности российских регионов 236

Черемисинов Г. А. Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдала 243

Кочетыгова О. В., Иноземцев Е. С., Головкин М. В. Анализ неравномерности сельскохозяйственного производства в России 255

Кадомцева М. Е. Концептуальные аспекты устойчивого развития экономических систем: эволюция подходов и современная парадигма 263

Управление

Ткаченко И. Н., Злыгостев А. А. Моделирование стейкхолдерских рисков: опыт эконометрического анализа 271

Томазова О. В., Волкодавова Е. В. Проактивность как фактор принятия эффективного управленческого решения при восстановлении и реновации оборудования 288

Позднякова Е. А., Раменская Л. А., Воронов Д. С. Анализ чувствительности как инструмент принятия решений о реализации инвестиционного проекта горнодобывающей отрасли 295

Право

Тюменова Н. В. Идеологический нейтралитет и принцип светского государства в свете поправок к Конституции РФ 2020 304

Тогузаева Е. Н. Роль правового (юридического) диктанта в выявлении уровня правовой грамотности и правовом просвещении 312

Троицкая Т. В. Общественные движения в Российской Федерации и их участие в выборах: современное состояние и перспективы развития 317

Бердникова Е. В. Историко-правовые и идейно-политические предпосылки формирования и развития института народного контроля в СССР 323

Бурданова А. С. Конституционные социальные права в странах Европейского союза. Теоретические положения и проблемы реализации 329

Ал Кхафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах. Соотношение международной и мусульманской концепций прав человека 340

Рабазанов С. А. Общественные объединения – коллективные субъекты конституционных отношений 348

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 08.00.01; 08.00.05; 08.00.10; 08.00.12; 08.00.13; 08.00.14; 12.00.01; 12.00.02; 12.00.06; 12.00.12)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rl.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eur.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 25.08.21.

Подписано в свет 31.08.21.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 116-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить доредакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Kocheryagina N. V. Assessment of the Russian regions' social security dynamics 236

Cheremisinov G. A. A modern Scandinavian "Saga about political economy": "Against the Stream. Critical Essays on Economics" by Gunnar Myrdal 243

Kochetygova O. V., Inozemtsev E. S., Golovko M. V. Unevenness analysis of agricultural production in Russia 255

Kadomtseva M. Ye. Conceptual aspects of sustainable development of economic systems: Evolution of approaches and modern paradigm 263

Management

Tkachenko I. N., Zlygostev A. A. Stakeholder risk modeling: An econometric analysis experience 271

Tomazova O. V., Volkodavova E. V. Proactiveness as a factor of making an effective management decision in the restoration and renovation of equipment 288

Pozdnyakova E. A., Ramenskaya L. A., Voronov D. S. Sensitivity analysis as a decision-making tool for the implementation of an investment project in mining industry 295

Law

Tyumeneva N. V. Ideological neutrality and the principle of a secular state in the light of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 304

Toguzayeva E. N. The role of legal (juridical) dictation in identifying the level of legal literacy and legal education 312

Troitskaya T. V. Social movements in the Russian Federation and their participation in elections: Current state and prospects of development 317

Berdnikova E. V. Historical, legal, ideological and political prerequisites for the formation and development of the institution of people's control in the USSR 323

Burdanova A. S. Constitutional social rights in the countries of the European Union. Theoretical provisions and problems of implementation 329

AL Khafaji Mohammed Abduladheem Neamah. Correlation of international and regional (Muslim) concepts in the field of human rights 340

Rabazanov S. A. Public associations – collective subjects of constitutional relations 348

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители редактора

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, Ph.D., профессор (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D., профессор (Огайо, США)

Велиева Джамия Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Лхагвадори Ариунаа, Ph.D., профессор (Уланбатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Пчелинцева Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D., профессор (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эретин Сефика Шуле, Ph.D., профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW”**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Volgograd, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Irina N. Pchelintseva (Saratov, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)

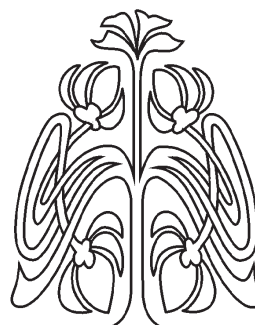
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

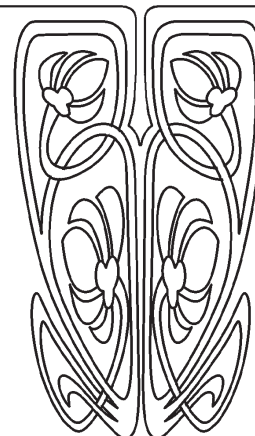
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

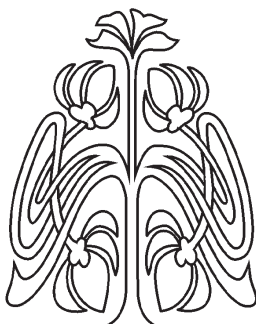

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

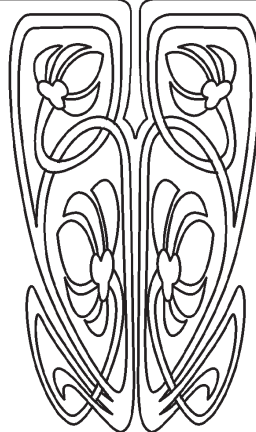

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 236–242

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 236–242
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-236-242>

Научная статья
УДК 336.71

Оценка динамики уровня социальной безопасности российских регионов

Н. В. Кочерягина

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Кочерягина Наталия Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности, sstu_ko4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5175-5062>

Аннотация. **Введение.** Для более точной оценки динамики и степени достижения поставленных целей в социальной сфере актуальны исследования методологических вопросов социальной безопасности и разработка системы показателей для ее оценки и мониторинга. **Теоретический анализ.** В статье рассматриваются теоретические аспекты дефиниции «социальная безопасность», определены подходы к определению этого понятия и методологические сложности интерпретации оценки социально-экономической безопасности региональных систем. **Эмпирический анализ.** Для анализа динамики уровня социальной безопасности российских регионов был составлен интегральный индекс на основе статистических показателей и построен рейтинг социальной безопасности 82 российских регионов, включающий 16 показателей по 5 группам, характеризующим ее основные индикаторы. **Результаты.** Выявленная поляризация значений индекса социальной безопасности указывает на неравномерность социального развития российских регионов, что является существенной угрозой экономической безопасности национальной экономики в целом и тормозит экономическое развитие. **Выводы.** Проведенный анализ позволил оценить уровень социальной безопасности российских регионов, составить их рейтинг и сгруппировать по уровню социальной безопасности. **Ключевые слова:** социальная безопасность, регион, индекс, экономическое развитие

Для цитирования: Кочерягина Н. В. Оценка динамики уровня социальной безопасности российских регионов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 236-242. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-236-242>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Assessment of the Russian regions' social security dynamics

N. V. Kocheryagina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Natalia V. Kocherygina, sstu_ko4@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5175-5062>

Abstract. Introduction. For a more accurate assessment of dynamics and achievement of set goals in the social sphere, research on methodological issues of social security and the development of indicators system for its assessment and monitoring are relevant.

Theoretical analysis. The article examines theoretical aspects of the “social security” definition, identifies approaches to the definition of this concept and methodological difficulties in interpreting the assessment of the regional systems’ socio-economic security. **Empirical analysis.** To analyze the dynamics of the Russian regions’ social security level, an integral index was compiled on the basis of statistical indicators and a social security rating of 82 Russian regions was built. It includes 16 indicators in 5 groups, characterizing the main sphere of social security. **Results.** The revealed polarization of the Social Security Index values indicates the uneven social development of Russian regions, which is a significant threat to the economic security of the national economy as a whole and economic development in particular. **Conclusions.** The analysis made it possible to assess the level of Russian regions’ social security, to compile a rating and grouping of Russian regions according to the level of social security.

Keywords: social security, region, index, economic development

For citation: Kocheryagina N. V. Assessment of the Russian regions’ social security dynamics. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 236–242 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-236-242>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальная сфера является одной из ключевых компонент в обеспечении устойчивого развития и национальной безопасности страны, так как в ней реализуются интересы личности, общества, семьи, а также классов, социальных групп, государства [1].

С учетом современных вызовов и проблем, стоящих перед Российской Федерацией, на период с 2019 по 2024 г. в стране запущены национальные проекты федерального масштаба. России в короткий срок необходим качественный прорыв в сфере экономики, решении социальных проблем бедности и демографии, улучшении качества образования и здравоохранения.

Выделить критерии социальной безопасности достаточно сложно с учетом многоаспектности и многогранности явления. В настоящее время не разработано единой методологической и критериальной основы для изучения социальной безопасности, и большинство ученых занимаются исследованием какого-либо отдельного вида безопасности.

В связи с этим для более точной оценки динамики и степени достижения поставленных целей в сфере социальной безопасности актуальны исследования методологических вопросов социальной безопасности и разработка системы показателей для ее оценки и мониторинга.

Цель настоящего исследования – оценить динамику уровня социальной безопасности 82 российских регионов за 2019 г. на основе данных Росстата (Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ были учтены в составе Архангельской и Тюменской областей). Были использованы индексный метод, методы рейтингового анализа, группирования и сравнения.

Теоретический анализ

В научную лексику термин «социальная безопасность» вошел сравнительно недавно и нашел свое конкретное воплощение во Всемирной социальной декларации, принятой в 1995 г. на Все-

мирной конференции по социальному развитию. В России понятие «социальная безопасность» начало осмысливаться после принятия в марте 1992 г. Закона РФ «О безопасности», в котором она рассматривалась как «состояние защищенности важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [2]. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента России в 1997 г., понятие «социальная безопасность» не используется. При этом, по мнению ряда авторов, социальная безопасность должна пониматься как элемент национальной безопасности страны и входить в концепцию национальной безопасности Российской Федерации.

Социальная безопасность – это состояние общества, при котором обеспечивается номинальный уровень социальных благ и условий, а также защита от внутренних и внешних угроз каждого гражданина в отдельности и общества в целом, и гарантируется минимальный риск для жизни и развития личности [1].

По мнению Е. И. Холостовой, социальная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, семьи, социальных групп и общества от внутренних и внешних угроз, которое обеспечивается с помощью совокупности мер политического, правового, экономического, идеологического и организационного характера [3].

Д. В. Зеркалов приводит энциклопедическое определение социальной безопасности как совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса, нынешних и будущих поколений [4]. В этом подходе автор уточняет, что социальная безопасность – это, прежде всего, часть более общей категории – национальной безопасности, и что социальная безопасность – это состояние защищенности личности, социальной группы, общности от угроз нарушения их жизненно важных интересов, прав, свобод.

С. И. Самыгин с соавт. считают значимыми три ключевые группы угроз социальной безопасности: природогенная, техногенная и собственно социальная [5].

В настоящее время можно выделить четыре подхода к определению понятия «социальная безопасность» (табл. 1).

Структура социальной безопасности представляется с точки зрения трех уровней: национальной, локальной (региональной) и частной (предприятий). Возникающие сложности в изуче-

нии данной проблемы объясняются тем, что ряд авторов считают бессмысленным употребление понятия «социальная безопасность», так как оно отражает в комплексе все виды безопасности (экономическую, политическую, экологическую, военную и др.). Некоторые исследователи считают, что выделение социальной безопасности в узком смысле невозможно или крайне затруднено, так как собственно социальные процессы почти невозможно отделить от экономических, политических и духовно-нравственных.

Таблица 1 / Table 1

Трактовки понятия «социальная безопасность» российскими учеными
Interpretations of the «social security» concept by Russian scientists

Группы авторов Groups authors	Определение Definition
В. Л. Манилов, Н. Р. Маликова, В. М. Мирошниченко, А. В. Возжеников и др.	Отождествляют социальную безопасность с достойным статусом и гарантиями предотвращения угроз физической и экономической безопасности. Эти гарантии предоставляются государством и общественными институтами. Данное определение социальной безопасности носит, скорее, правовой характер. В нем сужено понимание угроз социальной безопасности, не раскрыты механизмы ее обеспечения [6, 7]
М. Б. Лига, В. Н. Кузнецов, С. И. Григорьев, В. Н. Гусаков, Н. А. Зотова и др.	Рассматривают социальную безопасность в сопоставлении понятий «национальная безопасность» и «общая безопасность» [8–10]
А. Г. Арбатов, Г. В. Брои, Н. М. Пожитой, М. Н. Чубаров, А. А. Стрельцов и др.	Считают, что выделение социальной безопасности в узком смысле невозможно или крайне затруднено, так как собственно социальные процессы почти невозможно отделить от экономических, политических, духовно-нравственных [11, 12]
С. З. Павленко, В. Л. Манилов, С. В. Лекарев и др.	Считают, что понятие «социальная безопасность» отражает в комплексе все виды безопасности (экономическую, политическую, экологическую, военную и др.) [13, 6, 14]

Вместе с тем оценка социально-экономической безопасности региональных экономических систем играет большую роль в их развитии, она позволяет выявлять проблемы функционирования и формировать мотивационный вектор дальнейшего развития системы.

В научной литературе проблемам исследования и оценки социальной безопасности на региональном уровне уделяется большое внимание. В работах А. Ю. Гайфуллина и М. М. Гайфуллиной, Н. Д. Эмирова и З. Ф. Джигкаева предложены методические подходы к оценке социальной безопасности, разработана система оценочных показателей и методов интегральных оценок социального развития, а также критерии ранжирования регионов [15, 16]. В то же время современные исследования по данной проблеме практически отсутствуют, что не позволяет дать оценку современному состоянию социальной безопасности регионов и увидеть динамику данных процессов.

Разрешение проблем оценки и поддержания достаточного уровня социально-экономической безопасности региональных систем требует развития и совершенствования методологии анализа экономической безопасности

и определения соответствующих показателей и индикаторов для их мониторинга.

Методологическая сложность интерпретации оценки социально-экономической безопасности региональных систем заключается в обосновании критериев такой оценки, их адекватности целям анализа и возможности получения объективных результатов, применимых в практической деятельности. Сложным подбор критериев для оценки социально-экономической безопасности региональных систем становится по следующим причинам:

- большое число факторов, оказывающих влияние на социально-экономическую безопасность региональных систем;
- специфические особенности, присущие регионам, существенная дифференциация;
- трудности формализованного описания социально-экономических процессов;
- трудоемкость сбора необходимых статистических показателей для анализа;
- сложность получения комплексного обобщающего показателя, объективно оценивающего социально-экономическую безопасность региональных систем.

В настоящее время существует необходимость не только в раскрытии сути социальной безопасности, но и в определении ее факторов, угроз, показателей и пороговых критериев. Для целей анализа, мониторинга и дальнейшего поддержания уровня социальной безопасности необходима оценка ее уровня в региональном разрезе.

Эмпирический анализ

Влияние каждого фактора социальной сферы проявляется через изменение социально-экономических показателей, которые характеризуют различные аспекты социальной безопасности страны, региона, общества, личности.

Использование для оценивания формализованных числовых методов позволяет во многом очистить оценку от субъективизма. Для подобной сравнительной оценки совокупности субъектов анализа, какими являются российские регионы, релевантным представляются рейтинговый и индексный методы.

Для построения рейтинга социальной безопасности российских регионов в настоящем исследовании был использован комплекс отслеживаемых государственной статистикой показателей как факторов, описывающих уровень социальной безопасности.

Для анализа динамики уровня социальной безопасности российских регионов нами были выбраны статистические показатели за 2019 г. на основе имеющихся в российской статистике данных в региональном разрезе [17].

В силу различных масштабов российских регионов и различий в единицах измерения показателей было проведено их нормирование с помощью метода линейного масштабирования по каждому региональному показателю на основе критерия минимакса [18]:

$$\hat{X} = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}},$$

где X – фактическое значение показателя для данного региона, минимум и максимум вычисляются по аналогичным показателям среди всех регионов, при этом минимальное значение данного показателя 0, максимальное – 1.

Для построения индекса социальной безопасности регионов $I_{\text{инт}}$ вычислялся интегральный показатель уровня социальной безопасности с помощью среднеарифметического метода, включающего 16 показателей по 5 группам, характеризующим следующие основные позитивные индикаторы социальной безопасности в региональном разрезе:

- первая группа «Демография»:
  - коэффициент естественного прироста населения на 1000 чел.;

- ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;

- коэффициент миграционного прироста на 10 000 чел.;

- вторая группа «Рынок труда»:

- уровень участия в составе рабочей силы, %;

- уровень занятости населения, %;

- третья группа «Уровень жизни»:

- численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %;

- соотношение доходов населения к величине прожиточного минимума, %;

- соотношение среднего размера пенсии к величине прожиточного минимума, %;

- общая площадь жилых помещений на 1 жителя;

- четвертая группа «Здравоохранение»:

- численность врачей всех специальностей на 10 000 чел.;

- число больничных коек на 10 000 чел.;

- мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену на 10 000 чел. населения;

- пятая группа «Образование, спорт, культура»:

- число обучающихся в вузах на 10 000 чел.;

- число обучающихся в ссузах на 10 000 чел.;

- число спортивных сооружений на 10 000 чел.;

- число посещений театров и музеев на 10 000 чел.

Результаты оценки уровня социальной безопасности и ранжирование российских регионов по этому показателю за 2019 г. представлены на рисунке.

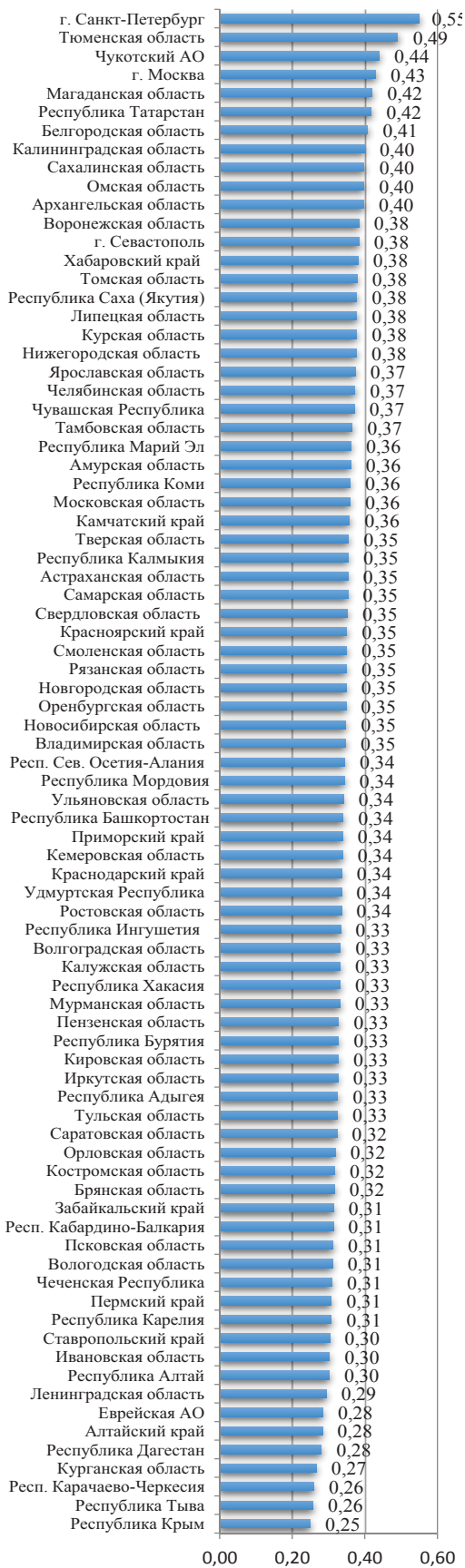
Результаты

С целью выявления кризисных ситуаций в социальной сфере необходима оценка уровня социальной безопасности, для чего возможно провести ранжирование российских регионов по уровню индекса социальной безопасности. Предлагается следующая шкала ранжирования: регионы-аутсайдеры $I_{\text{инт}} \leq 0,34$; средние регионы $0,35 \leq I_{\text{инт}} \leq 0,44$; регионы-лидеры $I_{\text{инт}} \geq 0,55$.

Выявленная поляризация значений индекса социальной безопасности ($0,25 \leq I_{\text{инт}} \leq 0,55$) указывает на неравномерность социального развития российских регионов, разрыв в уровне показателя регионов-лидеров и аутсайдеров составляет более 2 раз, что является существенной угрозой экономической безопасности национальной экономики в целом и тормозит экономическое развитие.

Группирование российских регионов представлено в табл. 2.

Индекс социальной безопасности, 2019 г.
Fig. Social security index, 2019

Таблица 2 / Table 2

Типы регионов по уровню социальной безопасности, 2019 г.
Types of regions by level of social security, 2019

Значение индекса социальной безопасности I_{int} / Social security index value I_{int}	Типы российских регионов / Types of Russian regions
0,45–0,55	г. Санкт-Петербург, Тюменская область
0,35–0,44	г. Москва, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Республика Татарстан, Белгородская область, Калининградская область, Сахалинская область, Омская область, Архангельская область, Воронежская область, г. Севастополь, Хабаровский край, Томская область, Республика Саха (Якутия), Липецкая область, Курская область, Нижегородская область, Ярославская область, Челябинская область, Чувашская Республика, Тамбовская область, Республика Марий Эл, Амурская область, Республика Коми, Московская область, Камчатский край, Тверская область, Республика Калмыкия, Астраханская область, Самарская область, Свердловская область, Красноярский край, Смоленская область, Рязанская область, Новгородская область, Оренбургская область, Новосибирская область, Владимирская область
0,25–0,34	Республика Северная Осетия – Алания, Республика Мордовия, Ульяновская область, Республика Башкортостан, Приморский край, Кемеровская область, Краснодарский край, Удмуртская Республика, Ростовская область, Республика Ингушетия, Волгоградская область, Калужская область, Республика Хакасия, Мурманская область, Пензенская область, Республика Бурятия, Кировская область, Иркутская область, Республика Адыгея, Тульская область, Саратовская область, Орловская область, Костромская область, Брянская область, Забайкальский край, Республика Кабардино-Балкария, Псковская область, Вологодская область, Чеченская Республика, Пермский край, Республика Карелия, Ставропольский край, Ивановская область, Республика Алтай, Ленинградская область, Еврейская АО, Алтайский край, Республика Дагестан, Курганская область, Республика Карачаево-Черкесия, Республика Тыва, Республика Крым

Выводы

Настоящее исследование предлагает подходы к оценке социальной безопасности региональных систем, позволяющие количественно оценить уровень социальной безопасности каждого региона на основе расчета его интегрального индекса, что позволяет проводить сопоставление и ранжирование регионов с целью выявления и мониторинга показателей и предупреждения появления кризисных ситуаций в социальной сфере.

Проведенный анализ позволил провести оценку уровня социальной безопасности российских регионов, их ранжирование и группирование, а также выявить направление динамики социальной безопасности в каждом регионе.

Для управления социальной безопасностью региональных системах и выравнивания социально-экономических условий в российских регионах необходимо:

- сформировать перечень источников появления негативных воздействий;
- разработать в рамках приведенных источников перечень возможных угроз;
- оценить влияние этих угроз на социальную безопасность региона;
- разработать методики по нейтрализации и ликвидации этих угроз и применять их на практике.

В статье развиваются методы оценки уровня социальной безопасности региона, что делает их более чувствительными к изменению социальной ситуации в каждом регионе.

В целом результаты исследования направлены на разработку современной теории и методологии оценки уровня социальной безопасности региона.

Список литературы

1. Гуськов Н. С., Зенякин В. Е., Крюков В. В. Экономическая безопасность России. М. : Алгоритм, 2000. 287 с.
2. О безопасности : закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1. Доступ из прав.-правовой системы «Гарант».
3. Холостова Е. И. Социальная политика и социальная работа : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Дашков и К°, 2008. 216 с.
4. Зеркалов Д. В. Социальная безопасность. Киев : Основа, 2012. 532 с.
5. Социальная безопасность : учеб. пособие / С. И. Самыгин, А. В. Верещагина, Г. И. Колесникова. М. : Дашков и К° ; Ростов-н/Д : Наука-Спектр, 2011. 359 с.
6. Манилов В. Л. Безопасность в эпоху партнерства. М. : Терра, 1999. 364 с.
7. Маликова Н. Р. Институционализация социологии безопасности // Доклады II Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке : социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 20 сентября – 2 октября 2003 г.) : в 2 т. М. : Альфа-М, 2004. Т. 1. С. 673–683.
8. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М. : Гардарики, 2006. 223 с.
9. Кузнецов В. Н. Социология безопасности. М. : Книжный дом «Университет», 2009. 216 с.
10. Григорьев С. И. Основы становления социальной квалитологии как отрасли современного социологического знания. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 20 с.
11. Арбатов А. Национальная безопасность России в многополярном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 10. С. 21–28.
12. Брои Г. В., Пожитой Н. М., Чубаров М. Н. Критика «универсального эволюционизма», «информационного мировоззрения», «гомеостатической концепции» и системный подход к выживанию человеческой цивилизации // Безопасность информационных технологий. 1999. № 4, ч. 1. С. 14–28.
13. Павленко С. З. Философия безопасности страны : поиск новых подходов // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях : сб. ст. М. : Граница, 1994. С. 115–120.
14. Лекарев С. В. Экономическая безопасность предприятий // Безопасность. 1993. № 3–4. С. 70–76.
15. Гайфуллин А. Ю., Гайфуллина М. М. Методический подход к оценке социальной безопасности региона // Фундаментальные исследования. 2015. № 12 (ч. 5). С. 1001–1006.
16. Эмиров Н. Д., Джигкаев З. Ф. Принципы построения результативных показателей государственного управления в социальной сфере // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия : Экономика и экологический менеджмент (электронный журнал). 2014. № 2. URL: http://economics.ihtb.ifmo.ru/ru/article/9003/principy_postroeniya_rezultativnyh_pokazateley_gosudarstvennogo_upravleniya_v_socialnoy_sfere.htm (дата обращения: 10.04.2021).
17. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 10.04.2021).
18. Выгодчикова И. Ю. Метод построения рейтинга конкурентоспособности российских компаний // Современная конкуренция. 2018. Т. 12, № 2 (68) – 3 (69). С. 5–17.

References

1. Guskov N. S., Zenyakin V. E., Kryukov V. V. *Ekonomicheskaia bezopasnost' Rossii* [Economic Security of Russia]. Moscow, Algorithm Publ, 2000. 288 p. (in Russian).
2. About Security. Law of the Russian Federation 2446-1 of 05.03.1992. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).

3. Kholostova E. I. *Sotsial'naiia politika i sotsial'naiia rabota*. 2-e izd. [Social Policy and Social Work. 2nd ed.]. Moscow, Dashkov and K^o Publ., 2008. 216 p. (in Russian).
4. Zerkalov D. V. *Sotsial'naiia bezopasnost'* [Social Security]. Kiev, Osnova Publ., 2012. 532 p. (in Russian).
5. Samygin S. I., Vereshchagin A. V., Kolesnikova G. I. *Sotsial'naiia bezopasnost'* [Social Security]. Moscow, Dashkov and K^o Publ.; Rostov-on-Don, Nauka-Spektr Publ., 2011. 359 p. (in Russian).
6. Manilov V. L. *Bezopasnost' v epokhu partnerstva* [Security in the Era of Partnership]. Moscow, Terra Publ., 1999. 364 p. (in Russian).
7. Malikova N. R. Institutionalization of the sociology of security. *Doklady II Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa «Rossiyskoye obshchestvo i sotsiologiya v XXI veke: sotsial'nyye vyzovy i al'ternativy» (Moskva, 20 sentyabrya – 2 oktyabrya 2003 g.)* [Reports of the II All-Russian Sociological Congress “Russian Society and Sociology in the XXI Century: Social Challenges and Alternatives” (Moscow, September 20 – October 2, 2003): in 2 vols]. Moscow, Alfa-M Publ., 2004, vol. 1, pp. 673–683 (in Russian).
8. Liga M. B. *Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noi bezopasnosti* [Quality of Life as a Basis for Social Security]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 223 p. (in Russian).
9. Kuznetsov V. N. *Sotsiologiya bezopasnosti* [Sociology of Security]. Moscow, Knizhnyi dom “Universitet” Publ., 2009. 216 p. (in Russian).
10. Grigoriev S. I. *Osnovy stanovleniya sotsial'noi kvalitolonii kak otrasli sovremennogo sotsiologicheskogo znaniya* [The Foundations of the Formation of Social Qualitology as a branch of Modern Sociological Knowledge]. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2006. 20 p. (in Russian).
11. Arbatov A. Russia's national security in a multipolar world. *World Economy and International Relations*, 2007, no. 10, pp. 21–28 (in Russian).
12. Broi G. V., Pozhitoi N. M., Chubarov M. N. Criticism of “universal evolutionism”, “information worldview”, “homeostatic concept” and a systematic approach to the survival of human civilization. *Bezopasnost' informatsionnykh tekhnologiy* [Security of Information Technologies], 1999, no. 4, pt. 1, pp. 14–28 (in Russian).
13. Pavlenko S. Z. The philosophy of the country's security: The search for new approaches. In: *Sotsial'no-politicheskiye aspekty obespecheniya gosudarstvennoy bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh* [Sociopolitical Aspects of Ensuring State Security in Modern Conditions: Collected of articles]. Moscow, Granitsa Publ., 1994, pp. 115–120 (in Russian).
14. Lekarev S. V. Economic security of enterprises. *Bezopasnost'* [Security], 1993, no. 3–4, pp. 70–76 (in Russian).
15. Gaifullin A. Yu., Gaifullina M. M. Methodical approach to assessing the social security of the region. *Fundamental Research*, 2015, no. 12 (pt. 5), pp. 1001–1006 (in Russian).
16. Emirov N. D., Dzhigkaev Z. F. Principles of constructing effective indicators of public administration in the social sphere. *Scientific journal ITMO. Series Economics and Environmental Management* (electronic journal), 2014, no. 2. Available at: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/9003/principy_postroeniya_rezultativnyh_pokazateley_gosudarstvennogo_upravleniya_v_socialnoy_sfere.htm (accessed 10 April 2021) (in Russian).
17. Regions of Russia. Socio-economic indicators – 2020. *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (accessed 10 April 2021) (in Russian).
18. Vygodchikova I. Yu. Construction the rating of competitiveness the Russian companies. *Journal of Modern Competition*, 2018, vol. 12, no. 2 (68) – 3 (69), pp. 5–17.

Поступила в редакцию 23.04.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 23.05.2021
Received 23.04.2021, revised 20.05.2021, accepted 23.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 243–254

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 243–254

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>

Научный обзор

УДК 330.8

Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдаля

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. Введение. Предлагается постановка вопроса об оригинальном понимании фундаментальной экономической науки как политической экономии, представленном Гуннаром Мюрдалем в книге «Против течения. Критические очерки экономикс», которую можно рассматривать под определенным углом зрения как современную скандинавскую «Сагу о политической экономии». **Герменевтический анализ.** Парадигмальная концепция Г. Мюрдаля на основе понятия «истеблишмент экономикс» была содержательнее современного применения термина «мейнстрим» для характеристики господствующего течения экономической мысли. Теоретико-методологическое обоснование научной гипотезы о периодическом возникновении кризисов и формировании циклов эволюции экономической науки позволило объяснить хронологию цикла восхождения и заката парадигмы кейнсианства переменами в экономике и обществе. Аргументация в пользу институционального подхода побудила к фундаментальному выводу о целесообразности возвращения экономической науке первоначального названия «политическая экономия» и восстановления ее духовно-нравственного, ценностного измерения. Г. Мюрдаль поставил под сомнение и опроверг традиционное абстрактное предположение о конфликте между экономическим ростом и эгалитарными реформами, за которые надо обязательно платить высокую цену падения производительности народного хозяйства, предложил понятие «созданная гармония» для характеристики современного государства всеобщего благосостояния. **Заключение.** Интерпретация научной монографии «Against the Stream. Critical Essays on Economics» в стиле скандинавской «Саги о политической экономии» добавила множество весьма интересных деталей, суждений, пояснений, которые содержательно дополнили теоретико-методологический подход, показала возможность изучать, исследовать и излагать историю экономической мысли в привлекательном литературном стиле без ущерба для глубины и полноты приобретаемого знания. **Ключевые слова:** политическая экономия, Гуннар Мюрдаль, кейнсианство, институционализм, скандинавская сага

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдаля // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 243–254. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Scientific review

**A modern Scandinavian “Saga about political economy”:
“Against the Stream. Critical Essays on Economics” by Gunnar Myrdal**

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract. Introduction. It is proposed to pose the question of the original understanding of fundamental economic science as a political economy, presented by Gunnar Myrdal in the book “Against the Stream. Critical Essays on Economics”, which can be regarded from a certain point of view as a modern Scandinavian «Saga about political economy». **Hermeneutic analysis.** G. Myrdal's paradigm concept, based on the concept of “establishment economics” was more meaningful than the modern use of the term “mainstream” to characterize the dominant flow of economic thought. The theoretical and methodological substantiation of the scientific hypothesis about the periodic emergence of crises and the formation of the economic science evolution cycles made it possible to explain the chronology of the Keynesian paradigm ascent and decline cycle by changes in economy and society. The arguments in favor of the institutional approach prompted a fundamental conclusion about the advisability of returning economic science to the original name of political economy and restoring its spiritual, moral, value dimension. G. Myrdal questioned and refuted the traditional abstract assumption about the conflict between economic growth and egalitarian

reforms, for which one must pay a high price such as the national economy productivity decline, proposed the concept of “created harmony” to characterize the modern welfare state. **Conclusion.** The interpretation of the scientific monograph “Against the Stream. Critical Essays on Economics” in the style of Scandinavian “Saga about political economy” added a lot of very interesting details, judgments, explanations that substantively complemented the theoretical and methodological approach, showed the opportunity to study, research and present the history of economic thought in an attractive literary style without sacrificing depth and completeness of acquired knowledge.

Key words: political economy, Gunnar Myrdal, Keynesianism, institutionalism, Scandinavian saga

For citation: Cheremisinov G. A. A modern Scandinavian “Saga about political economy”: “Against the Stream. Critical Essays on Economics” by Gunnar Myrdal. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 243–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

*Светлой памяти
Виктора Тимофеевича Рязанова
посвящается*

Введение

В последнее время российские ученые активно обсуждают вопрос о целесообразности возвращения экономической теории ее прежнего названия «политическая экономия». Нынешняя ситуация в отечественной экономической мысли напоминает зеркальное отражение острых дискуссий конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда нарастание критики «марксистско-ленинской» политической экономии завершилось отказом от нее официальными властями и адептов господствовавшего учения, утверждением в научной среде мейнстрима «экономикс» в виде ортодоксального либерально-рыночного фундаментализма под названием экономической теории. Соответственно, современная полемика, в явной или неявной форме, предполагает понимание фундаментальной экономической науки как политической экономии в марксистской традиции [1]. Тридцатилетний период использования экономической теории в формате «экономикс» в качестве идеологии и инструментария государственной политики ознаменовался деградацией народного хозяйства России и нарастанием социальных противоречий, создал благоприятную среду для возрождения и распространения радикального марксизма. Дополнительным аргументом в пользу марксистской версии политической экономии служит успешный опыт экономического развития СССР в условиях официальной марксистско-ленинской идеологии.

Однако возможно иное, отличное от марксистского мировоззрения и рикардианско-маршаллианской традиции понимание фундаментальной экономической науки как политической экономии, изложенное в книге выдающегося шведского экономиста Гуннара Мюрдала «Against the Stream. Critical Essays on Economics» – «Против течения. Критические очерки экономикс (экономической науки)» [2]. Монография Г. Мюрдала представляется шедевром не только в содержательном смысле, но и в литературной обработке.

Научное издание «Against the Stream» можно рассматривать под определенным углом зрения как современную скандинавскую «Сагу о политической экономии».

В литературоведении сагой именуют древнее скандинавское эпическое сказание, народное предание, повествующее о реальных героях-викингах и происходивших событиях. Понятие «сага» используется не только для названия легендарно-исторических литературных памятников, но оно также употребляется, часто в метафорическом или ироническом смысле, для обобщающего определения повествовательных литературных произведений разных стилей и эпох, жизненных историй. По канону саги представление действующих лиц сопровождается хронологическим рассказом об основных событиях: конфликтах, распрях, правлении властной иерархии. Духовный мир и эмоции персонажей саги представляются лаконично и сдержанно.

Саге присущи основные свойства эпоса как особого рода литературы: широта охвата событий частной и народной жизни; раскрытие человеческих характеров в процессе действия сюжета; беспристрастность повествования и объективность отношения автора к персонажам и изображаемому миру посредством выбора художественных деталей. В эпических жанрах образ рассказчика играет уникальную роль наблюдателя, участника или героя, говорящего о событиях и персонажах, но обособляющего себя от происходящего. Эпос свидетельствует о манере говорить и складе ума повествователя, насыщен религиозно-нравственными ценностями, подвигами, афоризмами, шутками, житейской мудростью.

Герменевтический анализ

Почти все перечисленные выше литературно-повествовательные признаки саги, в прямом смысле, а также в виде метафор или реминисценций, можно обнаружить в книге Г. Мюрдала «Against the Stream». Тональность и смысл высказанных во введении рассматриваемой публикации авторских замечаний дают повод для подобного рода суждений.

Собранные в монографию ранее написанные по разным проблемам статьи сложились в «легендарно-исторический литературный памятник», эпическое предание, повествовавшее о реальных персонажах, о событиях и участии в них сказителя – «славного викинга», который представлялся в ролях героя, участника или наблюдателя происходившего.

Оглядываясь на свои прожитые годы, Г. Мюрдаль утверждал, что его больше интересовали проблемы, с которыми он как ученый разбирался, накапливая личный опыт, чем возникавшие ситуации и встречавшиеся люди. Поэтому книгу «Against the Stream» ее автор считал приемлемой заменой мемуаров, которые он никогда не сможет написать из-за недостатка времени [2, p. v–vi].

Эпос скандинава рассказывал хронологически последовательно об основных событиях в экономике и об исторических процессах в экономической мысли, акцентируя внимание на их драматургии: конфликтах и смене правящей властной иерархии, – свидетельствовал о манере говорить и складе ума повествователя. В подзаголовке своей монографии Г. Мюрдаль назвал очерки «критическими», поскольку критически воспринимал многие подходы и теории, преобладавшие в современных трудах по экономике [2, p. vi–vii].

Полемической настрой «героя-викинга» передавали его извинительные экивоки: «Я надеюсь, что мой откровенный и раскованный стиль, который давно вошел в закоренелую привычку, будут терпеть мои читатели, поскольку прогресс в социальных науках пролегает через противоречия, которые следует заострять, а не вуалировать» [2, p. viii].

Успешность научного творчества ученого-экономиста во многом определяется возможностью независимо формировать и высказывать личное мнение по всем исследуемым проблемам и свободно выбирать вектор теоретического дискурса среди различных течений экономической мысли. Подтверждает высказанное суждение «скандинавская сага» – монография «Against the Stream», ставшая своеобразным «манифестом» – программным обоснованием и защитой теоретико-методологической позиции Г. Мюрдаля посредством фундаментальной аргументированной критики альтернативной концепции стандартной экономической науки – экономикс.

Начало «Against the Stream» выглядело типичным зачином фольклорного произведения, знакомившим с персонажами, местом их действия, временем происходивших событий. «Легендарный викинг» рассказывал об экономической науке как о поприще, на котором он под-

визался вместе с другими действующими лицами, охватывая временной горизонт экономической мысли с XVIII в. Рассказчик объяснял свою роль в развитии сюжета «скандинавской саги» (эволюции экономической науки) посредством выбора художественной детали – метафоры «истеблишмент экономикс».

Концепция Г. Мюрдаля была глубже, содержательнее, нежели современное официальное применение термина «мейнстрим» для характеристики и поддержки господствующего течения экономической мысли, для вуалирования скрывающихся за ним интересов бенефициариев-теоретиков под видом ценностно-нейтральной научной школы. Шведский ученый предложил понятие-метафору «истеблишмент экономикс», которое можно интерпретировать разнообразно и широко: как доминирующую в тот или иной период парадигму экономической мысли; как элиту, руководящую верхушку сообщества экономистов; как корпус ученых-приверженцев преобладающего направления экономической теории. По мнению повествователя, кроме адептов «истеблишмента экономикс» в среде экономистов всегда есть аберранты (отклоняющиеся от нормы, сбившиеся с правильного пути), а иногда даже появляются откровенные бунтари (мятежники) [2, p. 1]. Обозначенная дихотомия дала возможность Г. Мюрдалю объяснить свой выбор позиции ратоборца-критика распространенных современных теорий и подходов экономикс, предложить оригинальную концепцию периодически возникающих кризисов в циклическом развитии экономической науки.

Сторонники доминирующего образа экономической мысли формируют истеблишмент; их сочинения признаются престижными. Они цитируют друг друга и обычно никого из иных; меньше всего бунтарей-ученых, которые осмелились подвергнуть радикальному сомнению подходы и теории, объединяющие экономистов истеблишмента. Они создают вокруг себя изолированное пространство. Внутри своей группы некоторые исследователи пользуются всеобщим авторитетом, а тысячи менее знаменитых их коллег добиваются статуса принадлежности к истеблишменту и лояльно трудятся в его рамках. То же самое происходит и в других общественных науках, однако в экономической теории стремление к конформизму особенно сильно [2, p. 1].

Целятся новаторство и оригинальность дополняющего и корректирующего типа. Допускается наличие некоторых разногласий и споров, не касающихся основной структуры устоявшихся подходов и теорий. То, что дает статус в академическом мире и открывает места в научно-ис-

следовательских и учебных заведениях нашего ремесла, а также возможности консультировать правительства, организации и бизнес, обязывает действовать в пределах установленного образца и демонстрировать сообразительность и изобретательность, приукрашивая его. К материальным вознаграждениям следует добавить влияние традиций, поскольку самые сильные корыстные интересы коренятся в образе мышления и предубеждениях. Влиятельные социальные, экономические и политические интересы и предубеждения служат важным звеном механизма причинно-следственных связей, который удерживает вместе экономистов истеблишмента и стремится увековечить их доминирование [2, р. 2–3].

Объяснение смыслового значения понятия-метафоры «истеблишмент экономикс» «сказитель» завершал введением в научный оборот наполненного житейской мудростью великолепного афоризма «оппортунистическое (выгодное) невежество». Скандинавский ученый писал, что всякое знание, как и всякое невежество, имеет тенденцию становиться оппортунистическим, если не подвергается критическому пересмотру. Истеблишмент отчаянно защищает себя от такой проверки, игнорируя как можно дольше возможную критику извне своей узкой группы [2, р. 3]. По этой причине создаются предпосылки выгодного, удобного оппортунистического невежества.

Однако конформизм согласованной ортодоксальности время от времени нарушается. Изменения в обществе инициируют кризисы и последующие сдвиги исследовательских подходов в экономической науке. Периодически случаются кризисы подразумевают упразднение господствовавшей парадигмы истеблишмента до появления новой ортодоксии. Наблюдается тенденция циклического развития экономической мысли [2, р. 3].

Теоретико-методологическое обоснование научной гипотезы о периодическом возникновении кризисов и формировании циклов эволюции экономической науки было переходом к описанию поприща, на котором начал подвизаться молодой отважный викинг-экономист, к определению исторических рамок повествования. Г. Мюрдаль доходчиво объяснил хронологию цикла восхождения и заката парадигмы кейнсианства переменами в экономике и обществе.

Тяжелая экономическая ситуация с массовой и хронической безработицей в Великобритании в 1920–1930-х гг. и Великая депрессия в США с начала 1930-х гг. обусловили реорганизацию рынка труда и структуры политической власти, усилили влияние наемных рабочих и граждан с низкими доходами. Социально-экономические

и политические потрясения спровоцировали кризис в экономической науке, проявившийся в виде литературного нонконформизма. Кейнсианская революция свершилась благодаря распространению книг и статей многих ученых, а не только Дж. М. Кейнса. Новая научная парадигма оправдывала теоретическую рационализацию изменившихся политических настроений и осуждала приверженность экономистов закону Сэя, государственную политику невмешательства в экономику, преобладавшие в обществе предубеждения и интересы [2, р. 3–5].

Циклическую динамику экономической науки Г. Мюрдаль изучал и переосмысливал на собственном жизненном опыте, делая смелые шаги в постановке и обсуждении серьезных теоретико-методологических проблем. Выбор личной позиции ученого служил основой для оценочных суждений об эволюции альтернативных течений экономической мысли и ее истеблишмента. Оригинальным было «театрально-образное» моделирование взаимодействия научных школ в концепции развития экономической мысли, начинавшееся с предположения, что набор подходов и теорий, «которые доминируют на сцене» и образуют истеблишмент, всегда сосуществует с альтернативными теориями и подходами [2, р. 1]. Значит, авторская концепция допускала вероятность появления и выхода на сцену новых направлений экономической мысли, отступления на второй план, ухода со сцены и возвращения в обновленном виде на передний край «театральных подмостков» ранее господствовавших научных школ. Поводом для таких «сценических» передвижений служила смена «декораций» по ходу экономической, политической и социальной истории.

Активная позиция повествователя помогла Г. Мюрдалю воспользоваться традициями «скандинавского экономического эпоса» – оригинальной шведской школы экономической мысли, которая обычно выделялась своей «инаковостью» в сопоставлении с англо-американскими традициями экономической науки, и более глубоко, по сравнению с кейнсианской революцией, рассматривать цикличность изменений экономикс на длительном историческом фоне.

Шведский экономист рассказывал, как в конце 1920-х гг., находясь на «теоретической» стадии своего «личного развития», впервые прибыл в Америку в статусе стипендиата Рокфеллеровского фонда. Там он познакомился с «ветром будущего» – институциональной экономикой Т. Веблена, Дж. Коммонса и У. Митчелла, не скрывая критического отношения к «новой ориентации экономической науки» [2, р. 6].

Но бравую устремленность к институциональному подходу пресекла всемирная экономическая депрессия. Институционалисты оказались в замешательстве, столкнувшись с великим бедствием, а экономисты «теоретической» школы, привыкшие рассуждать в терминах упрощенных макромоделей, справились с ситуацией и в русле кейнсианской революции приспособили свои теоретические модели к нуждам времени, обеспечив победу более широкому «теоретическому» подходу [2, р. 7].

Но даже будучи «теоретическим» экономистом, Г. Мюрдаль изначально пошел «не в ногу», выбился «аберрантом» из единого строя, опережая истеблишмент вместе со своими шведскими соратниками. Суждение патриотически настроенного скандинава о происходивших новациях звучало оценочно красноречиво: кейнсианская революция была в основном англо-американским событием. В Швеции работы Дж. М. Кейнса воспринимались как интересный и важный вклад в традиционную мысль, но не как революционный прорыв. Шведские экономисты были поражены тем, что А. Пигу, под руководством которого работал Дж. М. Кейнс на кафедре политической экономии в Кембридже, понадобилось двадцать лет, чтобы понять это. Обладание теорией К. Викселля позволило им в Швеции немного обогнать англосаксонских коллег в представлении новой теории и разработке руководящих принципов экономической политики [2, р. 5].

Теория Дж. М. Кейнса была вовсе не «общей», как предполагало название известной книги англичанина. Односторонний кейнсианский подход уступал разработанной ранее концепции К. Викселля – более общей теоретической модели, использовавшей понятие монетарного (кредитно-денежного) равновесия, от которого мог отклоняться кумулятивный процесс: либо на инфляцию, либо на дефляцию [2, р. 17].

Научные достижения К. Викселля с конца XIX в. благоприятствовали возникновению традиций шведской школы «экономического инакомыслия», которая превосходила стандартный мейнстрим экономики по скорости постановки, глубине, конкретности и содержательности решения теоретико-методологических и практических проблем. О славных подвигах экономистов-викингов, подвизавшихся на поприще реформирования национальной социально-экономической системы и экономической политики государства, эпически повествовала в соответствии с форматом скандинавской саги книга «Against the Stream».

В начале 1930-х гг. молодые ученые Стокгольмской школы Г. Мюрдаль, Э. Линдаль,

Б. Олин смогли дать рациональное теоретическое обоснование новой шведской экономической политики. В те времена, названные «годами высокой теории», общий интерес скандинавов заключался в прекращении дефляции и возобновлении роста цен, в создании условий для прибыльного ведения бизнеса, увеличения инвестиций и более полной занятости населения посредством крупномасштабных государственных инвестиций и несбалансированного бюджета, вынужденной девальвации валюты, улучшения внешней торговли и наращивания экспорта. Швеция быстро выбралась из глубокой депрессии при помощи эффективной экономической политики, которая руководствовалась теорией, разработанной отважными специалистами. Лаконично резюмируя рассуждения и эмоционально сдержанно обращаясь к читателю, Г. Мюрдаль писал: «В приложении к бюджету в январе 1933 г. я дал теоретические обоснования экспансионистской политики в терминах, которые вы теперь назвали бы кейнсианством» [2, р. 7–8]. Вот так главный герой эпического сказания «Against the Stream» совершил новаторский прорыв в экономической науке и политике на три года раньше публикации знаменитой «Общей теории» Дж. М. Кейнса.

Но оказавшись «кейнсианцем» прежде самого «гуру», Г. Мюрдаль не задержался в толпе адептов нового течения экономической мысли, ушел своим путем в направлении концепции институционализма и с альтернативных теоретико-методологических позиций здраво рассматривал эволюцию очередной ортодоксии мейнстрима стандартной экономической науки.

Интерес Г. Мюрдаля к институционализму возник в 1930-е гг., когда в Швеции началась эра социальных реформ. Изучение вопроса равенства в распределении показало ограниченность общей теории в «экономических» терминах, которая позволяла решать проблемы равновесия и роста во время Великой депрессии. В анализ необходимо было включать все «неэкономические» факторы – политическую, социальную и экономическую структуру, институты и устои, межличностные отношения. Столкнувшись с новыми проблемами, ученый-викинг, бывший в юности пламенным «теоретическим» экономистом, стал зрелым институционалистом [2, р. 10–11].

Переориентацию исследований на институциональную экономику вызвало обострение политической значимости вопроса равенства, ибо эгалитаризм затрагивал комплекс отношений между социальными группами внутри государств, между бедными и богатыми странами. Проблема равенства была взаимосвязана со многими макроэкономическими проблемами:

производительностью, структурной безработицей, доходами, кредитно-денежной, фискальной, социальной политикой [2, р. 11, 12, 14].

Г. Мюрдаль, со свойственным героям саги мужеством, основательно и аргументированно дал взвешенную критическую оценку кейнсианства как истеблишмента экономикс. Внезапное сокрушение институциональной школы и мощное усиление «теоретического» подхода в экономической науке предопределили успех кейнсианской революции. В лихолетье Второй мировой войны, когда люди привыкли к огромным государственным расходам, не осознавая, что они оплачивались за счет увеличения налогообложения и уменьшения частного потребления, кейнсианская парадигма превратилась в истеблишмент экономикс. Финансирование связанных с войной затрат решило проблемы безработицы и депрессии в экономике США, с которыми не смогла справиться некейнсианская или недостаточно кейнсианская политика Нового курса [2, р. 19].

После войны отношение к государственным расходам кардинально изменилось. Во многих странах ощущалась потребность в колоссальных затратах инвестиционного типа на восстановление экономики, развитие инфраструктуры, расширение государственных услуг в социальной сфере, вооружение. Сохранившаяся как наследие военного времени модель фискальной политики обеспечивала рост налоговых поступлений, но их постоянно не хватало для полной оплаты увеличившихся расходов за счет ограничения роста частного потребления. Провал в фискальной политике был главной причиной инфляционного развития и стагнации экономики. Ускорению инфляции и замедлению экономического роста способствовала мягкая кредитно-денежная политика [2, р. 19–20].

Став истеблишментом экономикс, кейнсианство долгое время препятствовало приспособлению теории к новой реальности, ведь быть «позади своего времени» – регулярная методологическая слабость мейнстрима экономической науки. Излишне предвзятый кейнсианский подход предполагал нормальной тенденцией всякой экономики склонность к депрессии с безработицей и дефляцией, поэтому в 1970-х гг. под натиском проблем стагфляции в развитых странах он уступил место доминирующему направлению экономикс монетаризму [2, р. 17, 29].

На стадии завершения кейнсианского цикла истеблишмента Г. Мюрдаль опять оказался в стороне от столбовой дороги экономической мысли, доказывая своим научным творчеством необходимость возрождения случайно прерван-

ного в 1920-х гг. институционализма. Концепция циклического развития экономикс подразумевала, что тот, кто не идет в ногу с основным трендом, может рассматриваться либо как отсталый человек, либо как человек, опережающий свое время, указывающий путь движения тренда. Шведский ученый твердо верил во второе и надеялся, что эволюция экономической науки в институциональном направлении ретроспективно представит сложную доминировавшую теорию как преходящую, поверхностную и бесполезную aberrацию. Не прельстившись престижными «эзотерическими» теоретическими конструкциями в терминах экономических факторов и абстрактной теории благосостояния, скандинавский исследователь без всякого намерения стал «бунтарем», последовав в противоположном общему циклу направлении [2, р. 11].

Отважный викинг-экономист был не одинок в стремлении заниматься разработкой альтернативной стандартному мейнстриму научной парадигмы. В частности, его соратником подвизался храбрый американский ученый Дж. К. Гэлбрейт. Такой поворот сюжета сопровождался раскрытием характеров героев эпоса. Г. Мюрдаль делился сдержанными эмоциями: «Мне хорошо известно, что меня часто считают не принадлежащим к профессиональным экономистам истеблишмента, хотя иногда отдают должное тому, что я сделал в течение первого десятилетия моей трудовой жизни. Меня даже называют социологом. И под этим экономисты обычно не подразумевают ничего лестного. С другим единомышленником-бунтарем Дж. К. Гэлбрейтом, который пишет на прекрасном и убедительном английском языке, часто обращаются еще более грубо, когда коллеги классифицируют его как журналиста. Но мы настаиваем на том, что остаемся экономистами» [2, р. 14–15].

Осознанное противопоставление Г. Мюрдалем себя истеблишменту экономической науки воспринимается как кульминация повествования, раскрывающая смысл названия книги «Against the Stream» – публичное выступление против основного течения (mainstream) современной экономической мысли, воплотившееся в «Critical Essays on Economics» – критических очерках экономикс.

Принимая вызов представителей истеблишмента экономической науки, шведский ученый-рабоборец резко отвечал на выпады оппонентов, «не лез за словом в карман», украшая эпическое сказание оригинальными художественными деталями. Истеблишмент экономикс, претендовавший на строгую, точную и тщательную логику доказательств, Г. Мюрдаль порицал за слишком частую

систематическую небрежность в предполагаемых допущениях и концепциях, логическую непоследовательность, за несоответствие действительности. В усложняющемся обществе очень крупные, многонациональные корпорации превращались в конгломераты, укреплялись и росли организации, и не только на рынке труда, регулировались цены и т.д. Посему унаследованные категории нашей науки, выраженные в терминах рынков и агрегатов, становились все более не адекватными исследуемой реальности [2, р. 12, 13].

Г. Мюрдаль был разочарован общей приверженностью к упрощенной модели мышления и наглядно продемонстрировал теоретико-методологическую ущербность современной стандартной экономической науки, намеренно заостряя до противоречия различия между парадигмой своего концептуального видения и канонами истеблишмента экономикс.

Изучая послевоенную инфляцию, экономисты в посткейнсианской традиции обычно полагались на чрезмерно упрощенные модели, например, напрямую связывали безработицу с динамикой цен и увеличением заработной платы (кривая Филлипса). Спонсируемая Милтоном Фридманом примитивная количественная теория денежного обращения (монетаризм) хотя и получила широкое признание, также не может быть правильной, поскольку исключила рассмотрение многих «экономических» факторов, которые учитывал даже простой кейнсианский подход. Исследования должны содержать углубленный анализ причинно-следственного механизма движущих сил экономических процессов. Успехи экономической политики зависят от овладения институциональными факторами, но они занимают мало места в кейнсианском и посткейнсианском подходах [2, р. 27, 28].

Держа курс «против течения», шведский ученый показал абсурдность набиравшего силу в послевоенную эпоху повального и безоглядного увлечения математическими моделями в русле мейнстрима экономикс. Автор скандинавской «экономической саги» придумал блестящий афоризм: «Корреляции – это не объяснения, и кроме того, они могут быть такими же ложными, как и высокая корреляция в течение длительного периода в Финляндии между убитыми лисами и разводами» [2, р. 27].

Вступление мирового хозяйства в эпоху стагфляции обусловило окончание кейнсианского цикла и возникновение очередного кризиса истеблишмента экономикс. Смена «исторических декораций» побудила к размышлению о возможных перемещениях и доминировании новых подходов и концепций на «сцене» экономической науки.

Постигая содержание, логику и закономерности происшедшего, Г. Мюрдаль предпринял попытку обосновать необходимость фундаментальных трансформаций в эволюции экономической мысли с учетом накопленного исторического опыта и новаций.

С точки зрения теории мудрого экономиста-викинга, курс на «стагфляцию», вызванный тенденцией к ускорению инфляции и политической необходимостью не дать ей разгуляться, характеризовался конфликтом между целями: стабильностью покупательной способности валюты, валютным балансом и полной занятостью. Сложившаяся ситуация фундаментально отличалась от времен Великой депрессии, когда конвергенция названных целей была основой реализма применения простого кейнсианского теоретического подхода. Понадобилась сложная теория, способная работать с большим числом институциональных факторов, которыми можно было спокойно пренебречь сорок лет назад. Экономическая наука столкнулась с гораздо более серьезным революционным кризисом фундаментальных исследовательских подходов, чем кейнсианская революция, которая лишь подтвердила и слегка изменила старый «теоретический» подход. Как всегда, под давлением политически важных социальных нововведений ученым пришлось реагировать, перенаправляя исследовательские подходы [2, р. 14, 26].

Активный деятель призывал раздвинуть пределы поприща – предмета исследования экономической науки, «сохранять мужество», чтобы смотреть на вещи шире, лучше осознавать сложную структуру социальных отношений, не ограничиваясь сферой абстрактных «экономических» факторов. Переориентация экономической науки в институциональном направлении подразумевала, что в социальных науках помимо специализированных исследований полезны исследования междисциплинарные [2, р. 15, 16].

Аргументация в пользу возвращения институционального подхода в корпус теоретико-методологического инструментария экономической мысли побудила к еще более фундаментальному выводу о целесообразности возвращения экономической науке ее первоначального названия «политической экономия».

Шведский ученый «личным заявлением» подчеркивал, что выбор направления исследований – надлежущая задача для экономистов. На протяжении двух столетий экономическая теория была «политической» наукой, в правильном смысле этого слова. Мы все были разработчиками планов («planners»), даже те из нас, кто выступал за невмешательство государства в экономику.

Как бы детально и конкретно мы ни занимались микро-проблемами, мы никогда не боялись становиться на макроэкономическую точку зрения или формулировать политические предложения для страны или даже для всего мира [2, р. 15]. На фоне мужественного и ответственного участия представителей Стокгольмской школы экономической мысли в государственном регулировании национального хозяйства отчетливо была видна еще одна слабость истеблишмента экономикс – уход от решения практических проблем, прокламирование невмешательства государства в экономику или предпочтение пассивной социально-экономической политики.

В современном обществе институциональные факторы, как правило, вызывают кумулятивную и ускоряющуюся инфляцию, поэтому следует ожидать, что «злая» тенденция к «стагфляции» станет еще более распространенной, лишь на краткое время сдерживаемой «политикой доходов», обычным результатом которой оказывается последующий скачок заработной платы и цен, усиление неравенства, хроническая безработица [2, р. 24, 28].

По мнению скандинавского экономиста, необходим был новый подход к достижению главной цели национальной экономической политики – денежно-кредитного равновесия и стабильной ценности валюты. Страна, проводившая политику стабилизации, должна была предвидеть необходимость ревальвации своей валюты, чтобы устранить страх перед безудержной инфляцией цен и возможной вынужденной девальвацией. Такая переориентация политики предполагала столь же радикальное изменение экономической теории, какое сделал К. Вексель два поколения назад, Дж. М. Кейнс и другие – одно поколение назад, отказавшись от закона Сэя и подразумеваемого им политического намерения не вмешиваться в работу рыночных сил [2, р. 30].

Г. Мюрдаля говорил не только о необходимости разработки альтернативных концепций экономической мысли, но и о критериях верификации и практической востребованности фундаментальных и прикладных научных теорий, о важности выбора личной позиции ученого. Политический климат постоянно и жестко ограничивает горизонт экономистов, но это не освобождает их от ответственности. Они могут оказывать влияние на политический климат, как сам автор «эпического повествования» в прошлом, например, на социальную политику в 1930-е гг. [2, с. 30].

Критический настрой полемизирующего викинга был воинственным, но конструктивным, направленным на решение серьезных насущных проблем. Нижеследующие рассуждения

Г. Мюрдаля, объясняют, почему его монографию «Against the Stream» не зазорно нарицать современной скандинавской «Сагой о политической экономии». Экономисты должны опережать свое время, а не только приспосабливаться, с нитьем и менее скучной критикой, к происходящему развитию. Они обязаны отказаться принимать как неизбежность непрекращающуюся инфляцию, которая периодически приводит к росту безработицы и относительной экономической стагнации. Достойное противостояние тенденции нашего времени путем переориентации исследований подразумевается в старом и правильном названии нашей дисциплины: политическая экономия. Это будет означать, в частности, что если нация хочет получить государственные услуги и их быстрое увеличение и улучшение, она должна быть готова сократить свой спрос на частное потребление, особенно на большое количество промышленных товаров, которые менее необходимы, нежели спрос на общественное потребление. Придется учесть, что такое перенаправление спроса предполагает серьезные усилия по улучшению окружающей среды [2, р. 31].

Возвращение экономической науке прежнего, «родного» названия – политическая экономия – подразумевало восстановление ее духовно-нравственного, ценностного измерения. Проблему ценностей в экономической науке и социальной политике шведский ученый рассматривал многоаспектно и ретроспективно. Сполна использовав свои литературные способности, Г. Мюрдаля постарался предложить разносторонние аргументы в обоснование закономерности современной эволюции социально-экономических систем развитых стран и объективной обусловленности их превращения в государства всеобщего благоденствия (благосостояния) во второй половине XX в.

Художественность текста «Саги о политической экономии» демонстрировал изящный авторский пассаж – исходный пункт постановки проблемы: «Я был очарован, узнав, что на протяжении веков великие мировые религии на чисто доктринальном уровне, даже индуизм и великие философии, связанные с этими религиями, были в принципе эгалитарными и, таким образом, одобряли фундаментальную оценку основ современной социальной политики. Почему и как это случилось, что такое озаряющее, идеалистическое видение достоинства отдельного человека, его основного права на равенство возможностей, а также его права на помощь, когда он в ней нуждается, стало развиваться так рано и повсеместно? И как оно пережило столько столетий вопиющего неравенства и угнетения? Я не знаю ответа на эти вопросы» [2, р. 34].

От многовековой истории возникновения религиозно-нравственных начал в духовной жизни человечества повествователь плавно передвигался к аргументам в сфере общественно-политических отношений и идеологии, в области социальных наук. Г. Мюрдаль ощущал, что трудился в великой традиции эпохи Просвещения, которая утверждала и отстаивала идеалы равенства, свободы, справедливости, солидарности, сотрудничества. Скандинавский экономист считал так же, как и классики и первое поколение неоклассических авторов, что экономика – моральная наука в значении, разъясненном Джоном Стюартом Миллем в его ранней работе «Очерки некоторых нерешенных вопросов политической экономии», как обычно называли этот раздел научной мысли еще два поколения назад [2, р. vii].

В XVII и XVIII вв. в западном мире установилась тесная взаимосвязь светских философий естественного права и утилитаризма. Все социальные науки, включая экономику, ответвились от этих философий Просвещения, вобрали в себя и разработали доктрину равенства, предоставили ее теоретические «доказательства». Постепенно создавались условия для эгалитарной социальной политики вследствие изменившейся ситуации в политической власти, когда народные массы получили избирательное право и увеличили силу организаций на рынке труда. Свою роль сыграла серия длительных интенсивных реалистичных эмпирических социальных исследований. Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, другие публикации и деятельность в «марксистской» традиции были столь значимыми, как и «новый либерализм», провозглашенный Джоном Стюартом Миллем более ста лет назад. Все эти импульсы по-своему соответствовали доктрине равенства, были основой всех социальных и, в частности, экономических теоретических размышлений начиная с эпохи Просвещения [2, р. 34–37].

«Викинг-бунтарь» не забывал воздавать должную критику оппонентам, упрекая их в нежелании развивать традиции и обогащать наследие мировой экономической мысли. Создатели политической экономии исходили из концепции, что существуют объективные ценности, которые известны и могут быть положены в основу изучения фактов и политических выводов. «Теория благосостояния», разработанная первым поколением неоклассических авторов, имела своим логическим базисом утилитарную моральную философию, которая в свою очередь опиралась на гедонистическую ассоциативную психологию. Современные экономисты истеблишмента сохранили теорию благосостояния от самых ранних неоклассических авторов, но сделали все воз-

можное, чтобы скрыть и забыть свой фундамент – особую и теперь устаревшую моральную философию. Таким образом, им удалось представить то, что кажется аморальной экономической теорией, и они часто гордятся этим и подчеркивают это как «профессионализм» [2, р. vii].

Последовательное раскрытие сюжетной линии «скандинавского политико-экономического эпоса» приводило к рассмотрению современной проблематики и выявлению тенденций происходивших экономических и социально-политических трансформаций. Изменения в обществе, политике и экономике развитых стран во второй половине XX в. создали предпосылки теоретической рационализации преобразований, которая реализовалась во введении в научный оборот концепций и понятий: «новое индустриальное общество», «постиндустриальное общество», «общество изобилия», «государство всеобщего благосостояния (благоденствия)» и т.п. Г. Мюрдаль представил свое оригинальное парадигмальное научное видение, предложил замечательное, содержательное понятие-метафору «созданная гармония» (created harmony).

Автор и главный герой «экономической саги» Г. Мюрдаль объяснил собственное участие в исследовании и практическом формировании новой социально-экономической модели, а также специфику последней. В наше время быстрое расширение социальной политики превратило передовые страны в государства всеобщего благосостояния. Мой опыт исследований и периодического участия в политике побуждает меня видеть в каждой из этих стран удивительную степень соответствия и конформизма при разработке оценок базовой социальной политики. В результате политического развития возникло то, что я назвал «созданной гармонией», в противоположность либеральному предположению о существующей гармонии интересов, которое было основной мышления естественного права и утилитаризма [2, р. 36].

По мнению ученого, совместный выбор общества и государства определяет вектор пути национального экономического развития: эволюцию в направлении большего социального расслоения в результате политики благоприятствования крупному бизнесу и игнорирования интересов широких слоев населения; эволюцию в направлении большего равенства и солидарности посредством государственной политики преодоления социально-экономического неравенства, порождаемого конкурентно-рыночными отношениями. Передовые страны стремились к гармонии интересов хозяйствующих субъектов в процессе многолетнего социально-экономическо-

го реформирования. Созданная организованным обществом гармония регулировала и компенсировала действие рыночных сил, вызывавших дисгармонию, отличалась от порожденной стихией рынка старой гармонии теории экономического равновесия, утилитаризма и естественного права.

Резюме сказанного и оценка перспектив в устах исследователя звучали оптимистично. Г. Мюрдаль рассматривал созданную гармонию – государство всеобщего благосостояния – как нечто большее, нежели просто сложившуюся ситуацию. В динамике оно стало почти неизменной тенденцией. Его дальнейшее развитие может быть замедлено на некоторое время, а иногда даже обращено вспять. Но после такой остановки можно ожидать продолжения этого курса в результате достижения широкого национального консенсуса ценностей политики социально-экономического реформирования [2, р. 39].

Парадигмальный подход скандинавского ученого утверждал нравственное измерение эволюции экономических систем, национальных экономик. Такой вывод следует из постановки проблемы эффективности (продуктивности), соотношения затрат и выгод социальной реформы. Шведский экономист в очередной раз показал себя викингом-ратником, способным мужественно вести свой «научный корабль» против течения теоретической мысли истеблишмента экономикс, доказал эффективность социальных и экономических реформ в развитых странах, завершившихся «созданной гармонией» интересов хозяйствующих субъектов.

Г. Мюрдаль поставил под сомнение и опроверг традиционное абстрактное предположение экономистов классической и неоклассической школ о конфликте между экономическим ростом и эгалитарными реформами, за которые надо обязательно платить высокую цену падения производительности народного хозяйства. До сих пор очень мало эмпирических исследований было посвящено доказательству умозрительной теории об антагонизме между благосостоянием и прогрессом. Почти не было эмпирических исследований даже таких простых «экономических» взаимосвязей, как влияние различных степеней равенства в распределении доходов и богатства на сбережения, производительность труда и эффективность [2, р. 39, 40, 41].

Скандинавский мыслитель поведал о том, как вместе с трансформацией общественно-хозяйственных систем и государственной экономической политики менялись ценностные ориентиры и научное понимание реформаторской деятельности. Политика эгалитарных реформ в развитых странах возникла и получила импульс

к расширению масштабов после Первой мировой войны. На начальном этапе господствовало традиционное мнение о том, что за эгалитарные реформы нужно заплатить цену снижения темпов экономического прогресса. Реформы регулярно утверждались ради достижения большей социальной справедливости. Широкое признание значимости этой ценности создало политические условия для проведения через парламенты реформ, которые стали считаться достойными их цены. Только в странах, которые стали наиболее развитыми как государства всеобщего благоденствия, и только в последнее время возникла идея о том, что реформы благосостояния, вместо того чтобы быть дорогостоящими для общества, закладывают основу для более устойчивого и быстрого экономического роста. Исторически эта идея оказалась запоздалой [2, р. 40–41].

История свидетельствует, что с национальной точки зрения социальные реформы были скорее инвестицией в экономический прогресс, чем тормозом. По мере развития государства всеобщего благоденствия политическая и общественная дискуссия пришла к принятию новой альтернативной теории. Изменение в мышлении о результативности реформаторской активности дает толчок к продолжению и ускорению социальных реформ, освобождает реформаторскую деятельность от запретов [2, р. 41].

В жанре скандинавской саги можно интерпретировать обобщающие выводы о характере и результативности социально-экономических преобразований в Швеции с 1930-х по 1970-е гг. Широта охвата событий народной жизни и их нравственно-идеологическая оценка соответствовали традициям эпоса.

Успешность реформирования социальных и политико-экономических отношений в Швеции Г. Мюрдаль объяснял распространением равенства людей, кумулятивным процессом укрепления справедливости и социально-экономической солидарности. Десятилетия форсированных реформ в направлении демократического государства всеобщего благосостояния сделали более насущным вопрос равенства. Технологические и институциональные перемены сопровождалась новыми неравенствами и обостряли старые, и ранее достигнутые успехи поощряли стремление к дальнейшим реформам. В Швеции население имеет относительно равные высокие доходы, сформировалась организация рынка труда, которая минимизирует трудовые конфликты, сложились рациональные политические отношения между экономическими и социальными группами. Нация оказалась готовой к сокращению спроса на частное потребление ради увеличения

и улучшения получаемых государственных услуг. Признание правомерности большего равенства смягчало стремление к росту доходов и облегчало урегулирование интересов всех социальных групп. Введение прогрессивной системы налогообложения сопровождалось эффектом перераспределения и повышением обременения среднего класса. Социальные реформы не препятствовали росту национальной экономики. Проблема равенства охватывала все социальные отношения и была взаимосвязана с производительностью экономики. Перераспределение доходов в пользу малообеспеченных и многодетных семей было производительным, особенно если социальные блага предоставлялись в натуральной форме, в частности, в здравоохранении и образовании и во многих других областях современной политики социального обеспечения [2, р. 13–14, 30–31, 41–43].

Специфику модели «шведского социализма» определил перенос акцента реформирования с производства на распределение и потребление, сосредоточение государства на макроэкономическом регулировании. Вопреки старой социалистической доктрине, предлагавшей социализацию финансов и крупной промышленности, в развитых государствах всеобщего благоденствия происходила социализация потребления. Шведские социал-демократы провели масштабные социальные реформы, расширили контроль, защищающий общественные интересы в развитии экономики, но не национализировали промышленность и торговлю. В Швеции бизнес остался в частных руках больше, чем в США с их непоколебимой верой в частное предпринимательство [2, р. 42].

Результаты эгалитарного социально-экономического развития Швеции в условиях социалистического реформирования Г. Мюрдаль оценивал высоко. Сорок лет ускорившихся социальных реформ в Швеции обеспечили быстрое развитие государства всеобщего благоденствия, не остановили экономический рост и ознаменовались хозяйственными достижениями. С экономической точки зрения, страна достигла уровня, который не на много ниже, а, может быть, и выше уровня Соединенных Штатов. Впечатляющему экономическому развитию способствовали и другие факторы – политика полной занятости и свободной торговли, идеальная организация рынка труда и прочие условия, события и удачи. Замечательный экономический прогресс подтвердил новую теорию о том, что комплексные социальные реформы были эффективными, не сдерживали экономический подъем. В снижении темпов роста шведской экономики в 1970-х гг.

были виноваты не социальные реформы. Неудачи макроэкономической политики в условиях «стагфляции» мировой экономической конъюнктуры стали причиной возникновения тенденции к стагнации, которая настигла Швецию [2, р. 9, 42–43]. Макроэкономическая динамика не поколебала ценностных основ созданной гармонии государства всеобщего благоденствия, которые получили практическое подтверждение и воплощение в самоотверженном труде шведского народа, достойном эпического повествования.

Обсуждая проблему ценностей, автор современной скандинавской «Саги о политической экономии» украсил ее великолепной метафорой: «экономика – нравственная наука». Без ложной скромности Г. Мюрдаль писал: «Я показал, ... что во всех экономических исследованиях есть необходимость от начала и до конца работать с явными ценностными предпосылками. Когда ... во многих областях исследований я попытался применить это понимание и работал над порядком изложения моих ценностей и обоснованием их выбора, я восстановил характер экономики до нравственной науки. Выводы экономической политики могут быть рационально выведены из этих ценностных предпосылок и факты установлены с точки зрения тех же ценностных предпосылок» [2, с. vii, viii]. Стало быть, экономическая теория (политическая экономия) обязана быть нравственной.

Заключение

Завершая научный обзор книги «Against the Stream. Critical Essays on Economics», следует констатировать, что Г. Мюрдаль предложил альтернативную мейнстриму современного либерально-рыночного фундаментализма парадигму, обосновал объективную обусловленность и необходимость возвращения экономической науке искомого наименования политической экономии.

Заявленная как научная мемуаристика, публикация в высокохудожественной форме изобразила почти полувековой жизненный путь викинга-экономиста с 1920-х до 1970-х гг., на протяжении которого автор Г. Мюрдаль представал поочередно в ролях наблюдателя, участника и повествователя. Интерпретация научной монографии в стиле скандинавской «Саги о политической экономии» добавила множество весьма интересных деталей, суждений, пояснений, которые содержательно дополнили теоретико-методологический подход, показала возможность изучать, исследовать и излагать историю экономической мысли в привлекательном литературном стиле без ущерба для глубины и полноты приобретаемого знания.

Вскоре после выхода в свет монографии «Against the Streams» Г. Мюрдаля объявили лауреатом Нобелевской премии 1974 г. по экономическим наукам «за основополагающие работы по теории денег и экономических колебаний и глубокий анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений». Ученый удостоился столь высокой награды за оба своих личных выбора – теоретическую и институциональную экономику; причем он получил звание Нобелевского лауреата вместе со своим идеологическим и концептуальным оппонентом-антагонистом Ф. Хайеком. Собственной жизнью, а не только публикациями Г. Мюрдаль доказал необходимость личного выбора и возможность формирования альтернативных направлений экономической теории. Присуждение Нобелевской премии – заслуженное вознаграждение автора и главного героя современной скандинавской «Саги

о политической экономии», вполне соответствующее традициям спокойного и доброго окончания произведений народного эпоса.

Список литературы

1. *Рязанов В. Т.* Современная политическая экономия : перспективы неомарксистского синтеза. СПб. : Алетейя, 2019. 436 с.
2. *Myrdal G.* Against the Stream. Critical Essays on Economics. London : Palgrave Macmillan, 1973. 336 p.

References

1. *Ryazanov V. T.* *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza* [Modern Political Economy: Prospects of Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2019. 436 p. (in Russian).
2. *Myrdal G.* *Against the Stream. Critical Essays on Economics*. London, Palgrave Macmillan, 1973. 336 p.

Поступила в редакцию 17.05.2021, после рецензирования 25.05.2021, принята к публикации 27.05.2021
Received 17.05.2021, revised 25.05.2021, accepted 27.05.2021

Научная статья
УДК 311.42

Анализ неравномерности сельскохозяйственного производства в России

О. В. Кочетыгова , Е. С. Иноземцев, М. В. Головки

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Кочетыгова Ольга Вениаминовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информационные системы и моделирование», OV_Kochetygova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0150-6850>

Иноземцев Евгений Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Информационные системы и моделирование», inevgenij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0146-3395>

Головки Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры «Информационные системы и моделирование», golovmar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4548-3988>

Аннотация. Введение. Сельское хозяйство непосредственно влияет на продовольственную, экономическую, социальную безопасность страны. Неравномерность сельскохозяйственного производства обусловлена как природно-климатическими факторами, так и экономическими, такими как укрупнение предприятий, внедрение более эффективных средств и технологий производства. Нарастание территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства может привести к нехватке продовольствия, его удорожанию за счет увеличения транспортной наценки. Неравномерность по размеру организаций также имеют ряд социально-экономических последствий. В целом на фоне роста эффективности сельскохозяйственного производства снижаются конкуренция, предпринимательская активность, возможен рост социальной напряженности в случае банкротства единственного предприятия.

Теоретический анализ. Для оценки территориальной дифференциации сельскохозяйственного производства использовались коэффициент Джини и кривая Лоренца. Неравномерность организаций по размеру выручки оценивалась на основе ABC-анализа и кривой Парето. **Эмпирический анализ.** Устранение влияния лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства на итоги оценки территориальной неравномерности валовой добавленной стоимости (ВДС) Раздела А ОКВЭД2 потребовало исключения из анализа субъектов РФ с преобладанием данных видов деятельности. Коэффициент Джини для ВДС регионов РФ в 2018 г. составил 0,45, а в 2008 г. – 0,48. Таким образом, территориальная дифференциация сельскохозяйственного производства за 2009–2018 гг. незначительно снизилась. Типологизация регионов РФ с учетом температуры воздуха, осадков, производительности и убыточности в сельском хозяйстве позволила выделить благоприятные, рискованные и неблагоприятные для земледелия и животноводства регионы.

Результаты. Выявлена значительная неравномерность сельскохозяйственного производства как в территориальном разрезе, так и по размеру организаций. За 2009–2018 гг. территориальная дифференциация снизилась. ABC-анализ показал, что 80% выручки по виду деятельности «сельское хозяйство» приходится лишь на 10,9% активных предприятий.

Ключевые слова: сельское хозяйство, региональная неравномерность, типологизация, выручка, ABC-анализ

Для цитирования: Кочетыгова О. В., Иноземцев Е. С., Головки М. В. Анализ неравномерности сельскохозяйственного производства в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 255–262. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-255-262>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unevenness analysis of agricultural production in Russia

O. V. Kochetygova , E. S. Inozemtsev, M. V. Golovko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Olga V. Kochetygova, OV_Kochetygova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0150-6850>

Evgeniy S. Inozemtsev, inevgenij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0146-3395>

Maria V. Golovko, golovmar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4548-3988>

Abstract. Introduction. Agriculture affects the food, economic and social security of the country. The unevenness of agricultural production is due to natural, climatic and economic factors, for example, the enlargement of enterprises, the introduction of efficient means and production technologies. The increase in territorial unevenness can lead to a shortage of food, its rise in price due to transport markup. Unevenness in the size of organizations also has socio-economic implications. The efficiency of agricultural production is growing, but competition and

entrepreneurial activity are decreasing. An increase in social tension is possible in case of a single enterprise bankruptcy. **Theoretical analysis.** To assess the territorial unevenness of agricultural production, the Gini coefficient and the Lorenz curve were used. The unevenness of organizations in terms of revenue was estimated basing on the ABC analysis and the Pareto curve. **Empirical analysis.** Subjects of the Russian Federation with a predominance of forestry, hunting, fishing and fish farming were excluded from the analysis. The Gini coefficient for the GVA of the regions of the Russian Federation in 2018 was 0.45, and in 2008 – 0.48. The territorial unevenness of agricultural production in 2009–2018 has slightly decreased. The Russian Federation regions typology made it possible to identify favorable, risky and unfavorable regions for agriculture and animal husbandry. **Results.** A significant unevenness of agricultural production both in the territorial context and in the size of organizations was revealed. For 2009–2018, territorial unevenness has decreased. The ABC analysis showed that 80% of revenue from the type of agricultural activity accounted for only 10.9% of active enterprises.

Keywords: agriculture, regional unevenness, typology, revenue, ABC-analysis

For citation: Kochetygova O. V., Inozemtsev E. S., Golovko M. V. Unevenness analysis of agricultural production in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 255–262 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-255-262>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сельское хозяйство является приоритетной отраслью российской экономики, от его состояния во многом зависят экономическая, политическая и социальная сферы. Активное развитие собственного агропромышленного комплекса позволит конкурировать и достойно представлять Российскую Федерацию на мировом рынке сельскохозяйственной продукции. Перед Россией стоят задачи диверсификации структуры экспорта, снижения зависимости от импорта продовольственных товаров с высокой добавленной стоимостью, перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономики за счет использования технологий, создания высокотехнологичных производств, стимулирования инновационной активности в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции. Модернизация сельского хозяйства России необходима для формирования самодостаточного, эффективного и устойчивого сектора национальной экономики [1].

В силу большой территории, разнообразия климатических зон, типов почв и размещения населения сельскохозяйственное производство в России сконцентрировано в некотором числе субъектов РФ, т. е. четко прослеживается территориальная асимметрия и дифференциация регионов по уровню сельского хозяйства [2–4]. Также велики различия в производстве в зависимости от размера сельхозпредприятий [5, 6]. Целью исследования является оценка степени неравномерности сельскохозяйственного производства в Российской Федерации.

Для достижения цели был поставлен ряд задач:

- 1) дать количественную оценку степени дифференциации сельскохозяйственного производства в разрезе территорий и организаций;
- 2) выявить динамику и факторы изменения неравномерности сельскохозяйственного производства;

3) провести сравнительную характеристику территорий и организаций в зависимости от объемов сельскохозяйственного производства.

Теоретический анализ

В Российской Федерации с 2016 г. введен в действие новый ОКВЭД2, Раздел А которого включает сельское, лесное хозяйство, охоту, рыболовство и рыбоводство. На федеральном уровне публикуются детализированные данные валовой добавленной стоимости (ВДС) по Разделу А. Однако в региональном разрезе публикация данных по Разделу А ОКВЭД2 осуществляется без деления на сельское хозяйство и прочие виды деятельности. Для исключения воздействия прочих видов на результаты анализа деятельности нами был оценен вклад сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в экономику регионов. Это возможно при рассмотрении оборота организаций (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей), представляющего собой общий объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг собственными силами; проданных товаров, приобретенных для перепродажи [7].

По данным за 2019 г., вклад сельского хозяйства в оборот по Разделу А в Магаданской, Мурманской областях и Камчатском крае близок к нулю. В Хабаровском и Приморском краях, Республике Карелия, Архангельской и Сахалинской областях – не превышает 12%. В Вологодской, Калининградской, Иркутской и Костромской областях – составляет от 50 до 70%. Во всех остальных субъектах РФ вклад сельского хозяйства в оборот по Разделу А превышает 80%.

Наибольший объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду деятельности «рыболовство и рыбоводство» в РФ в 2019 г. приходился на Архангельскую, Магаданскую, Калининградскую, Ленинградскую

области, Приморский и Хабаровский края. Вклад других регионов РФ не превышает 1%.

Наибольший вклад в объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду деятельности лесоводство и лесозаготовки в РФ в 2019 г. приходился на Иркутскую, Вологодскую, Архангельскую и Кировскую области, Алтайский, Красноярский, Приморский, Хабаровский края. Вклад других регионов РФ также не превышает 1%.

Регионы с преобладанием лесоводства и лесозаготовок, рыболовства и рыбоводства, такие как Архангельская, Магаданская, Калининградская, Иркутская, Вологодская, Ленинградская области, Приморский, Хабаровский, Алтайский, Красноярский края, были исключены из анализа. Данные по некоторым регионам не представлены в официальных публикациях до 2014 г. (Республика Крым, г. Севастополь).

Анализ неравномерности сельскохозяйственного производства проводился на основе коэффициента Джини, АВС-анализа, кривых Лоренца и Парето [8].

Эмпирический анализ

Вклад сельского хозяйства в экономику регионов отличается ввиду разнообразия при-

родно-климатического устройства России и уровня развития других видов деятельности [9]. Наибольший вклад Раздела А в формирование валового регионального продукта по итогам 2018 г. отмечен в Северо-Кавказском федеральном округе – 15,6%.

Среди регионов, специализирующихся на сельском хозяйстве, можно отметить Республику Калмыкия (25,9% в ВРП), Тамбовскую область (24,7%), Орловскую область (19,9%), Карачаево-Черкесскую Республику (19,4%), Кабардино-Балкарскую Республику (19,2%), Брянскую область (19,1%), Белгородскую область (18,2%), Курскую область (18,1%), республики Дагестан (17,6%) и Марий Эл (15,9%).

Наибольший вклад в совокупную ВДС РФ по Разделу А «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» по итогам 2018 г. внесли Краснодарский край (6,76%), Белгородская область (4,31%), Ростовская область (4,03%), Республика Татарстан (3,83%) и Воронежская область (3,55%).

Дифференциация регионов РФ по ВДС Раздела А «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» значительная и может быть оценена на основе кривой Лоренца (рис. 1) и коэффициента Джини.

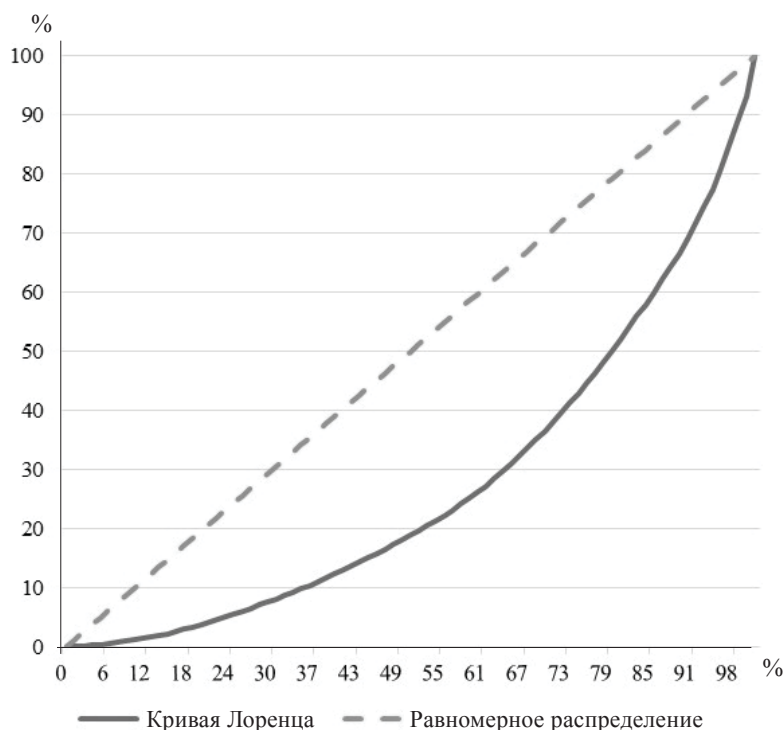

Рис. 1. Кривая распределения ВДС Раздела А «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» по регионам РФ в 2018 г.

Fig. 1. GVA distribution curve of section A. Agriculture, forestry, hunting, fishing and fish farming by regions of the Russian Federation in 2018

Степень отклонения кривой Лоренца от линии равномерного распределения достаточно существенная, что подтверждается значением коэффициента Джини, равным 0,45:

$$G = 1 - 2 \sum d_x d_y^H + d_x d_y = 0,45,$$

где d_y^H – накопленная частота вклада региона в ВДС Раздела А; d_x – вклад региона в случае равномерного распределения (1/82).

Однако для аналогичного состава регионов по данным за 2008 г. коэффициент Джини составил 0,479. Таким образом, территориальная неравномерность сельскохозяйственного производства в РФ за 2009–2018 гг. незначительно снизилась. Вместе с тем она схожа и даже ниже неравномерности распределения общего ВРП по регионам РФ. Так, коэффициент Джини для ВРП по субъектам РФ в 2018 г. составил 0,62, а без учета аномальных по вкладу в ВРП г. Москвы и Тюменской области – 0,50.

Для выделения однородных по условиям сельскохозяйственного производства регионов был проведен кластерный анализ по следующим признакам:

- фактическая среднемесячная температура воздуха (°C) в июле;
- фактическая среднемесячная температура воздуха (°C) в январе;
- количество осадков (мм) в июле;
- количество осадков (мм) в январе;
- удельный вес убыточных организаций в 2019 г. (Раздел А), %;
- продукция сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий; в фактически действовавших ценах) в расчете на одного занятого (тыс. руб./чел.) за 2019 г.

Сведения о количестве осадков и среднемесячной температуре в регионах РФ опубликованы за 2009–2011 гг. Обновление информации о водных и климатических ресурсах на территории Российской Федерации запланировано по состоянию на 2019 г. Для исключения фактора погодных колебаний данные по каждому из климатических показателей за 2009–2011 гг. были усреднены.

Показатель «продукция сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий; в фактически действовавших ценах) в расчете на одного занятого; тыс. руб./чел.» использовался нами для характеристики эффективности (производительности) сельскохозяйственного производства в регионах РФ. Официальная информация об эффективности сельскохозяйственного производства по регионам России не публикуется. Расчет производительности труда в сельском хозяйстве за 2019 г. произведен нами на основе данных федерального статистического сборника «Регионы России. Со-

циально-экономические показатели. 2020» (М., 2020) о продукции сельского хозяйства в 2019 г. (в фактических ценах; млн руб.); среднегодовой численности занятых (тыс. чел.); структуры занятых по видам деятельности (%).

Данный расчет не вполне корректен ввиду несовпадения объекта исследования, в частности, объем продукции относится к виду деятельности «сельское хозяйство», а среднегодовая численность занятых – к виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», т. е. круг деятельности шире. Однако такие расчеты позволяют получить общее представление о территориальном неравенстве в эффективности сельскохозяйственного производства и были проведены нами ввиду незначительной численности занятых в лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве, а также отсутствия других данных.

Были типологизированы 68 субъектов Федерации. Стандартизация данных по каждому показателю осуществлялась с использованием минимальных ($x_{\min}$) и максимальных значений

$$(x_{\max}) z_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{\min j}}{x_{\max j} - x_{\min j}}.$$

В качестве меры близости между объектами был выбран квадрат евклидовой метрики. Характеристики трех кластеров представлены на рис. 2 и в табл. 1. Условно кластеры были названы нами как благоприятные, неблагоприятные и рисковые для ведения сельского хозяйства.

К числу неблагоприятных регионов относятся преимущественно расположенные на Дальнем Востоке и за Уралом (табл. 2). Климатические условия данной группы характеризуются низкими летними (в среднем 16,4°C и зимними (минус 21,1°C) температурами, большим количеством осадков в летнее время года (72,8 мм) и низким – в зимнее (21,3 мм), низкой производительностью по виду деятельности «сельское хозяйство» (978,4 тыс. руб./чел.) и средним уровнем убыточности сельскохозяйственных организаций (30,2%).

Благоприятные для сельского хозяйства регионы характеризуются летними температурами около 23,4°C, зимними – минус 9,2°C, равномерным распределением осадков в течение года (46,7–42,0 мм), низким удельным весом убыточных организаций и высокой производительностью труда (1526,4 тыс. руб./чел.). В эту группу регионов вошли преимущественно субъекты Южного, Приволжского и Центрального федеральных округов, в том числе Саратовская область.

Регионы рискованного земледелия незначительно отличаются по температурным условиям

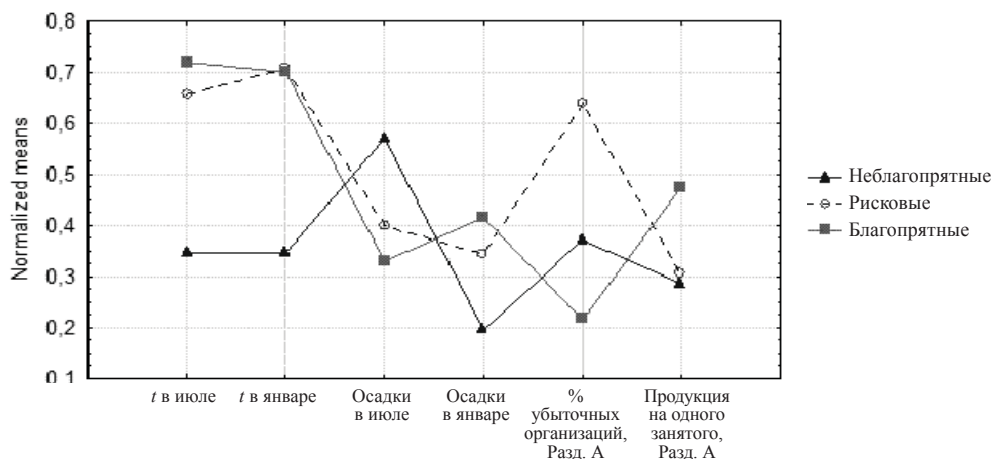

Рис. 2. Средние стандартизованные значения регионов по кластерам
Fig. 2. Average standardized values of regions by cluster

Таблица 1 / Table 1

Средние значения регионов по кластерам
Average values of regions by clusters

Условия Conditions	Число регионов Number of regions	Производство сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий; в фактически действовавших ценах) в расчете на одного занятого (тыс. руб./чел.) за 2019 г. Agricultural products (in farms of all categories; in actual prices) per employee (thousand rubles/person) for 2019	Фактическая среднемесячная температура воздуха, °C / Actual average monthly air temperature, °C		Количество осадков (мм) Precipitation (mm)		Удельный вес убыточных организаций Раздел А Share of unprofitable organizations Section A
			июль July	январь January	июль July	январь January	
Неблагоприятные	22	978,4	16,4	-21,1	72,8	21,3	30,2
Рисковые	15	1037,2	22,2	-9,0	54,3	35,2	45,7
Благоприятные	31	1526,4	23,4	-9,2	46,7	42,0	21,2

Таблица 2 / Table 2

Распределение регионов РФ по группам
Distribution of the Russian Federation regions by groups

Условия / Conditions	Субъекты РФ / Subjects of the Russian Federation
Неблагоприятные	Еврейская АО, Забайкальский, Камчатский, Пермский края, республики Алтай, Бурятия, Коми, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Чукотский АО, Амурская, Кемеровская, Курганская, Мурманская, Новосибирская, Челябинская, Омская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Тюменская области
Рисковые	Республики Ингушетия, Карелия, Чеченская и Чувашская республики, Астраханская, Брянская, Ивановская, Калужская, Московская, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская области
Благоприятные	Республики Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Удмуртская, Краснодарский, Ставропольский края, Белгородская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Кировская, Костромская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская области

и уровню осадков от благоприятных территорий, однако из-за качества почв, а также, возможно, материально-технической оснащенности сельскохозяйственных предприятий (Рес-

публика Ингушетия, Чеченская Республика) характеризуются низкой производительностью труда и высоким удельным весом убыточных организаций.

Значимость различий по всем включенным в кластерный анализ показателям подтверждается на основе дисперсионного анализа на уровне значимости 0,05.

Более детальный анализ на уровне отдельных организаций был проведен по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности предприятий и организаций за 2018 г. и размещен на сайте Росстата [10]. В базе данных содержатся сведения о 2 283 983 организациях. Из них по видам деятельности 01.1 – Выращивание однолетних культур; 01.2 – Выращивание многолетних культур; 01.3 – Выращивание рассады; 01.4 – Животноводство; 01.5 – Смешанное сельское хозяйство;

01.6 – Деятельность вспомогательная в области производства сельскохозяйственных культур и послеуборочной обработки сельхозпродукции – 26 268 организаций, или 1,15%. Организаций с ненулевым балансом на конец 2018 г. и выручкой более 0 тыс. руб. – 13 934, т.е. 63,7%.

Большая часть организаций заявляет своим основным видом деятельности 01.1 – Выращивание однолетних культур (46,4%). При этом среди них велик процент микропредприятий (табл. 3). Для предприятий с размером выручки более 50 млн руб. в год распределение на растениеводческие и животноводческие практически совпадает.

Таблица 3 / Table 3

Распределение активных сельскохозяйственных предприятий РФ по размеру выручки
Distribution of active agricultural enterprises in the Russian Federation by revenue

Выручка, тыс. руб. Revenue, thousand rubles	Код ОКВЭД / OKVED code				Всего / Total
	01.1	01.4	01.5	01.6	
До 200	4,68	1,76	1,03	1,17	8,64
200–1000	5,60	2,53	1,46	1,64	11,23
1000–5000	8,69	4,21	2,70	3,10	18,70
5000–10 000	4,58	2,61	1,51	1,54	10,24
10 000–20 000	5,66	2,76	1,44	1,54	11,40
20 000–50 000	7,04	3,83	2,16	1,54	14,57
50 000–200 000	6,83	5,63	3,11	1,25	16,82
200 000 и более	3,36	3,54	1,14	0,36	8,40
Итого	46,44	26,87	14,55	12,14	100,00

Большое число микропредприятий является причиной неравномерного распределения выручки. Так, по результатам ABC-анализа, 80% выручки по виду деятельности «сельское хозяйство» приходится лишь на 10,87% активных предприятий, 15% выручки – на 20,71% активных предприятий, а оставшиеся 68,42% предприятий дают лишь 5% выручки (рис. 3).

Если оценивать степень неравномерности распределения выручки среди организаций разных видов экономической деятельности, то наиболее четко оно наблюдается в деятельности вспомогательной в области производства сельскохозяйственных культур и послеуборочной обработки сельхозпродукции (КДж = 0,929) и в выращивании однолетних культур (G = 0,881).

Также отмечается укрупнение предприятий по размеру занятых на них работников. Если в 2015 г. в среднем на предприятиях Раздела А работали 42,5 чел., то в 2019 г. – 54,1 чел.

Число занятых по виду деятельности «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» неуклонно снижается. Если в 2015 г. их было в среднем 5507 тыс. чел., то в 2019 г. –

4781 тыс. чел. Это на 13,2%, или 726,3 тыс. чел. меньше за четыре года, а в среднем за год – на 3,5%, или на 181,6 тыс. чел. Частично этот процесс объясняется увеличением производительности труда, в том числе за счет обновления основных фондов. Так, обновление основных фондов по Разделу А идет опережающими темпами по сравнению со среднероссийским уровнем (6,5% против 4,7% по РФ в 2019 г.). Одновременно с этим внутрироссийская миграция из сельской местности в городскую за 2009–2019 гг. составляла 90 тыс. чел. в среднем за год.

В сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве прирост зарегистрированных организаций отрицательный, однако в 2017 г. снижение числа организаций превышало среднероссийский уровень, а с 2018 г. находится на уровне меньшем, чем среднероссийский.

Результаты

Выявлена значительная неравномерность сельскохозяйственного производства как в территориальном разрезе, так и по размеру организаций, однако за 2009–2018 гг. она незначительно

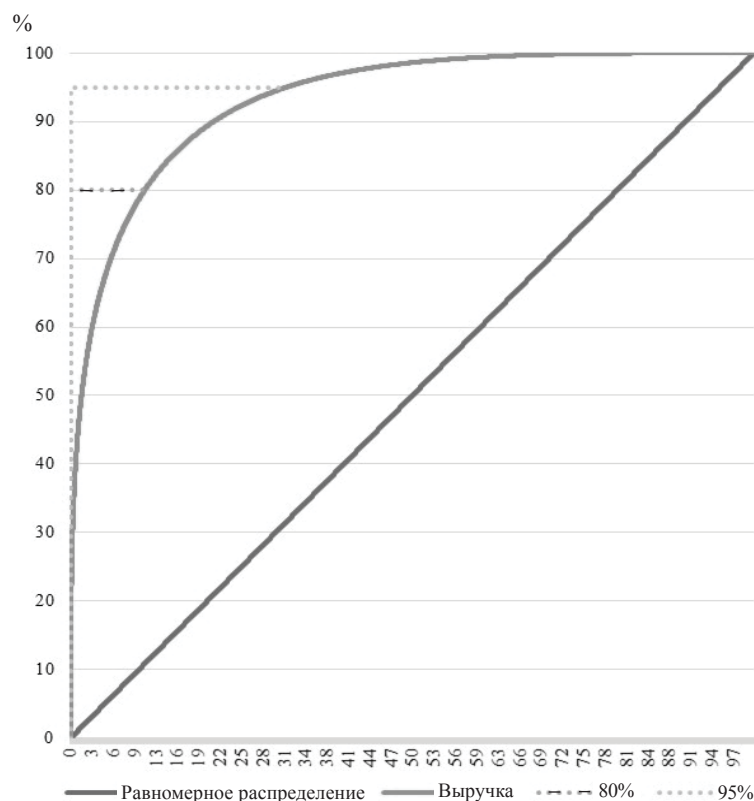

Рис. 3. Кривая Парето объема выручки активных сельскохозяйственных организаций РФ в 2018 г.

Fig. 3. Pareto curve of the active agricultural organizations revenue in the Russian Federation in 2018

снизилась. Коэффициент Джини регионов РФ в 2018 г. для ВДС по Разделу А составил 0,45, в 2008 г. – 0,48. Неравномерность распределения ВРП по территории РФ по всем видам деятельности в 2018 составляла 0,62, а без учета г. Москвы и Тюменской области – 0,50.

Типологизация регионов РФ с учетом температуры воздуха, осадков, производительности и убыточности в сельском хозяйстве позволила выделить благоприятные, рисковые и неблагоприятные для земледелия и животноводства регионы. К числу последних относятся преимущественно регионы, расположенные на Дальнем Востоке и за Уралом. Климатические условия данной группы характеризуются низкими летними и зимними температурами, большим количеством осадков в летнее время года и малым – в зимнее, низкой производительностью по виду деятельности «сельское хозяйство» и средним уровнем убыточности сельскохозяйственных организаций.

Регионы рискованного земледелия незначительно отличаются по температурным условиям и уровню осадков от благоприятных территорий, однако характеризуются низкой производительностью труда и высоким удельным весом убыточных организаций.

Благоприятные для сельского хозяйства регионы характеризуются летними температурами около 23,4°C, зимними – минус 9,2°C, равномерным распределением осадков в течение года, низким удельным весом убыточных организаций и высокой производительностью труда. В эту группу регионов вошли преимущественно субъекты Южного, Приволжского и Центрального федеральных округов, в том числе Саратовская область.

АВС-анализ показал, что 80% выручки по виду деятельности «сельское хозяйство» приходится лишь на 10,9% активных предприятий. В среднесрочной и долгосрочной перспективе снижение числа сельскохозяйственных предприятий и занятых в них, не компенсированное созданием новых рабочих мест в обрабатывающих и иных производствах, приведет к вымиранию деревень, деградации ее инфраструктуры и сельского населения в целом.

Разумный протекционизм и поддержание конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции при оптимальном сочетании государственных и рыночных механизмов управления экономикой, внедрение новых технологий в производство, повышение рентабельности АПК

и изменение имиджа сельского хозяйства в обществе; использование различных точечных квот и инвестиций в отдельных регионах России и сферах сельского хозяйства позволят обеспечить как национальную безопасность, так и рост экономики России.

Список литературы

1. Козенко З. Н., Попова С. А., Козенко К. Ю. Социальная направленность развития сельских территорий // Проблемы развития АПК региона. 2017. Т. 29, № 1 (29). С. 136–142.
2. Коломак Е. А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная Экономика. 2014. № 4. С. 82–99. <https://doi.org/10.14530/se.2014.4.082-099>
3. Костяев А. И. Оценка вклада регионов в формирование продовольственных ресурсов страны // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 12. С. 48–56.
4. Толмачев М. Н., Носов В. В. Типология регионов России по состоянию и развитию сельского хозяйства // Научное обозрение. 2012. № 1. С. 188–198.
5. Петриков А. Основные направления реализации современной агропродовольственной и сельской политики // Международный сельскохозяйственный журнал. 2016. № 1. С. 3–9.
6. Milovanov D. I., Vaganova O. E., Sadykova T. M., Evdokimova N. A. Prospects for the development of greenhouses in the regions of Siberia // Устойчивое развитие сельских территорий : взгляд молодых ученых : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2020. С. 104–107.
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58557> (дата обращения: 06.02.2021).
8. Толмачев М. Н. Методология расчета показателей концентрации сельскохозяйственного производства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Социально-экономические науки. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 103–111.
9. Толмачев М. Н., Теницкая А. Д. Анализ дифференциации регионов России по объему сельскохозяйственного производства // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Саратов : Саратовский социально-экономический ин-т (филиал) ФГБОУ ВО РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. Т. 2. С. 158–159.
10. Бухгалтерская (финансовая) отчетность предприятий и организаций за 2018 год. URL: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-7708234640bdboo2018> (дата обращения: 06.02.2021).

References

1. Kozenko Z. N., Popova S. A., Kozenko K. Yu. The social orientation of development of rural territories. *Problemy razvitiya APK regiona* [Problems of Development of the Agro-industrial Complex of the Region], 2017, vol. 29, no. 1 (29), pp. 136–142 (in Russian).
2. Kolomak E. A Spatial concentration of economic activity in Russia. *Spatial Economics*, 2014, no. 4, pp. 82–99 (in Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2014.4.082-099>
3. Kostyaev A. I. Assessment of a contribution of regions to formation of food resources of the country. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii* [Economy of Agriculture of Russia], 2017, no. 12, pp. 48–56 (in Russian).
4. Tolmachev M. N., Nosov V. V. Typology of Russian regions based on the condition and development of agriculture. *Nauchnoe obozrenie* [Scientific Review], 2012, no. 1, pp. 188–198 (in Russian).
5. Petrikov A. The main directions of the modern agri-food and rural policy. *International Agricultural Journal*, 2016, no. 1, pp. 3–9 (in Russian).
6. Milovanov D. I., Vaganova O. E., Sadykova T. M., Evdokimova N. A. Prospects for the development of greenhouses in the regions of Siberia. *Ustoychivoe razvitie sel'skikh territoriy: vzglyad molodykh uchennykh* [Sustainable Development of Rural Areas: The View of Young Scientists. Materials of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists]. Novosibirsk, Izdatel'skiy tsentr NGAU "Zolotoi kolos", 2020, pp. 104–107.
7. *Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema (EMISS)* (Unified interdepartmental information and statistical system (EMISS)). Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/58557> (accessed 6 February 2021) (in Russian).
8. Tolmachev M. N. Methodology of calculating the concentration of agricultural production. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences], 2010, vol. 10, iss. 2, pp. 103–111 (in Russian).
9. Tolmachev M. N., Tenitskaya A. D. Analysis of the differentiation of Russian regions by the volume of agricultural production. *Aktualnye problemy i perspektivy razvitiya gosudarstvennoy statistiki v sovremennykh usloviyakh* [Actual Problems And Prospects for the Development of State Statistics in Modern Conditions. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference: in 2 vols]. Saratov, Saratovskiy sotsial'no-ekonomicheskiy institut Publ., 2019, vol. 2, pp. 158–159 (in Russian).
10. *Bukhgalterskaia (finansovaia) otchetnost' predpriyatiy i organizatsiy za 2018 god* (Accounting (financial) statements of enterprises and organizations for 2018). Available at: <https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-7708234640bdboo2018> (accessed 6 February 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 06.04.2021, после рецензирования 09.04.2021, принята к публикации 06.05.2021
Received 06.04.2021, revised 09.04.2021, accepted 06.05.2021

Научная статья

УДК 330.8

Концептуальные аспекты устойчивого развития экономических систем: эволюция подходов и современная парадигма

М. Е. Кадомцева

Институт аграрных проблем РАН, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Кадомцева Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды агропромышленного комплекса, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Аннотация. Введение. Актуальность научного обоснования подходов к управлению устойчивым развитием обусловлена необходимостью учета внешних изменений и выработки концептуальных положений по адаптации экономических систем. **Теоретический анализ.** В статье обобщены основные подходы к трактовке понятия «устойчивое развитие». Рассмотрена эволюция экономической мысли и историческая трансформация взглядов в направлении исследования устойчивого развития применительно к различным объектам. Последовательно представлены научные подходы и исследования ведущих зарубежных и отечественных ученых, составившие теоретико-методологическую основу концепции устойчивого развития. Раскрыта сущность категории «устойчивость развития» применительно к экономическим системам. **Эмпирический анализ.** Дано экономическое, социальное и экологическое обоснование концепции устойчивого развития. Исследованы внешние и внутренние факторы, влияющие на устойчивость экономических систем. Устойчивость системы рассмотрена сквозь призму таких взаимосвязанных системных характеристик, как управляемость и адаптивность. **Результаты.** Показана актуальность применения комплексного подхода к исследованию триады «общество – экономика – экология». Обосновано, что синергия базовых положений экономической теории, концептуальных принципов устойчивого развития, системного анализа детерминант развития стран в контексте новых глобальных вызовов и угроз должна лежать в основе разработки национальных стратегий устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономическая система, концепция, неоклассическая теория, управление, равновесие

Для цитирования: Кадомцева М. Е. Концептуальные аспекты устойчивого развития экономических систем: эволюция подходов и современная парадигма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 263–270. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**Conceptual aspects of sustainable development of economic systems:
Evolution of approaches and modern paradigm**

M. Ye. Kadomtseva

Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina Ye. Kadomtseva, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Abstract. Introduction. The relevance of scientific substantiation of approaches to sustainable development management is due to the need to take into account external changes and the development of conceptual provisions for the adaptation of economic systems. **Theoretical analysis.** The article summarizes the main approaches to the interpretation of the “sustainable development” concept. The evolution of economic thought and the historical transformation of views towards the study of sustainable development concerning various objects are considered. The scientific approaches and studies of leading foreign and domestic scientists are presented, which constituted the theoretical and methodological basis of the sustainable development concept. The essence of the category “sustainability of development” concerning economic systems is revealed. **Empirical analysis.** The economic, social and environmental substantiation of the sustainable development concept is given. The external and internal factors influencing the stability of economic systems are investigated. The stability of the system is considered through the prism of such interrelated system characteristics as controllability and adaptability. **Results.** The relevance of the application of an integrated approach to the study of the triad

“society – economy – ecology” is shown. It is substantiated that the synergy of the main provisions of economic theory, conceptual principles of sustainable development, system analysis of the countries’ development determinants in the context of new global challenges and threats should underlie the strategic provision of sustainable development in the long term.

Keywords: sustainable development, economic system, concept, neoclassical theory, management, equilibrium

For citation: Kadomtseva M. Ye. Conceptual aspects of sustainable development of economic systems: Evolution of approaches and modern paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

С начала 70-х гг. прошлого столетия в мировом сообществе получила широкое признание концепция устойчивого развития, которая интерпретируется как экономическое развитие, соответствующее долгосрочному стабильному качеству окружающей среды и доступности ресурсов. На смену модели индустриального развития, принципам максимизации экономической прибыли пришло понимание фундаментальной экономической проблемы ограниченности ресурсов.

Вопросы теоретической и практической реализации парадигмы устойчивого развития находят отражение в концептуальных документах Организации Объединенных Наций, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Всемирного банка и множества других авторитетных международных неправительственных организаций, задающих вектор устойчивого развития общества в планетарном масштабе. Вместе с тем неоднозначная трактовка ключевых положений концепции, разные аналитические оценки происходящего проявляются в различиях в определении государственных приоритетов стран и, как следствие, разногласиях в реализации системы стратегических мер. Национальные подходы опираются на различные научные теории. Это затрудняет поиск компромисса в достижении целей устойчивого развития.

Целью данной работы является теоретическое обоснование ключевых положений концепции устойчивого развития применительно к экономическим системам, в том числе в контексте актуальных глобальных трендов, на основе систематизации основных подходов, сложившихся в ходе эволюции научного познания и развития направлений экономической теории. Фундаментальный научный подход даст понимание наиболее вероятных направлений трансформации концепции устойчивого развития и будет способствовать формированию долгосрочных ориентиров в разработке национальных стратегий, программ и мероприятий по обеспечению устойчивого экономического, социального и экологического развития.

Теоретический анализ

Идея устойчивости предметов и явлений окружающего мира возникла в эпоху становления философской мысли. Еще Фалес и его современник Анаксимандр обратили внимание, что все возникает из начала – некоего влажного первоначала, или «воды», и вновь превращается в него. Тем самым ими делается вывод, что все вещи изменчивы и имеют начало и конец своего бытия. Устойчивость в понимании Гегеля наполняется новым смыслом. Она связывается с понятием сохранения в явлении некоторого основания в процессе его самоорганизации. Эволюция научного познания приводила к формированию различных представлений об устойчивости. Впоследствии было обнаружено, что данная категория применима ко всем научным задачам, связанным с изучением развития любых материальных систем.

Сегодня понятие «устойчивость» рассматривается в различных областях знания и не находит единого толкования в отечественной и зарубежной научной литературе, потому как устойчивость – это категория относительная. В толковых и энциклопедических словарях определение данного слова отсутствует в качестве самостоятельного и приводится только в контексте: устойчивость развития, устойчивый рост, финансовая устойчивость и т. п. В Большой российской энциклопедии приводится определение: устойчивое развитие (sustainable development) – как концепция развития человечества, ориентированная на обеспечение социально-экономического роста при условии рационального использования природных ресурсов и сохранения окружающей среды. Устойчивый рост выражается в количественном увеличении масштаба экономики в ее физическом измерении. Это предполагает увеличение объема и скорости материальных и энергетических потоков, проходящих через экономику, количественный рост народонаселения и увеличение объема запасов продуктов труда и т. д. [1]. Устойчивое экономическое развитие подразумевает, прежде всего, качественные усовершенствования в структуре и связях, композиции физических объемов и потоков. Кроме того, термин «устойчивый рост», по мнению отдельных ученых, внутренне является неправомерным, так как никакое фи-

зическое явление не может расти бесконечно [2]. В научном сообществе до сих пор остается нерешенным вопрос о том, можно ли вообще говорить об устойчивости динамичной системы, если в философском понимании устойчивость представляется как неизменность, пребывание в состоянии постоянства.

Формирование и последовательная трансформация теории устойчивого развития неразрывно связана с эволюцией экономической мысли. На этапе зарождения классической экономической теории экономист-классик А. Смит разработал концепцию стационарного состояния экономики, не придавая при этом значения экологическим ограничениям в экономическом развитии. Исследования вокруг концепции «стационарной государственной экономики» продолжили Д. Рикардо и Т. Мальтус, имея в виду экономическое развитие без (физического) роста. Сосредоточившись на доступности сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственных земель, ими было сформулировано понятие «пределы роста». В частности, Д. Рикардо писал, что ограничения экономического роста всегда присутствовали из-за нехватки пахотных сельскохозяйственных угодий. Нехватка природных ресурсов в работах К. Маркса не нашла отражения среди факторов, сдерживающих будущий экономический рост. Им предполагалось полное господство человека над природой и «производительными силами».

В постклассической экономике биофизический мир отошел на второй план, хотя и не исчез полностью. Модель развития, применявшаяся развивающимися странами в послевоенные годы, была ориентирована на достижение экономической эффективности. Считалось, что максимизация эффективности экономической системы способна обеспечить всеобщее процветание и преодоление неравенства как в рамках отдельно взятой страны, так и в мировом масштабе. При этом неоднократно указывалось на низкую эффективность экономической системы промышленно развитых стран, основанную на непропорционально высоких затратах природных ресурсов.

В 70-е гг. XX в., когда во всем мире резко обострились экологические проблемы, перед экономической наукой встала задача осмыслить сложившиеся тенденции эколого-экономического развития и разработки принципиально новых концепций развития. Природная среда все чаще стала анализироваться с точки зрения разумного истощения запасов природных ресурсов и выработки оптимальной политики в контексте внешних негативных факторов, вызванных загрязнением городов [3, 4]. Значительный импульс

в становлении концепции устойчивого развития дала книга «Пределы роста», авторами которой стали Й. Рандерс и Д. Медоуз. В 1972 г. эта работа привлекла самое широкое внимание к глобальным экологическим проблемам. Авторы сформулировали основной тезис о том, что воздействие на окружающую среду в масштабах земного шара (расходование природных ресурсов и выбросы загрязнений) сильно скажется на развитии мира в XXI в. [5]. Неограниченный рост на ограниченном объекте (в данном случае – на планете Земля) невозможен, имеются объективные пределы роста [6]. В эколого-экономическом анализе акцент делается на относительном дефиците, распределении ограниченных ресурсов и оптимальном благосостоянии. Так, с работ Римского клуба началось формирование концепции «Sustainable development» в противовес общественному мнению относительно роста и устойчивости, сложившемуся за несколько веков.

В процессе развития нового течения в научном сообществе были сформулированы основополагающие принципы, на которых основывалась концепция устойчивого развития:

- текущие потребности живущих людей и гарантия обеспечения возможности удовлетворять свои потребности для будущих поколений требуют от человечества устойчивого и долговременного характера развития;

- современный уровень техники и социальной организации, способность биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности обуславливают будущие ограничения в области эксплуатации природных ресурсов;

- одна из главнейших причин возникновения экологических и иных катастроф – бедность и нищета. Поэтому устойчивое и долговременное развитие невозможно без системных мер по снижению дифференциации доходов населения, реализации мер по удовлетворению элементарных потребностей людей;

- размеры и темпы роста населения должны быть согласованы с меняющимся производительным потенциалом глобальной экосистемы Земли [7].

Устойчивое развитие включает в себя такие основополагающие понятия, как потребление и ограничение. Ограниченность ресурсов стала осознаваться как фундаментальный экономический факт, а «даровые блага природы» фактически признаны бесплатными. В целом, с экономической точки зрения, в основу концепции устойчивого развития легло определение понятия «доход», предложенное представителем английской экономической школы Дж. Хиксом: в практической жизни определение уровня дохода

преследует цель указать людям, сколько они могут потреблять, не делая себя при этом беднее [8].

Много десятилетий в экологической экономике в части деградации окружающей среды как проблемы распределения доминировала неоклассическая теория. Большинство представителей неоклассической экономической школы использовался подход к исследованию проблемы связи экономической системы и биофизической среды с точки зрения равновесия. Неоклассическая интерпретация проблемы фокусирует внимание на сравнении различных равновесий преимущественно в статической структуре, что делает этот подход не совсем исчерпывающим и подготовленным к изучению путей развития в направлении устойчивой экономики. Основные сдвиги в экономической структуре связаны с неопределенными и необратимыми изменениями. Комплексный характер таких изменений требует применения целого набора подходов к изучению связи экономики и экосистемы, учитывающих динамические процессы обратной связи [9, 10]. Развивая эту точку зрения, П. Малдер и С. П. Берг приходят к выводу, что неоклассический анализ равновесия недостаточно эффективен в обеспечении значительной информации о путях перехода, т. е. о возможных изменениях от одного равновесия к другому [11]. Современные реалии характеризуются нарастанием уже проявивших себя глобальных угроз и возникновением новых рисков, поэтому такие переходные пути необходимы для изучения устойчивого развития различного рода систем.

Институциональная теория во многом дополняет базовые принципы неоклассиков, существенно обогащая основное течение экономической теории, исследуя поведенческие предпосылки субъектов экономики и институты как эндогенные факторы экономического развития. По мнению В. В. Мантатова, наиболее общая закономерность устойчивого развития – это раздвоение единого на противоположности и динамическое равновесие между ними [12, с. 11]. В данном аспекте применяется институциональный подход, рассматривающий трансформационные процессы как стремление системы институтов к равновесию. Синтез неоклассического и институционального подходов дает возможность осуществить оценку экономической устойчивости системы посредством интерпретации основных положений теории эластичности, связывая ее с концепцией риск-устойчивости. В таком случае эластичность понимается как способность социально-экономической системы нейтрализовывать возмущения внешней и внутренней среды, испытывая определенные «деформации» (потери)

в достижении целевых установок, минуя при этом полное их невыполнение (гибкость и маневренность выступают внутренними пружинами, обеспечивающими эластичность). Величина потерь (транзакционных издержек системы) характеризует при прочих равных условиях уровень эластичности. Тем не менее и институциональная, и неоклассическая теории рассматривают объекты преимущественно индивидуализированно и стационарно.

Эволюционный подход, получивший распространение в начале XXI в., фокусирует внимание на изучении необратимых изменений и долгосрочном взаимном отборе экологических и экономических процессов и систем. Реализация данного подхода к решению задач устойчивого развития предполагает расширение временного горизонта при осуществлении пространственно-временного анализа. И. Г. Ушачев замечает, что происходящие трансформации в социально-экономическом пространстве отличаются высокой динамичностью, противоречивостью и неоднозначностью. При разработке планов стратегического развития или конкретных управленческих решений уделяется больше внимания проблемам текущего момента, в то время как перспективные задачи остаются уделом времени. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена отсутствием ориентации на долгосрочные цели, должной оценки возможных рисков и угроз [13, с. 1080]. Подобный подход стратегически неоправдан. Нередко в экономико-управленческой практике бывают расхождения между рациональным оптимизирующим поведением субъекта на микроуровне и получаемыми субоптимальными результатами на макроуровне. Поэтому эволюционный вклад в концепцию устойчивого развития является плодотворным путем моделирования долгосрочных нелинейных механизмов обратной связи между экономическими процессами и изменением климата, неопределенностью и замкнутыми явлениями.

Более углубленно взглянуть на проблему помогает системный подход, синтезирующий положения неоклассической, институциональной и эволюционной теорий. Это проявляется в методологии представления объекта как системы в элементном, структурном, функциональном, интегративном, коммуникативном и историческом аспектах [14]. После работ Я. Корнаи появилась возможность говорить о методологии применения системного анализа и теории систем в экономической теории как о самостоятельной парадигме. Позднее Г. Б. Клейнер дает определение системы как относительно устойчивой во времени части социально-экономического пространства,

обладающей свойствами внешнего единства, внутреннего многообразия и гносеологической целостности. При этом экономической считается система, если она участвует одновременно в процессах производства, распределения, обмена и потребления экономических благ [15, с. 6].

Эмпирический анализ

Экономическая система, как и любая другая, не может образоваться, не обладая таким свойством, как устойчивость [16, с. 818]. Это фундаментальное свойство, которым обладает система наравне с такими типичными системными свойствами, как иерархичность, структурная целостность, эмерджентность и т.д. Это важнейший критерий развития системы, обеспечивающий ее целостность и дальнейший прогресс при постоянных воздействиях со стороны внешней среды. Следовательно, устойчивое развитие имеет динамичный характер и представляет собой не неизменное состояние гармонии, а, скорее, процесс постоянных внутренних институциональных преобразований.

Различные колебания внешней среды вызывают непрекращающиеся трансформационные процессы в системе, поиск устойчивой траектории ее поведения и вектора развития в окружающей макроэкономической, институциональной и экологической среде. Внешняя среда весьма подвижна и многообразна. Она, как правило, разделяется на микросреду (прямое локальное воздействие) и макросреду (глобальная среда, косвенное воздействие). Микросреда может испытывать на себе обратное влияние системы. Макросреда оказывает на систему косвенное воздействие, через влияние на микросреду, а результаты влияния факторов внешней среды постоянны и динамичны во времени. К таким факторам относятся социокультурные (условия жизни, уровень образования, религия, традиции, устои и т.д.), научно-технические (развитие национальных инновационных систем, уровень технологического уклада и т.д.), экономические (структура национальной экономики, степень свободы предпринимательства, развитость рыночной инфраструктуры, развитость банковской системы и т.д.), экологические (природно-климатические условия, природные ресурсы и их качество и др.) и т.д. К факторам макросреды также следует относить глобальные вызовы и угрозы, возникновение массовых явлений, находящихся отражение в большинстве аспектов развития общества. Одним из последних глобальных вызовов стала пандемия COVID-19. Как пример непрогнозируемого масштабного шока, она показала значительное дисбалансирующее воздействие на

устойчивость социально-экономических систем. В целом, это наиболее общие силы, события и тенденции, которые формируют контекст деятельности системы.

Устойчивость позволяет обеспечить целостность системы в ходе ее функционирования, предполагая сохранение структурной целостности и взаимосвязей между объектами, определяющих данную систему, при малых и глубокого дестабилизирующих воздействиях за счет таких связанных системных характеристик, как управляемость и адаптивность. При этом, говоря об управлении применительно к экономическим системам, важно раскрыть место и роль государства.

Государство является важнейшим системообразующим институтом, который способствует созданию или упразднению институтов, изменению их функциональной структуры, задает вектор институциональных изменений. Все зависит от конкретных условий и сравнительной эффективности в этих условиях той или иной системы хозяйственной координации. При этом трансформационные процессы могут происходить как постепенно, путем малых приращений, так и одномоментно, посредством кардинальных преобразований [17, с. 108]. Еще в период расцвета неоклассического течения Г. Дейли в своих работах рекомендовал введение постоянных государственных ограничений на использование всех ресурсов для установления устойчивой экономики. Нобелевский лауреат по экономике Р. Манделл придерживался мнения об активной роли государства в поддержании экономической стабильности. Он подчеркивал необходимость проведения четкой монетарной и бюджетной политики с целью достижения равновесного состояния между внутренним экономическим положением и внешним. Причем обе эти части должны быть четко сбалансированы в определенной пропорции внутри общего равновесного состояния экономики государства. Во многом эти положения нашли отражение в новом понимании места и роли государства в контексте парадигмы устойчивого развития.

Переход мирового сообщества к устойчивому развитию сопровождается переходом к стратегически выработанным целям, планомерной эволюционной трансформацией функциональной структуры государства [18, с. 164]. Это подразумевает: повышение роли государства как гаранта перехода на путь устойчивого развития; эффективность государственного управления и контроля в области сохранения окружающей среды и природно-ресурсного потенциала; формирование условий, обеспечивающих заинтересованность граждан, юридических лиц и социальных групп

в решении задач перехода к устойчивому развитию; сбалансированное решение проблем социально-экономического развития; обеспечение национальной безопасности [19].

Концепция устойчивого развития стала доминирующей в исследовании глобального взаимодействия экономики и биофизической среды, а также общепринятой целью экологической политики. Методологические подходы к устойчивому развитию в Докладе о человеческом развитии 2011 г. дают четкое обоснование наличия синергетической составляющей во влиянии факторов, которые ослабляют или усиливают устойчивость [20, 21]. Они рассматриваются в категориях формирования нелинейной связи и компромиссов между устойчивостью, экологией и равенством возможностей. Очевидно, что концепция устойчивого развития социально ориентирована. Ключевыми тезисами являются необходимость справедливого распределения ресурсов и возможностей между всеми членами человеческого общества, нынешним и будущими поколениями, а также между человеком и другими биологическими видами; уменьшение количества несущих разрушения социокультурных конфликтов. Стержнем конструкции устойчивого развития становится экономический аспект. Необходим устойчивый масштаб экономики, который бы соответствовал ее экологической системе жизнеобеспечения. Игнорирование потребностей экологии ведет к деградации окружающей среды и ставит под угрозу существование всего человечества.

Вопросы устойчивого развития неразрывно связаны с глобальным изменением климата. На ежегодном Всемирном экономическом форуме в январе 2021 г. был представлен доклад о глобальных рисках «The Global Risks Report 2021». Несмотря на то что риски и последствия эпидемии занимают на сегодняшний день основное место, эксперты единогласны в том, что климатические риски и неспособность человечества справиться с ними – это глобальная угроза номер один по силе воздействия. В докладе акцентируется внимание на перспективах адаптации и необходимости «зеленого развития» [22].

«Зеленая экономика» стала важнейшим теоретико-практическим подходом к решению экологических задач в рамках концепции устойчивого развития. На протяжении последних 20 лет мировым сообществом в лице крупнейших международных неправительственных организаций был заложен «зеленый вектор», сформирован терминологический аппарат, выстроены национальные стратегии, выработаны целевые индикаторы и определен ряд мероприятий для их

достижения. Механизмы реализации концепции «зеленой экономики» на национальном уровне включают в себя: реформирование налогово-бюджетной политики, сокращение экологически вредных субсидий, переход к модели органического земледелия, повышение энергоэффективности бизнес-процессов, декарбонизация экономики, использование экологически безвредных технологий, увеличение инвестиций на ключевые секторы «зеленой экономики», совершенствование природоохранных норм и правил, а также обеспечение их соблюдения.

Работу над концепцией устойчивого развития нельзя считать завершенной. Принцип динамично сбалансированного развития триады «экономика – природа – общество» при реализации сталкивается с рядом проблем и ограничений. Существующие национальные подходы и отраслевые стратегии предполагают несогласованные, зачастую изолированные друг от друга решения проблем. Это, например, подтверждает одна из последних Конвенций ООН по обеспечению продовольственной безопасности. Согласно изложенным на Саммите ООН в начале 2021 г. положениям, возникает парадоксальная ситуация, когда необходимость обеспечения глобальной продовольственной безопасности сталкивается с экологическими ограничениями. Сельское хозяйство, пищевая промышленность, а также другие отрасли агропродовольственного комплекса всегда используют энергию, забирают питательные вещества из земли и воды, чтобы преобразовать их в пищу, одновременно создавая значительный уровень выбросов парниковых газов в процессе производства. Вопрос о том, какие национальные меры политики, инновации и институты необходимы для устранения или смягчения негативных побочных эффектов, стал основополагающим [23].

Потребность в устойчивом развитии отражена в стратегических приоритетах, международных соглашениях и нормативно-правовой базе стран. Вместе с тем национальные подходы опираются на различные научные теории. Неоднозначная трактовка основных положений концепции, разные аналитические оценки происходящего проявляются в различиях в определении национальных приоритетов по отношению к устойчивому развитию и, как следствие, разногласиях в реализации системы стратегических мер. Экономическая и хозяйственная деятельность должна быть согласована с устойчивым использованием возобновляемых природных ресурсов, охраной экосистемных особенностей и функций, сохранением биологического разнообразия, уровнем вредных выбросов, остающихся ниже

критического порогового значения, предотвращая тем самым необратимый ущерб окружающей среде и природе. Категория устойчивости требует поиска компромиссов во взглядах и решениях, сбалансированной политики, институтов и механизмов [24, с. 81], признания общих принципов устойчивого развития в системе национальных приоритетов.

Результаты

Концепция устойчивого развития приобрела самостоятельный теоретический статус, стала признанной мировым научным сообществом системой научных взглядов, вокруг которой развиваются области различных теоретических и эмпирических знаний о происходящих в мире социальных, экономических, политических, экологических и других процессах, ориентированных на научно планируемое поддержание и развитие жизни в планетарном масштабе.

До недавнего времени к пониманию экономических проблем потребления природных ресурсов применялись преимущественно классические направления экономической мысли. Однако практика показала, что традиционный подход не предлагает полного взгляда на необходимые механизмы реализации стратегии устойчивого развития и не позволяет обеспечить концептуальную основу для принятия тех или иных политических и государственных решений. Это препятствует гармонизации национальных стратегий в контексте парадигмы устойчивого развития.

Для определения наиболее вероятных направлений трансформации концепции устойчивого развития с учетом современных реалий неоклассическая экономическая теория должна быть дополнена эволюционным и системным анализом институционального фона. Синергия концептуальных принципов устойчивого развития, основных положений экономической теории, системного анализа детерминант развития стран должна стать основой для выработки национальных стратегий по обеспечению устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Измерение ненаблюдаемой экономики : руководство. URL: <https://www.gks.ru/metod/izmer.pdf> (дата обращения: 07.03.2021).
2. *Пестель Э.* За пределами роста : пер. с англ. М. : Прогресс, 1988. 272 с.
3. *Hotelling H.* The economics of exhaustible resources // *Journal of Political Economy.* 1931. № 39. P. 137–175.
4. *Cannan E., Pigou A.* The Economics of Welfare // *The Economic Journal.* 1921. Vol. 31. P. 206–213.
5. *Meadows D., Randers J., Meadows D., Behrens W.* The Limits to Growth : A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York : Universe Books, 1972. 212 p.
6. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя : пер. с англ. М. : Академкнига. 2007. 342 с.
7. *Гизатуллин Х. Н., Троицкий В. А.* Концепция устойчивого развития : новая социально-экономическая парадигма // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5. С. 124–130.
8. *Хикс Дж.* Стоимость и капитал. М. : Прогресс, 1988. 192 с.
9. *Фенин К. В.* Эволюция классических и неоклассических теорий территориального разделения труда и международной торговли // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право.* 2018. Т. 18, вып. 3. С. 267–274. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2018-18-3-267-274>
10. *Holling C.* Simplifying the complex : The paradigms of ecological function and structure // *European Journal of Operational Research.* 1987. Vol. 30, iss. 2. P. 139–146.
11. *Kemp R., Mulder P., Reschke C. H.* Evolutionary Theorising on Technological Change and Sustainable Development. Rotterdam : Research Centre for Economic Policy, 1999. 39 p.
12. *Мантатов В. В., Мантатова Л. В.* Философия устойчивого развития : диалектика и реализм // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2017. Вып. 5. С. 3–14. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2017-5-3-14>
13. *Ушачев И. Г.* Основные направления стратегии устойчивого развития АПК России // *Вестник Российской академии наук.* 2017. Т. 87, № 12. С. 1074–1081.
14. *Форрестер Д.* Мировая динамика : пер. с англ. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. 379 с.
15. *Клейнер Г. Б.* Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики.* 2013. № 6. С. 4–28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>
16. *Порохин А. В., Порохина Е. В., Соина-Кутищева Ю. Н., Барыльников В. В.* Устойчивость как определяющая характеристика состояния социально-экономической системы // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 12 (ч. 4) С. 816–821.
17. *Кадомцева М. Е.* Система государственного информационного обеспечения АПК и ее роль в управлении сельскими территориями // *Экономическая безопасность и качество.* 2018. № 2 (31). С. 105–111.
18. *Мастушкин М. Ю.* Трансформация функций государства при переходе к устойчивому развитию // *Конституция. Гражданин. Общество : науч. тр. М. : МГИМО-Университет,* 2005. С. 158–175.
19. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 02.04.2021).
20. Доклад о человеческом развитии 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей : лучшее будущее для всех : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2011. 188 с.

21. Haq M. Reflections on Human Development. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1995. 288 p.
22. The Global Risks Report 2021 (16th ed.) is published by the World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (дата обращения: 20.04.2021).
23. Саммит ООН «Прогресс в области продовольственных систем». Более 1200 идей, направленных на достижение целей в области устойчивого развития. 2021. URL: <https://www.un.org/en/food-systems-summit/news/more-than-1200-ideas-help-meet-sustainable-development-goals> (дата обращения 21.03.2021).
24. Opschoor J., Lohman A., Vos J. Managing the Environment : The Role of Economic Instruments. Paris : OECD. 1994. 191 p.
13. Ushachev I. G. The main directions of the strategy for sustainable development of the agro-industrial complex of Russia. *Vestnik Rossiyskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 87, no. 12, pp. 1074–1081 (in Russian).
14. Forrester D. *Mirovaia dinamika* [World Dynamics]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2003. 379 p. (in Russian).
15. Kleiner G. B. System economics as a platform for the development of modern economic theory. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 6, pp. 4–28 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-6-4-28>
16. Porokhin A. V., Porokhina E. V., Soina-Kutishcheva Yu. N., Barylnikov V. V. Sustainability as the defining characteristic of the state of social and economic system. *Fundamental Research*, 2014, no. 12 (pt. 4), pp. 816–821 (in Russian).
17. Kadomtseva M. E. The system of state information support for the agro-industrial complex in Russia and its role in managing rural areas. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo* [Economic Security and Quality], 2018, no. 2 (31), pp. 105–111 (in Russian).
18. Mastushkin M. Yu. Transformation of state functions in the transition to sustainable development. In: *Konstitutsiya. Grazhdanin. Obshchestvo* [Constitution. Citizen. Society: Scientific works]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2005, pp. 158–175 (in Russian).
19. *On the Concept of the Russian Federation's Transition to Sustainable Development*. Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 no. 440). Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/9120> (accessed 2 April 2021) (in Russian).
20. *Doklad o chelovecheskom razviti 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnostei: luchshee budushchee dlya vseh* [Human Development Report 2011. Sustainable Development and Equality of Opportunity: A Better Future for All]. Moscow, Ves' mir Publ., 2011. 188 p. (in Russian).
21. Haq M. *Reflections on Human Development*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1995. 288 p.
22. *The Global Risks Report 2021 (16th ed.) is published by the World Economic Forum*. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (accessed 20 April 2021).
23. *Sammit OON «Progress v oblasti prodovol'stvennyh sistem». Bolee 1200 idej, napravlennyh na dostizhenie celej v oblasti ustojchivogo razvitiya. 2021* (UN Summit “Progress in Food Systems”). More than 1,200 ideas for achieving the Sustainable Development Goals. 2021). Available at: <https://www.un.org/en/food-systems-summit/news/more-than-1200-ideas-help-meet-sustainable-development-goals> (accessed 21 March 2021) (in Russian).
24. Opschoor J., Lohman A., Vos J. *Managing the Environment: The Role of Economic Instruments*. Paris, OECD, 1994. 191 p.

Поступила в редакцию 30.04.2021 г., после рецензирования 18.05.2021 г., принята к публикации 26.05.2021
Received 30.04.2021, revised 18.05.2021, accepted 26.05.2021

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 271–287

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 271–287
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-271-287>

Научная статья
УДК 338.2+338.24.01

Моделирование стейкхолдерских рисков: опыт эконометрического анализа

И. Н. Ткаченко , А. А. Злыгостев

Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45

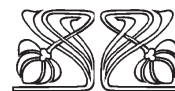
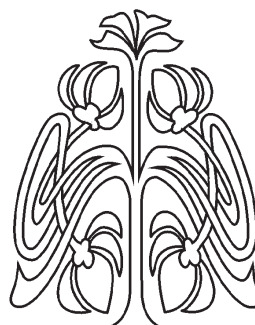
Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и корпоративного управления, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

Злыгостев Александр Андреевич, аспирант кафедры экономической теории и корпоративного управления, letrus.alex@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3196-7014>

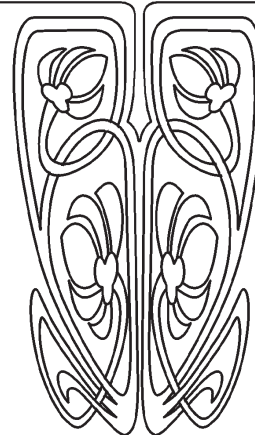
Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию стейкхолдерских рисков и возможностям их оценки. Методологический каркас исследования сформирован на основе теории корпоративного управления и его стейкхолдерской модели. **Теоретический анализ.** На основе проведенного авторами обзора иностранных и отечественных публикаций сделан вывод об отсутствии четкого общепринятого инструментария оценки стейкхолдерского риска. Наибольшее развитие она получила в проектных подходах. **Методы.** Авторами предложен подход оценки стейкхолдерских рисков организации в целом на основе поиска баланса интересов через моделирование вкладов и выгод стейкхолдеров и разрывов между их вкладами и выгодами. Эмпирическую базу исследования составили данные о мукомольных и хлебопекарных предприятиях Свердловской области за 2010–2019 гг. В несбалансированную панель данных для анализа вошло 130 наблюдений по 28 компаниям. **Результаты.** Методика апробирована на примере сравнительного анализа «более успешной» и «менее успешной» по выручке компании. Построены эконометрические модели вклада стейкхолдеров в выручку. Представлены карты стейкхолдерского риска, что позволило выявить наиболее влиятельных стейкхолдеров по вкладу в выручку и рискованных по уровню разрыва. Апробирован индекс стейкхолдерского риска на примере сравнительного анализа по двум компаниям в контексте отрасли. **Выводы.** При оценке стейкхолдерских рисков необходимы широкий взгляд и система разнообразных методов оценки стейкхолдерских рисков, а также готовность учитывать факторы, которые могут выходить за рамки моделей. Результаты и выводы статьи могут стать теоретической платформой дальнейших исследований. Будущие исследования, связанные с данной проблематикой, могут быть направлены на использование субъективных оценок стейкхолдеров и экспертов для расширения понимания дисбаланса интересов. Для этих целей необходимо адаптировать существующие корпоративные опросы к учету стейкхолдерской стоимости и стейкхолдерских рисков.

Ключевые слова: корпоративное управление, стейкхолдеры, стейкхолдерские риски, вклад и выгоды стейкхолдеров, эконометрическое моделирование

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Инновационно-технологическое развитие промышленности региона в контексте трансформации архитектуры бизнеса и управленческих технологий, продуцирующих знания и общие ценности: институциональный и стейкхолдерский аспекты» № 20-410-660032 p_a).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Ткаченко И. Н., Злыгостев А. А. Моделирование стейкхолдерских рисков: опыт эконометрического анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 271–287. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-271-287>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Stakeholder risk modeling: An econometric analysis experience

I. N. Tkachenko , A. A. Zlygostev

Ural State University of Economics, 62 8 Marta St., Ekaterinburg 620144, Russia

Irina N. Tkachenko, letrus.alex@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

Alexandr A. Zlygostev, letrus.alex@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3196-7014>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of stakeholder risks and the possibilities of their assessment. The methodological framework of the study was formed on the basis of the corporate governance theory and its stakeholder model. **Theoretical analysis.** On the basis of the the Russian-language and English-language publications' general review, carried out by the authors, it is concluded that there is no clear generally accepted toolkit for assessing stakeholder risk. Assessment of stakeholder risks was most developed in project approaches.

Methods. The authors propose an approach for assessing the stakeholder risks of an organization as a whole based on the search for a balance of interests through modeling the contributions and benefits of stakeholders and the gaps between contributions and benefits. The empirical base of the study was made up of data on flour-grinding and bakery enterprises of the Sverdlovsk region for 2010–2019. The unbalanced dashboard for analysis included 130 observations across 28 companies. **Results.** The methodology has been tested on the example of a comparative analysis of “more successful” and “less successful” companies in terms of revenue. Econometric models of the stakeholder contribution to revenue have been built. Stakeholder risk maps were built, which made it possible to identify the most influential stakeholders in terms of their contribution to revenue and the most risky ones in terms of the gap level. **Conclusions.** When assessing stakeholder risks, a broad outlook and a system of various methods for assessing stakeholder risks are required, as well as a willingness to take into account factors that may go beyond the framework of the models. The results and conclusions of the article can become a theoretical platform for further research. Further research on this topic can be related to expanding the understanding of the imbalance of interests by taking into account the subjective assessments of stakeholders and experts. For these purposes, it is necessary to adapt existing corporate surveys to accounting for stakeholder value and stakeholder risks.

Keywords: corporate governance, stakeholders, stakeholder risks, stakeholder contributions and benefits, econometric modeling

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “Innovative and technological development of the region’s industry in the context of the transformation of business architecture and management technologies that produce knowledge and common values: institutional and stakeholder aspects” No. 20-410-660032 r_a).

For citation: Tkachenko I. N., Zlygostev A. A. Stakeholder risk modeling: An econometric analysis experience. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 271–287 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-271-287>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Понимание ключевыми стейкхолдерами важности и роли интегрированного риск-менеджмента в системе корпоративного управления, осознание того, что риск-менеджмент помогает увеличивать стоимость и повышать управляемость бизнеса, привели к тому, что компании проявляют все больший интерес к построению системы управления рисками. Создание и функционирование системы управления рисками и отдельных ее компонентов влечет ряд неоспоримых выгод для компании и всех заинтересованных сторон. Это и своевременное выявление угроз, влияющих на ее стратегические цели, и повышение прозрачности корпоративного управления, и рост доверия инвесторов, и защита от неблагоприятных рыночных колебаний, и оптимизация расходов, и получение новых знаний и опыта для сотрудников. Одно из главных преимуществ системы риск-менеджмента – помощь компании в эффективном управлении своими ресурсами

и увеличении стоимости бизнеса не только для его владельцев, но и для широкого круга стейкхолдеров.

Теоретический анализ

В условиях кризиса, глобальной коронареции, высочайшей степени неопределенности и нарастания угроз рисков, в условиях полной непредсказуемости развития, чернее «черного лебедя» [1], того, с чем столкнулась мировая и российская экономика в пору пандемии коронавируса, актуализируются основания для ответственного делового поведения, идет активная проверка на практике живучести парадигмы капитализма заинтересованных сторон, проверка механизмов корпоративного управления, проверка состоятельности или несостоятельности декларируемой модели общих ценностей. Собственники все отчетливее понимают, что достичь роста их благосостояния можно, только обеспечивая запросы разных групп держателей интересов

(стейкхолдеров), выстраивая внутрифирменные и сетевые институты с позиции эффективного и инклюзивного развития для продвижения и защиты интересов заинтересованных сторон. Компании должны научиться переосмысливать свои способности к будущему восстановлению в контексте долгосрочной устойчивости бизнеса. Об этом говорят эксперты и аналитики и у нас в стране, и за рубежом. Так, К. Джеймс и П. Баккер в октябре 2020 г. опубликовали статью о переосмыслении устойчивости бизнеса и представили результаты своего исследования долгосрочной устойчивости и мер реагирования бизнеса на COVID-19 [2]. В качестве ключевых уроков для бизнеса авторы акцентируют внимание на необходимость переосмыслить достижение устойчивости в целях и ценностях для заинтересованных сторон в том числе за счет улучшенных подходов к корпоративному управлению рисками. Многие аналитики обращают внимание на то, что в основе методологического фундамента корпоративного риск-менеджмента должен лежать учет интересов заинтересованных сторон, начиная от формирования согласованной позиции по ключевым рискам компании до оценивания заданного уровня риск-аппетита и нахождения консенсуса со стейкхолдерами по принятию оперативных и стратегических решений по рискам для заинтересованных сторон. Этим же принципам учета приоритетных интересов стейкхолдеров придерживаются и обновленная модель «Трех линий защиты», представленная Институтом внутренних аудиторов (Institute of Internal Auditors – ИА), и опубликованные в октябре 2020 г. Банком России Рекомендации по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах (ПАО).

Среди публикаций зарубежных авторов, посвященных чаще всего проектному управлению, обращается внимание на необходимость увязывания проблемы управления рисками с ключевыми интересами стейкхолдеров, однако четко проработанного инструментария такой взаимоувязки мы не находим. Об актуальности оценки заинтересованных сторон для снижения рисков говорят работы Р. Махараджа [3], где автор делает вывод о значимости такой оценки рисков для совета директоров и понимании случаев, когда ценность акционера и стейкхолдеров не является взаимоисключающей, и Е. Шиффер [4], в публикации которой подчеркивается, что управление рисками часто сосредоточивается на катастрофических событиях, тогда как многие риски, могущие серьезно повредить компании, гораздо менее впечатляющи и основаны

на моделях взаимодействия людей (внутри и за пределами организации). Неуправляемые отношения с заинтересованными сторонами могут привести либо к спаду, либо к более драматичным последствиям и нанести вред организации.

Среди работ, вызвавших наш интерес по проблематике моделирования рисков, связанных со стейкхолдерами, можно отметить статьи Р. Янга с соавт. [5, 6]. Китайские исследователи представляют результаты моделирования интерактивных сетей рисков, связанных с различными заинтересованными сторонами в проектах на примере строительства «зеленых офисных зданий». Данные к анализу собираются с помощью целевых групповых семинаров, личных интервью, компьютерных исследований и проанализированы с использованием методов анализа социальных сетей. Методика китайских авторов позволяет смоделировать интерактивные сети рисков, связанные с различными заинтересованными сторонами в проектах; определить критические риски и связанные с ними заинтересованные стороны, используя методы анализа социальных сетей, что в целом позволяет повысить точность анализа заинтересованных сторон и рисков, демистифицировать проблемы воздействия социальных факторов. В подобную группу исследований, со схожим взглядом на стейкхолдерские риски, но без использования метода социальных сетей, можно отнести работы Н. Aladağ, Z. Işık Z [7], Y. Zhou et al. [8].

R. W. Woolridge et al. в своей более ранней публикации [9] также предпринимали попытку разработки модели оценки рисков заинтересованных сторон проектов OBSRAM (Outcome-based stakeholder risk assessment), основанную на оценке результатов. Авторы указанной публикации утверждают, что заинтересованные стороны являются признанным источником значительного риска программных проектов. В разработанной ими OBSRAM предлагается пошаговый подход к выявлению заинтересованных сторон в процессе описания требований, выявления влияния заинтересованных сторон на проект, влияния проекта на заинтересованные стороны и оценки рисков, связанных с потенциальными негативными реакциями стейкхолдеров. Метод основан на системе балльных экспертных оценок, получаемых при помощи опросов. Риски, показывающие наибольший уровень, приоритезируются.

P. Yadav et al. [10] анализируют, как риски и выгоды распределяются между заинтересованными сторонами в цепочке создания стоимости, и предлагают способы исправления дисбалансов, которые приведут к расширению доступа к противомаларийным лекарствам в Африке южнее Сахары.

На примере вышеприведенных статей зарубежных авторов мы видим, что крен в исследованиях сделан в пользу ассоциирования всех возможных видов рисков со стейкхолдерами, которые могут от них исходить. В представленной нами методике под стейкхолдерским риском понимается разрушение отношений и стейкхолдерской стоимости в сети стейкхолдеров как следствие дисбаланса интересов. Кроме того, как мы уже отмечали, зарубежные исследователи используют такого рода оценки исключительно в проектных подходах, мы же делаем попытку диагностировать стейкхолдерские риски на уровне организации в целом.

Отечественных публикаций о взаимосвязи учета интересов стейкхолдеров и выявления стейкхолдерских рисков через инструментарий моделирования, оценочные инструменты очень мало. Хотя, безусловно, необходимо отметить серьезный вклад в исследование стейкхолдерской стоимости и стейкхолдерских рисков И. В. Ивашковской, которая в своих публикациях отмечала, что стейкхолдерский риск связан с нарушением баланса взаимоотношений в стейкхолдерской сети, охватывает потерю доверия участников сети стейкхолдеров, ведет к утрате ценности интеллектуального и социального капиталов для компании, что в свою очередь вызывает рост затрат на совокупный финансовый капитал и снижение экономической прибыли акционеров [11, 12]. Из публикаций последнего времени вызывает интерес статья В. Г. Когденко, в которой автор впервые указала на необходимость учета стейкхолдерских рисков в общей структуре рисков компании; выявила, какие типы рисков характерны для каждой группы стейкхолдеров. Автором предложена разработанная методика анализа рисков компании на основе стейкхолдерского подхода. Предложенные алгоритмы позволяют увязать риски компании с ее секторальной принадлежностью и выявить наиболее значимые из них для компании [13].

К проблеме учета рисков заинтересованных сторон в контексте поиска баланса интересов примыкает тема по определению ценностей стейкхолдеров или «стейкхолдерской стоимости». Теоретические исследования и обзоры по понятию «стейкхолдерской стоимости» представлены прежде всего иностранными исследователями [14, 15]. R. K. Mitchell et al. подчеркивают необходимость разработки междисциплинарной теории, которая включала бы теорию предпринимательства, учета, рисков, корпоративного управления и создавала бы новую отчетность, учитывающую стейкхолдерскую стоимость на основе разделения рисков стейкхолдерами [16]. R. Tapaninaho провела широкий обзор нарративов

«стейкхолдерской стоимости» и предложила свою классификацию подходов к изучению стейкхолдерской стоимости [17]. На основе ее работы в одной из наших публикаций был сделан обзор источников, изучающих понятие «стейкхолдерская стоимость» [18].

Занимаясь бизнесом, приходится принимать рискованные решения. Как известно, безрискового бизнеса не бывает, и чтобы эффективно управлять им, нужно представлять непредставимое. В условиях неопределенности, в условиях новой реальности коронаэкономики многократно возрастает значимость для руководства компаний умения профессионального управления рисками и поиска всех возможностей приемлемого риска для ключевых и неключевых стейкхолдеров компании. В этом смысле авторы данной статьи обращают внимание на те методологические и инструментальные методические лакуны, которые существуют пока в исследовательском поле и которые при должной степени проработки могли бы быть использованы для минимизации стейкхолдерских рисков и достижения баланса интересов стейкхолдеров в целях обеспечения долгосрочного устойчивого развития.

Методы

Сформулируем цель и общие идеи представленного в данной статье методического подхода.

В качестве цели авторы ставят апробацию методики моделирования стейкхолдерского риска через поиск взаимосвязей между уровнем стейкхолдерского риска (StR) и выручкой на примере успешной и менее успешной компании в выборке. Задачи для реализации вышеуказанной цели были сформулированы в качестве пошаговой инструкции к действию.

Методика базируется на моделировании стейкхолдерского риска с помощью «разрывов» между вкладом и выгодами стейкхолдеров с использованием эконометрической модели. Моделирование стейкхолдерской стоимости осуществлялось авторами и ранее [19, 20]. Основу метода составляет математический и эконометрический инструментарий для создания моделей стейкхолдерской стоимости. Поскольку прямого показателя «стейкхолдерская стоимость» нет, судить о ней мы можем только по косвенным критериям. Моделирование стейкхолдерской стоимости будет выполнено при помощи монетарных инструментов оценки (монетарное выражение стейкхолдерской стоимости). В качестве прокси-показателя монетарной стейкхолдерской стоимости мы используем показатель «выручка».

В нашем методическом подходе мы опираемся на следующие понятия.

Стейкхолдерская стоимость (Stakeholder value, STV) – это вся стоимость (монетарная и немонетарная), создаваемая участниками сети стейкхолдеров, друг для друга.

Выгоды стейкхолдеров (Stakeholder benefits) – это любые виды монетарных и немонетарных выгод, получаемых стейкхолдерами.

Вклад стейкхолдеров (Stakeholder contribution) – это любой вид вклада, который стейкхолдер вносит в деятельность сети стейкхолдеров.

Стейкхолдерский риск (Stakeholder risk) – это риск утраты организацией стоимости и конкурентоспособности вследствие ухудшения или разрыва отношений со стейкхолдерами.

Стейкхолдерский риск зависит как от потенциального ущерба, так и от вероятности разрыва/ухудшения отношений со стейкхолдерами.

Потенциальный ущерб мы условно определяем через вклад группы стейкхолдеров в общую

стоимость сети стейкхолдеров (монетарная оценка). При реализации риска, связанного с данной группой стейкхолдеров, сеть стейкхолдеров полностью или частично теряет вклад его участников.

Вероятность ухудшения или разрыва отношений группы стейкхолдеров с сетью стейкхолдеров определяется условно через «разрыв» между вкладами и выгодами группы стейкхолдеров, так как они нормативно настроены получать в виде выгод стоимость, соответствующую их вкладу. Другими словами, за свой вклад стейкхолдеры ожидают соответствующие его величине выгоды. В случае, когда выгоды не покрывают вклада заинтересованных лиц, у них нарастают стимулы уменьшить свой вклад или разорвать свои отношения с сетью стейкхолдеров.

Методика моделирования и анализа, представленная в данной работе, состоит из следующих шагов (рис. 1).

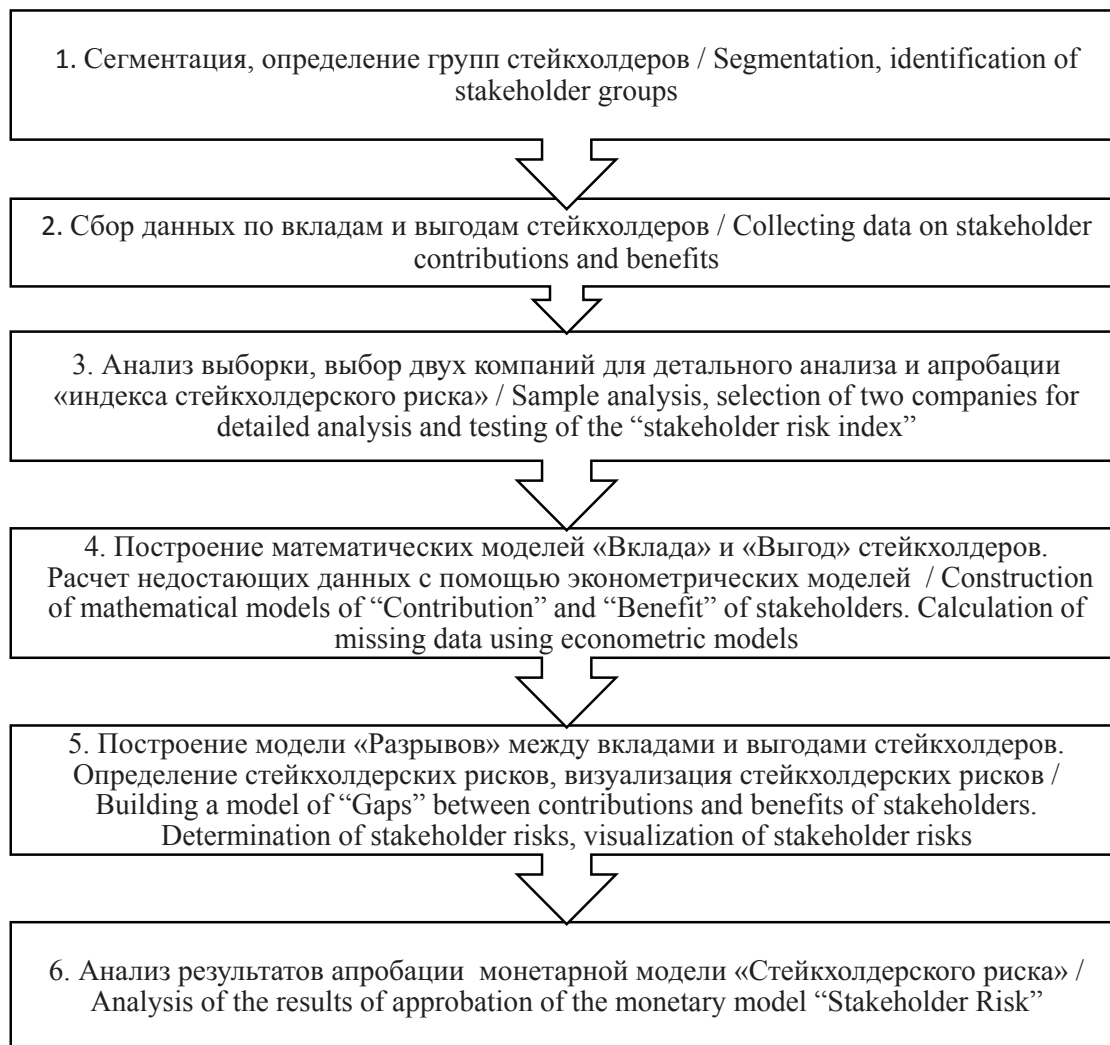

Рис. 1. Пошаговая методика исследования
Fig. 1. Step-by-step research methodology

1) сегментация, определение групп стейкхолдеров и обоснование этой сегментации. В нашем исследовании для простоты была использована «классическая» группировка стейкхолдеров: «работники», «собственники» и т.д.;

2) сбор данных по вкладам и выгодам стейкхолдеров (соотнесение данных бухгалтерской отчетности с категориями «выгод» и «вклада» стейкхолдеров);

3) анализ выборки, выбор двух сопоставимых компаний для анализа по типу «успешной» и «менее успешной» в целях апробации «индекса стейкхолдерского риска»;

4) построение математических моделей «Вклада» и «Выгод» стейкхолдеров. Расчет недостающих данных (в нашем случае это «вклады» работников и поставщиков) с помощью эконометрических моделей, как отраслевой (по всей совокупности выборки), так и индивидуальной (по наблюдениям исследуемой компании). Отраслевая модель будет использована в случае, если индивидуальная модель по компании не позволит получить все необходимые коэффициенты;

5) построение модели «Разрывов» между вкладами и выгодами стейкхолдеров. Определение стейкхолдерских рисков через «разрывы» между вкладами и выгодами стейкхолдеров и влиянием стейкхолдеров на выручку организации, визуализация стейкхолдерских рисков;

6) анализ результатов моделирования и апробации «Индекса стейкхолдерского риска», выводы.

Категория стейкхолдеров «Клиенты» была исключена из анализа в этой работе в связи с трудностями определения их вклада и выгод.

Построенные модели позволят увидеть дисбалансы в структуре создания и распределения стейкхолдерских стоимостей, выявить потенциальное «натяжение» и риски в отношениях со стейкхолдерами. Полученные результаты исследования могут быть использованы в качестве описания, объяснения текущего положения дел и рекомендаций по компаниям-объектам для минимизации стейкхолдерских рисков и достижения баланса интересов стейкхолдеров в целях обеспечения долгосрочного устойчивого развития.

Конечно, опора на анализ группового вклада и выгод ведет к серьезному упрощению, ведь стейкхолдеры действуют индивидуально, порой интуитивно, на основе личного набора альтернатив. Однако, поскольку индивидуальный анализ затруднителен, чтобы не останавливаться на развитии теории и методологии, мы все равно анализируем обобщенные группы стейкхолдеров с использованием агрегированных финансовых показателей.

Для целей балансировки интересов и идентификации стейкхолдерских рисков построены монетарная «объективная» модель вкладов и выгод стейкхолдеров, карта разрывов (карта стейкхолдерских рисков). На основании вклада в формирование выручки определены значимые категории стейкхолдеров.

Построение предложенных моделей вклада и выгод поможет оценить возможные стейкхолдерские риски и вероятный ущерб в случае реализации стейкхолдерского риска (через оценку вклада группы стейкхолдеров). Вероятность реализации риска зависит от многих факторов, включая разрыв между вкладами и выгодами стейкхолдеров. Субъективные оценки стейкхолдеров с использованием социологических методов (опросы, анкетирования, фокус-группы) способны более полно раскрыть вероятность стейкхолдерских рисков и их специфику, чем моделирование их разрыва между монетарным вкладом и выгодами.

Так, будет рассмотрен и апробирован способ оценки вкладов и выгод стейкхолдеров, стейкхолдерских рисков для определения существенных групп стейкхолдеров, диспропорций в созданной и распределенной стоимости. Предложенный инструмент анализа призван помочь увидеть и минимизировать стейкхолдерский риск (уровень разрыва) и способствовать гармоничному и долгосрочному развитию сети стейкхолдеров компании путем достижения баланса интересов стейкхолдеров.

Результаты

В данном разделе статьи представлена апробация методики моделирования.

Характеристика выборки: моделирование стейкхолдерской стоимости было осуществлено при помощи данных бухгалтерской и финансовой отчетности из системы СПАРК.

Критерии для отбора данных: предприятия Свердловской области, вид деятельности «Обрабатывающие производства», 2010–2019 гг.

С целью получения более однородной панели данных выборка была усечена до подотрасли «Производство хлеба и мучных изделий». Критерием выбора подотрасли явилась полнота данных и наличие достаточного количества наблюдений в сравнении с остальными видами деятельности.

В несбалансированную панель данных для анализа вошло 130 наблюдений по 28 компаниям.

По этой выборке были построены три эконометрические модели, которые показывают корреляцию между расходами на стейкхолдеров (работников, поставщиков) и величиной выручки компании, т. е. дана оценка вклада стейкхолдеров в выручку на основе выплат этим группам

стейкхолдеров. Данные модели необходимы для расчета вклада работников и поставщиков в выручку по каждому объекту исследования.

Модель 1: Индивидуальная модель вклада в выручку «Компании В» (8 наблюдений).

Модель 2: Индивидуальная модель вклада в выручку «Компании С» (8 наблюдений).

Модель 3: Отраслевая модель вклада в выручку по всей выборке компаний (130 наблюдений).

Для апробации индекса стейкхолдерского риска необходимо рассмотреть его на примере разных по «успеху» компаний (критерий «успеха»: уровень выручки и ее рост), при этом близких

и сопоставимых по условиям функционирования (по географическому положению, активам).

На рис. 2 представлены все предприятия, по которым была найдена отчетность за 2019 г., их количество оказалось меньше, чем за весь период наблюдений. На рисунке заметна тройка лидеров рынка: «Компания А», «Компания В», «Компания С». Столбец «Компании А» выделен белым, так как она резко выделяется по выручке от остальных, а потому не рассматривается нами как претендент для сравнения. Компании «В» и «С», напротив, оказались тем контрастным примером сопоставимых компаний, который нам был нужен, поэтому на рисунке мы выделили их серым.

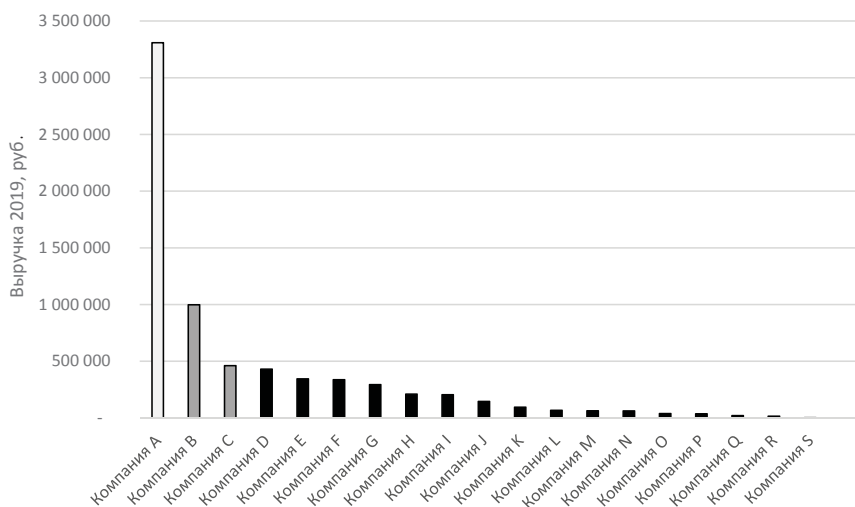

Рис. 2. Выручка объектов в 2019 г.
Fig. 2. Revenue of objects in 2019

Компании «В» и «С» имеют не только относительно сопоставимые показатели деятельности, но и расположены недалеко друг от друга. В пользу

нашего выбора говорит и то, что 2012 г. компании начинали почти с одинаковой выручкой, однако «Компания В» затем вырвалась вперед (рис. 3).

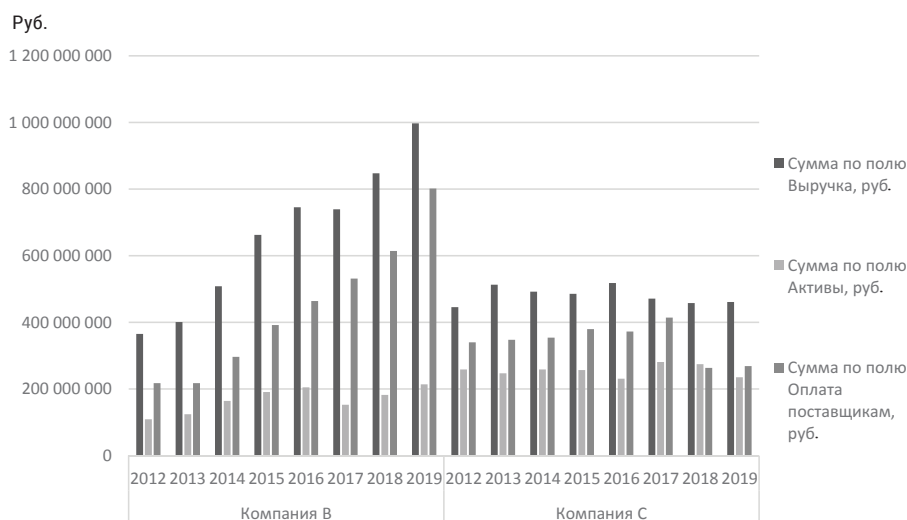

Рис. 3. Сравнительная характеристика объектов
Fig. 3. Comparative characteristics of objects

Исходя из вышесказанного, мы определили эти компании как наиболее подходящие для сравнительного анализа и апробации методики моделирования стейкхолдерских рисков. Далее представим результаты моделирования стейкхолдерский вкладов и выгод.

Для построения моделей «вкладов» и «выгод» необходимо получить все сведения о выгодах и вкладах по каждой категории стейкхолдеров, для этой цели были использованы данные отчетности. Они дали нам показатели для всех категорий вклада и выгод по всем

группам стейкхолдеров к анализу, кроме вклада работников и вклада поставщиков.

Для получения показателей вклада работников и поставщиков мы построили эконометрические модели, характеризующие их вклад в годовую выручку (монетарный прокси-показатель стейкхолдерской стоимости). Мы смотрели, как расходы на стейкхолдеров влияют на выручку компании, исходя из того, что вклад стейкхолдеров пропорционален их выгодам.

Ниже (табл. 1) приведены показатели для определения вкладов и выгод стейкхолдеров.

Таблица 1 / Table 1

Показатели для определения вклада и выгод стейкхолдеров
Indicators for determining the contribution and benefits of stakeholders

Категория стейкхолдерской стоимости Stakeholder value category	Группа стейкхолдеров Stakeholder group	Измерение / Measurement	
Выгоды стейкхолдеров	Собственники	Дивиденды, руб.	
	Работники	Выплаты работникам, руб.	
	Поставщики	Оплата поставщикам, руб.	
	Государство	Налоги, руб.	
	Инвесторы	Выплата процентов, руб.	
Вклад стейкхолдеров	Собственники	Амортизированный собственный капитал, руб.	
	Работники	Регрессия	(коэффициент × выплаты работникам)
	Поставщики	Регрессия	(коэффициент × оплата поставщикам)
	Государство	–	
	Инвесторы	Процентные платежи по безрисковой ставке, руб.	

Вклад инвесторов был посчитан как сумма всех долгосрочных и краткосрочных обязательств компании, умноженная на безрисковую ставку, которую мы определили как среднегодовую ставку рефинансирования (ключевую ставку) ЦБ РФ.

$$\text{Выгоды стейкхолдеров} = V_{\text{собственников}} + V_{\text{работников}} + V_{\text{поставщиков}} + V_{\text{государства}} + V_{\text{инвесторов}}$$

$$\text{Вклад стейкхолдеров} = Вк_{\text{собственников}} + Вк_{\text{работников}} + Вк_{\text{поставщиков}} + Вк_{\text{государства}} + Вк_{\text{инвесторов}}$$

Тогда V_i – размер монетарных выгод i -й категории стейкхолдера, руб.; $Вк_i$ – размер монетарного вклада i -й категории стейкхолдера, руб.

Эконометрические модели представлены далее: индивидуальная модель «Компании В» (табл. 2), индивидуальная модель «Компании С» (табл. 3), отраслевая модель (табл. 4), где факторы:

Payments To Labor – фонд оплаты труда за год;

Payments To Suppliers – оплата поставщикам за год;

SK – собственный капитал компании;

Fixed Assets – внеоборотные активы компании;

Математические модели были построены в соответствии с показателями для определения вкладов и выгод стейкхолдеров (указаны в табл. 1), суммированием вклада/выгоды каждой категории стейкхолдеров:

SK : Fixed Assets – отношение собственного капитала компании к внеоборотным активам.

Примечательно, что модель по «Компании В» и отраслевая модель построились с одинаковыми факторами, но разными коэффициентами. По ним видно, что коэффициент вклада работников у «Компания В» выше, чем в целом по рынку, в то время как вклад поставщиков ниже. Для построения модели вклада вклад работников и вклад поставщиков «Компании В» мы рассчитали по коэффициентам индивидуальной модели.

Модель по «Компании С» нашла зависимость выручки от оплаты труда, но не нашла связь с оплатой поставщиков, поэтому коэффициент для определения вклада работников был

Таблица 2 / Table 2

Эконометрическая модель вклада стейкхолдеров. «Компания В»
Econometric model of the stakeholder contribution. "Company B"

Formula	Revenue = -447400000 + 2.69 × Payments To Labor + 0.99 × Payments To Suppliers + + 12.05 × SK + 14.71 × Fixed Assets + 0.00 × SK : Fixed Assets				
Coefficients:	Estimate	Std. Error	t value	Pr (> t)	
(Intercept)	-447 400 000	12 80000	-34.95	0.00	***
Payments To Labor	2.69	0.13	21.02	0.00	**
Payments To Suppliers	0.99	0.01	74.42	0.00	***
SK	12.05	0.19	62.90	0.00	***
Fixed Assets	14.71	0.29	50.35	0.00	***
SK : Fixed Assets	-0.00	0.00	-53.41	0.00	***
Residual standard error: 1625000 on 2 degrees of freedom					
Adjusted R-squared: 0.9999; F-statistic: 2.572e+04 on 5 and 2 DF, p-value: 0.00					
Confidence interval	2.50%		97.50%		
(Intercept)	-502 529 800		-392 356 500		
Payments To Labor	2.14		3.24		
Payments To Suppliers	0.93		1.04		
SK	11.22		12.87		
Fixed Assets	13.46		15.97		
SK : Fixed Assets	0.00		0.00		

Таблица 3 / Table 3

Эконометрическая модель вклада стейкхолдеров. «Компания С»
Econometric model of the stakeholder contribution. "Company C"

Formula	Revenue = 419100000 + 0.76 × Payments To Labor				
Coefficients:	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)	
(Intercept)	419 100 000	25 430 000	16.48	0.00	***
Payments To Labor	0.76	0.30	2.51	0.05	*
Residual standard error: 19780000 on 6 degrees of freedom					
Adjusted R-squared: 0.4318; F-statistic: 6.32 on 1 and 6 DF, p-value: 0.04566					
Confidence interval	2.50%		97.50%		
(Intercept)	356 864 300.00		481 295 900.00		
Payments To Labor	0.02		1.51		

Таблица 4 / Table 4

Отраслевая эконометрическая модель вклада стейкхолдеров
Sectoral econometric model of stakeholder contribution

Formula	Revenue = -14450000 + 1.32 × Payments To Labor + 1.13 × Payments To Suppliers + + 0.14 × SK + 0.59 × Fixed Assets + 0.00 × SK : Fixed Assets				
Coefficients:	Estimate	Std. Error	t value	Pr(> t)	
(Intercept)	-14 450 000	5 535 000	-2.61	0.01	*
Payments To Labor	1.32	0.18	7.36	0.00	***
Payments To Suppliers	1.13	0.04	25.38	0.00	***
SK	0.14	0.07	1.97	0.05	.
Fixed Assets	0.59	0.09	6.32	0.00	***
SK : Fixed Assets	-0.00	0.00	-10.93	0.00	***
Residual standard error: 52490000 on 124 degrees of freedom					
Adjusted R-squared: 0.9913; F-statistic: 2821 on 5 and 124 DF, p-value: < 0.00					
Confidence interval	2.50%		97.50%		
(Intercept)	-25 404 050		-3 493 012		
Payments To Labor	0.97		1.67		
Payments To Suppliers	1.04		1.22		
SK	0.00		0.27		
Fixed Assets	0.41		0.78		
SK : Fixed Assets	0.00		0.00		

взяты из индивидуальной модели, а для вклада поставщиков – из отраслевой модели.

После получения всех необходимых данных для показателей (см. табл. 1) мы смогли построить структуры созданной и распределенной стоимости по категориям стейкхолдеров с помощью суммирования стоимостей. Созданная

стоимость – это сумма всех вкладов стейкхолдеров (Stakeholder contribution). Распределенная стоимость – это сумма всех выгод стейкхолдеров (Stakeholder benefits). Структуры созданных и распределенных стоимостей за 2018 и 2019 гг. по «Компании В» и «Компании С» представлены ниже (рис. 4–7).

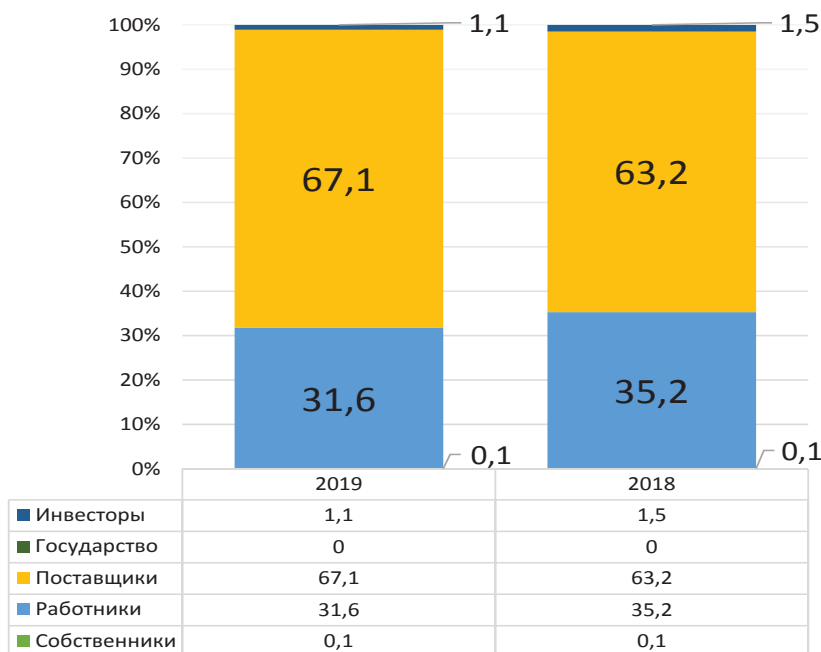

Рис. 4. Структура созданной стоимости «Компании В» в 2018–2019 гг., % (цвет online)

Fig. 4. The structure of the created value of “Company B” 2018–2019, % (color online)

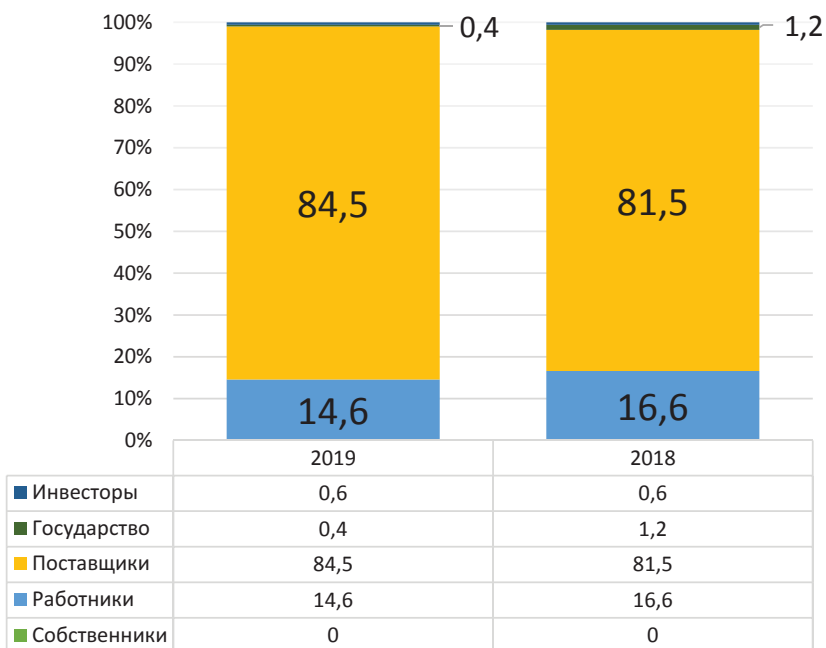

Рис. 5. Структура распределенной стоимости «Компании В» в 2018–2019 гг., % (цвет online)

Fig. 5. Distributed value structure of “Company B” 2018–2019, % (color online)

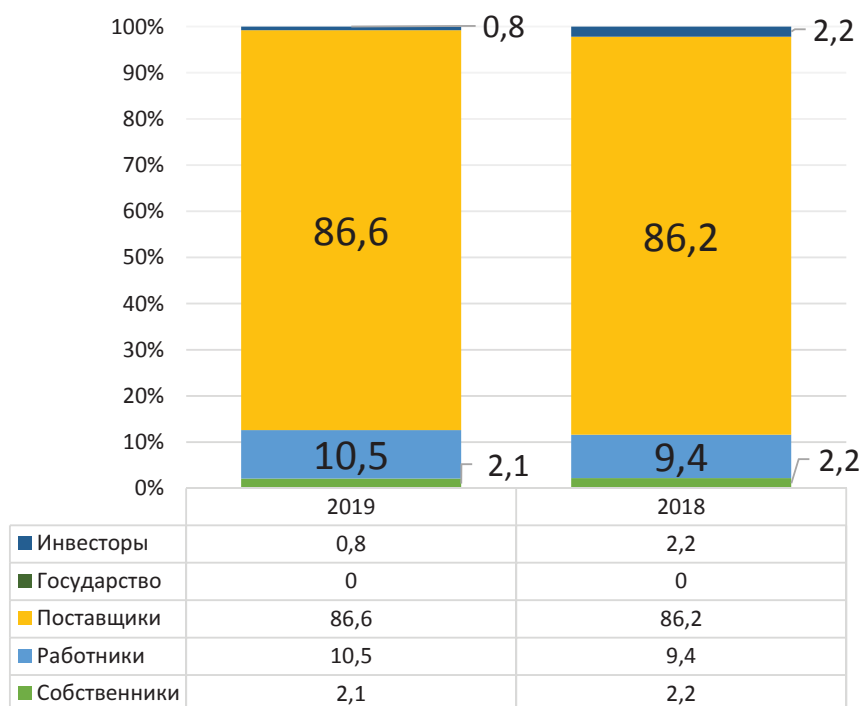

Рис. 6. Структура созданной стоимости «Компании С» в 2018–2019, % (цвет online)
 Fig. 6. The structure of the created value of “Company C” 2018–2019, % (color online)

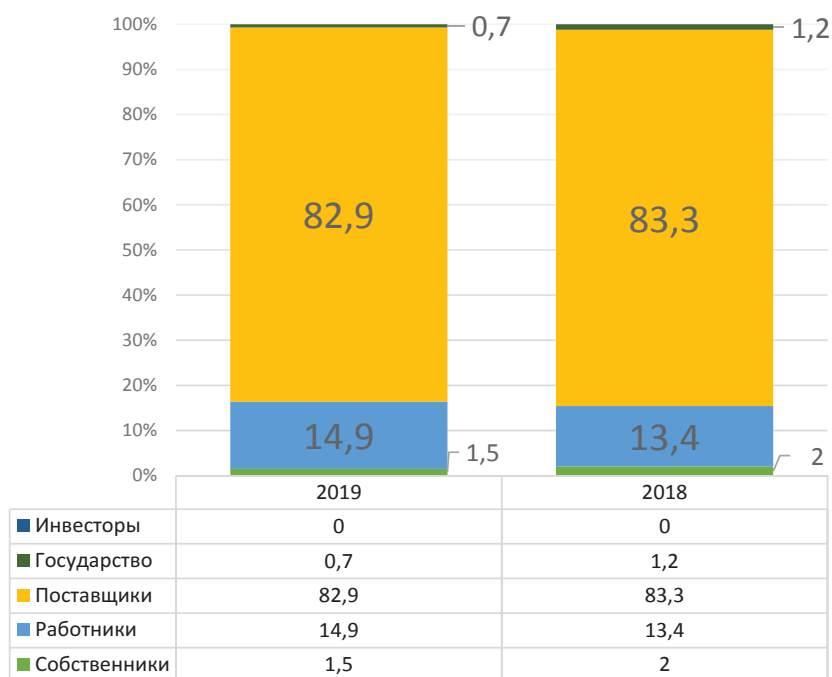

Рис. 7. Структура распределенной стоимости «Компании С» в 2018–2019 гг., % (цвет online)
 Fig. 7. Distributed value structure of “Company C” 2018–2019, % (color online)

Видно, что структура созданной и распределенной стоимости у «Компании С» более симметрична (процентное отношение вклада стейкхолдеров примерно соответствует процентному отношению их выгод в общей структуре), в

то время как у «Компании В» наблюдается асимметрия структуры между вкладом и выгодами поставщиков и работников. Работники «Компании В» вкладывают более 30% стоимости, а получают менее 17%, поставщики же, наоборот, вносят

вклад менее 68%, а получают в виде выгод более 81%. Это можно интерпретировать так, что часть выгод работников «Компании В» перетекает к ее поставщикам.

Ниже представлены карты стейкхолдерских рисков за 2019 г. (рис. 8, 9). Они построены в логике, как и многие другие карты рисков: вертикальная ось – вероятность риска, горизонтальная – ущерб от него.

В нашем случае за вероятность реализации стейкхолдерского риска мы условно приняли уровень разрыва между вкладом и выгодами группы стейкхолдеров. Поскольку, когда стейкхолдер попадает в ситуацию разрушения своей стоимости, а это происходит в случае, если его выгоды становятся меньше его вклада (или стейкхолдер несет высокие альтернативные издержки), он теряет мотивы для продолжения отношений с сетью

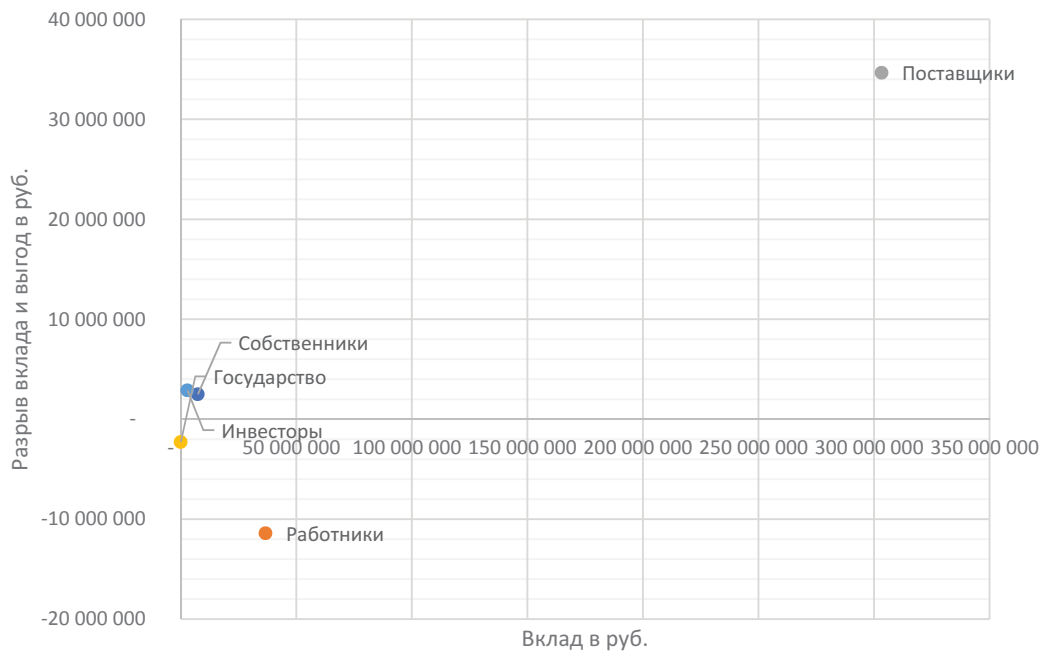

Рис. 8. Карта стейкхолдерских рисков. «Компания В», 2019 г. (цвет online)
Fig. 8. Stakeholder Risk Map. “Company B”, 2019 (color online)

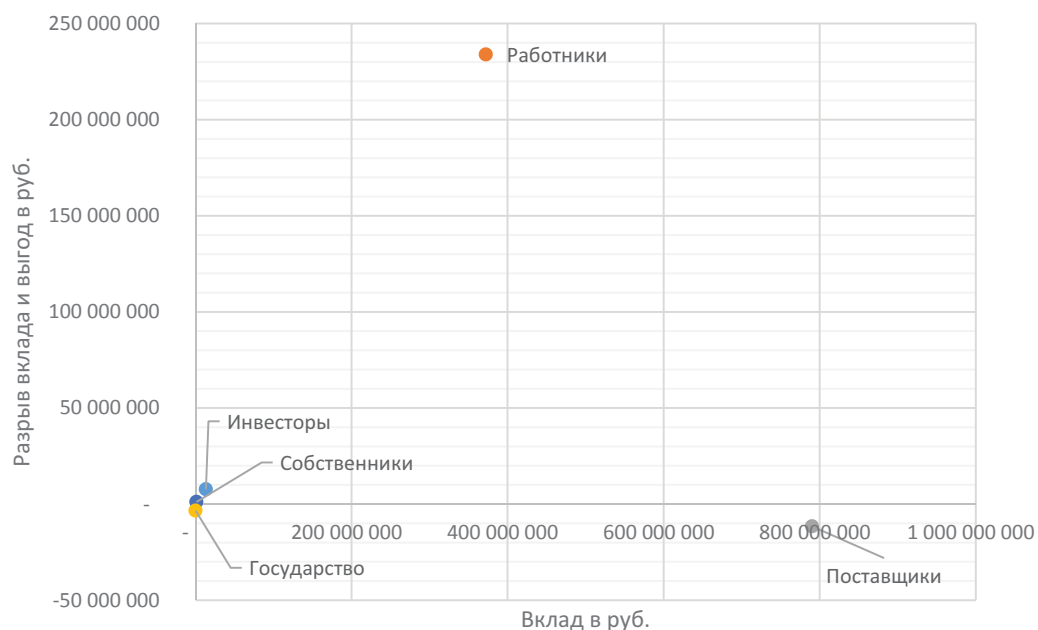

Рис. 9. Карта стейкхолдерских рисков. «Компания С», 2019 г. (цвет online)
Fig. 9. Stakeholder Risk Map. “Company C”, 2019 (color online)

стейкхолдеров (компанией). Однако такой показатель не говорит прямо о самой вероятности, он, скорее, является ее косвенным отображением. Положительный уровень разрыва (больше нуля) между вкладами и выгодами стейкхолдеров свидетельствует о том, что данная группа стейкхолдеров получает выгод меньше внесенного вклада. Чем больше положительный уровень разрыва, тем большая стоимость стейкхолдеров разрушается и при прочих равных в них велика вероятность риска разрушения связи с сетью стейкхолдеров.

За уровень ущерба в случае реализации риска мы также условно приняли размер вклада группы стейкхолдеров, так как в случае утраты отношений с компанией эта группа перестает вносить свой вклад в работу сети. Мы оставляем за скобками вопрос о системном эффекте и эффекте синергии при утрате отношений со стейкхолдерами (например, когда вся группа «Сотрудники» прекратит свои отношения с компанией, и она не сможет продолжать работу подобно организму, в котором отказал только один орган, но этот орган – сердце), поскольку это тема для другого исследования. Поэтому горизонтальная ось показывает размер вклада стейкхолдеров: чем он больше, тем большее влияние на выручку оказывает эта группа стейкхолдеров и тем больше она сдвигается вправо относительно точки начала координат.

Поскольку вертикальная ось косвенно говорит о вероятности реализации стейкхолдерского риска (разрыва отношений или их ухудшение), а горизонтальная косвенно свидетельствует об ущербе, то чем выше и правее находится группа стейкхолдеров на карте рисков, тем больший стейкхолдерский риск в ней сосредоточен. Например, самыми влиятельными с точки зрения

генерации выручки являются стейкхолдеры «Работники» и «Поставщики», причем «Поставщики» вносят больший вклад, чем «Работники», и почти не обладают «разрывом», т.е. они получают компенсацию своего вклада (в выручку организации) в полном объеме (см. рис. 8). В то время как категория «Работники» недополучает выгоды на свой вклад около 240 млн руб. и поэтому данная группа находится в положительной части вертикальной оси.

Вклад поставщиков «Компании В» больше, чем их выгоды, поэтому, согласно данной методике, они являются самой рискованной группой стейкхолдеров для нее.

Ниже приведен расчет стейкхолдерского риска (рис. 10). Представлен уровень разрыва по каждой группе стейкхолдеров по объектам за 2012–2019 гг. Колонка «Суммарный разрыв» – это сумма разрывов по всем группам стейкхолдеров. Индекс стейкхолдерского риска рассчитан как отношение общей суммы разрывов «Суммарный разрыв» к выручке компании за период.

В целом, представленная методика расчета индекса стейкхолдерского риска показала, что наибольший уровень риска, при этом стабильно и заметно снижающийся, как ни странно, у «Компании В», в первую очередь, это объясняется гораздо большей величиной вклада работников в создание выручки по сравнению с оплатой их труда.

Кроме того, «Компания В» вместе с ростом выручки увеличивала ФОТ ежегодно в среднем на 8% в год, в то время как ее выручка росла в среднем на 16% в год. То есть предприятие «В» делилось частью прироста выручки со своими работниками, и это обеспечило постепенное снижение индекса стейкхолдерского риска к 2019 г.

Компания	Год	Собственники	Работники	Поставщики	Государство	Инвесторы	Суммарный разрыв	Индекс стейкхолдерского риска
Компания С	2012	7 225	20 059	43 862	4 726	7 828	34 130	8%
	2013	7 503	22 082	44 838	6 594	2 919	26 583	5%
	2014	7 401	21 187	45 677	3 945	1 641	26 305	5%
	2015	7 104	19 369	48 956	1 213	2 909	38 387	8%
	2016	7 014	28 101	48 044	3 924	5 917	28 950	6%
	2017	7 591	20 382	53 444	5 523	9 990	45 120	10%
	2018	1 182	10 042	33 954	3 860	7 511	28 744	6%
	2019	2 507	11 400	34 659	2 278	2 896	26 384	6%
Компания В	2012	1 774	147 714	3 130	2 013	2 934	147 279	40%
	2013	2 340	122 660	3 129	4 631	2 371	119 611	30%
	2014	2 655	158 328	4 268	6 300	1 195	151 609	30%
	2015	2 558	166 859	5 641	1 870	1 432	163 338	25%
	2016	1 940	179 336	6 679	1 610	10 926	183 913	25%
	2017	1 068	208 026	7 649	3 543	6 051	203 952	28%
	2018	884	211 909	8 846	9 182	9 487	204 254	24%
	2019	1 138	233 962	11 546	3 386	7 709	227 878	23%

Рис. 10. Разрывы вкладов и выгод стейкхолдеров (тыс. руб.) и индекс стейкхолдерского риска (цвет online)

Fig. 10. Stakeholder Contribution and Benefit Gaps (thousand roubles) and Stakeholder Risk Index (color online)

Если рассмотреть ситуацию еще подробнее, то выяснится, что выплаты на работника в «Компании В» почти в два раза выше, чем в «Компании С», несмотря на наличие большего стейкхолдерского риска, связанного с ними

(табл. 5). Это иллюстрирует «win-winsituation» по объекту «В». Вероятно, будет уместным дальнейшее увеличение ФОТ на нем для удержания ценных работников, умеющих генерировать повышенную стоимость.

Таблица 5 / Table 5

Сравнение вклада и выгод работника за 2019 год
Comparison of contributions and benefits per employee for 2019

Компания Company	Численность, чел. Number of staff	Вклад работника, руб. Contribution per employee, rubles	Выплаты на работника (выгоды), руб. Payments per employee (benefits), rubles
«Company В»	300	1 240 521	460 647
«Company С»	177	207 473	271 881

Высокий уровень стейкхолдерского риска может и не говорить о том, что у компании есть проблемы. В нашем примере у «успешной» компании стейкхолдерский риск оказался больше, чем у «неуспешной». Риск может быть возможностью создания большей стоимости, чем при его отсутствии.

Представленную ситуацию можно рассматривать как повод для разработки альтернативных индикаторов стейкхолдерских рисков, которые были бы более «сигнальными» и универсальными, поскольку, как показал текущий пример «win-winsituation», большой разрыв между вкладами и выгодами стейкхолдеров может и не свидетельствовать о проблемах с ними. Все оказалось сложнее, и при анализе необходимо учитывать факторы за рамками модели.

Выводы

В представленной авторской модели расширено понимание и возможности оценки стейкхолдерской стоимости для минимизации стейкхолдерских рисков. Представлен практический инструментарий моделирования стейкхолдерской стоимости и стейкхолдерских рисков. Новизна работы состоит в апробации разработанной методики моделирования и анализа стейкхолдерских рисков и стейкхолдерской стоимости. Проведена апробация методики с использованием математических и эконометрических методов на основе данных открытых источников по ряду объектов исследования. Построены модели вкладов и выгод стейкхолдеров, определены уровни «разрыва» между вкладами и выгодами по группам стейкхолдеров, представлены карты стейкхолдерских рисков, апробирован индекс стейкхолдерского риска, проанализированы результаты моделирования, что позволило сделать ряд выводов. Для методики в представленном в статье варианте необходимы доработки и расширения в целях улучшения ее описательных и, возможно, объясняющих характеристик. По-

этому авторы видят направления дальнейших исследований для апробации и совершенствования представленного подхода или разработки принципиально иного.

Выводы общетеоретического плана могли бы быть сведены к следующему: поиск и определение стейкхолдерских рисков и стейкхолдерских стоимостей (ценностей) в чем-то похожи на работу социолога и оценщика: замер электоральных рейтингов и рейтингов доверия, оценка стоимости. Это попытка «ухватить» то, что объективно есть, но от нас «ускользает». Сам показатель (или метрика), которым пользуется при этом исследователь, не всегда может о чем-то говорить, порой важна его динамика и тенденция, соотношение с другими показателями.

Построенная модель стейкхолдерской стоимости и стейкхолдерских рисков, скорее всего, не гарантирует прогноза события, но дает определенный срез фактов. На данном этапе развития к таким моделям необходимо относиться справочно, учитывать их, при этом не воспринимать как мгновенное руководство к действию. Все выводы такого моделирования необходимо проверять, исследовать дополнительно и строить новые модели, прежде чем реагировать на стейкхолдерский риск, который они выявят.

Также нужно помнить, что «средняя температура по больнице», или усредненный показатель разрыва вкладов и выгод, может ничего не сказать. Необходимо учитывать всю палитру разрозненных, неоднородных состояний групп стейкхолдеров и, наряду с общей картиной, учиться находить и фокусироваться именно на проблемных группах стейкхолдерских рисков. В очередной раз работа показывает непригодность имеющихся данных, в частности бухгалтерского учета и финансовых результатов, к оценке стейкхолдерских рисков и стейкхолдерской стоимости. Из-за недостатка информации текущая деятельность по такой оценке – это «поиск рыбы на безрыбье». С другой стороны, часть

данных все-таки может собираться, это, например, касается внутренних исследований компаний лояльности своих сотрудников, клиентов, партнеров. Такая информация, как правило, собирается на регулярной основе вне зависимости от того, известно компании про стейкхолдерский подход или нет. Все это суть оценки стейкхолдерских ценностей и стейкхолдерских рисков, пусть так она компаниями и не называется. Поэтому этими данными необходимо пользоваться, адаптировать их под оценку и вместе с другими методами (включая моделирование вкладов и выгод на монетарной основе) делать интегрированную оценку или для начала хотя бы научиться выстраивать общую картину на основе разрозненных методов и их моделей.

При моделировании с помощью эконометрики открытым остается вопрос «неадекватных» коэффициентов в моделях, оценке структур стоимости вопреки им.

Также необходимо помнить, что нельзя делать фетиш из какого-либо метода или прокси-показателя, нужно помнить, что он не полный, не отражает всего. Это только один «угол обзора» или только одна метрика, с помощью которой мы пытаемся «нащупать» более общие и ускользающие от нас понятия «стейкхолдерской стоимости» и «стейкхолдерских рисков». Фиксация только на одном методе и одном показателе может создать ложные впечатления о формировании стейкхолдерских стоимостей.

Итак, у компании может быть высокий уровень разрывов между вкладом и выгодами стейкхолдеров, и одновременно «win-winsituation».

Отсюда выводы.

Нельзя ориентироваться только на уровень разрывов. Компания может понять для себя корреляцию между создаваемой стоимостью и расходами на стейкхолдеров, но сам уровень разрыва (агрегированный) даст ограниченное (нормативное) понимание о вероятности ухудшения/разрыва отношений со стейкхолдерами, поскольку они чаще выносят суждения на индивидуальном уровне, исходя из имеющихся альтернатив на рынке и не строят моделей.

Поиск стейкхолдерских рисков и стоимости – это всегда попытка ухватить то, что ускользает.

Полученные модели – это всего лишь срез части общей картины.

Необходимо стремиться, помимо построения общей картины, выделять проблемные кластеры стейкхолдеров.

Следует сближать существующие корпоративные опросы клиентов и сотрудников с оценкой стейкхолдерских рисков и ценности.

Список литературы

1. *Тaleb Н. Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. : Азбука-Аттикус, 2012. 587 с.
2. *James K., Bakker P.* Rethinking Resilience in Business. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/three-business-resilience-lessons-from-covid19-by-keryn-james-and-peter-bakker-2020-10> (дата обращения: 20.05.2020).
3. *Maharaj R.* Critiquing and contrasting «moral» stakeholder theory and «strategic» stakeholder : Implications for the board of directors // *Corporate Governance*. 2008. Vol. 8, № 2. P. 115–127. <https://doi.org/10.1108/14720700810863751>
4. *Schiffer E.* Understanding common network patterns to improve management of external and internal stakeholder risks (Chapter 29) // *The Routledge Companion to Strategic Risk Management* / ed. by T. Andersen. 1st ed. London : Routledge, 2015. 8 p. <https://doi.org/10.4324/9781315780931>
5. *Yang R. J., Zou P. X. W.* Stakeholder-associated risks and their interactions in complex green building projects : A social network model // *Building and Environment*. 2014. Vol. 73. P. 208–222. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2013.12.014>
6. *Yang R. J., Zou P. X. W., Wang J.* Modelling stakeholder-associated risk networks in green building projects // *International Journal of Project Management*. 2016. Vol. 34, iss. 1. P. 66–81. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2015.09.0>
7. *Aladağ H., İşik Z.* The Effect of Stakeholder-Associated Risks in Mega-Engineering Projects : A Case Study of a PPP Airport Project // *IEEE Transactions on Engineering Management*. 2020. Vol. 67, iss. 1. P. 174–186. <https://doi.org/10.1109/TEM.2018.2866269>
8. *Zhou Y., Pan M., Zhou D. K., Xue L.* Stakeholder Risk and Trust Perceptions in the Diffusion of Green Manufacturing Technologies : Evidence From China // *The Journal of Environment & Development*. 2018. Vol. 27, iss. 1. P. 46–73. <https://doi.org/10.1177/1070496517733497>
9. *Woolridge R. W., Mcmanus D. J., Hale J. E.* Stakeholder Risk Assessment : An Outcome-Based Approach // *IEEE Software*. 2007. Vol. 24, no. 2. P. 36–45. <https://doi.org/10.1109/MS.2007.54.2007>
10. *Yadav P., Sekhri N., Curtis K.* Barriers to Access : An Assessment of Stakeholder Risks and Incentives in the Value Chain for Artemisinin Combination Therapy (ACT) Treatments (June 2007). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1008307> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1008307>
11. *Иваишкова И. В.* Развитие стейкхолдерского подхода в методологии финансового анализа : гармоничная компания // *Корпоративные Финансы*. 2011. Т. 5, № 3. С. 59–70. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.5.3.2011.59-70>
12. *Иваишкова И. В.* Стейкхолдерский подход к управлению, ориентированному на приращение стоимости

- компании // Корпоративные Финансы. 2012. Т. 1, № 21. С. 14–23. <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.6.1.2012.14-23>
13. Когденко В. Г. Исследование рисков компаний в рамках стейкхолдерского подхода к анализу // Экономический анализ : теория и практика. 2018. Т. 17, № 6. С. 1051–1072. <https://doi.org/10.24891/ea.17.6.1051>
  14. Figge F., Schaltegger S. What is Stakeholder Value? Developing a Catchphrase Into a Benchmarking Tool. Luneburg : University of Luneburg and UNEP, 2000. 57 p.
  15. Garriga E., Werner A. A New Understanding of Stakeholder Value Creation and Value Destruction // Academy of Management Annual Meeting Proceedings. 2018. Vol. 1. Art. 17201. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2018.17201abstract>
  16. Mitchell R. K., Van Buren H. J., Greenwood M., Freeman R. E. Stakeholder inclusion and accounting for stakeholders // Journal of Management Studies. 2015. Vol. 52, № 7. P. 851–877. <https://doi.org/10.1111/joms.12151>
  17. Tapaninaho R., Kujala J. Reviewing the Stakeholder Value Creation Literature : Towards a Sustainability Approach // Social Responsibility and Sustainability / ed. by Leal Filho W. Springer, Cham, 2019. P. 3–36. (World Sustainability Series). https://doi.org/10.1007/978-3-030-03562-4_1
  18. Злыгостев А. А. Стейкхолдерская стоимость : понимание и оценка // Теоретическая экономика. 2020. № 8. С. 92–105.
  19. Tkachenko I. N., Pervukhina I. V., Zlygostev A. A. Modeling the contribution and benefits of company stakeholders // Upravlenets (The Manager). 2020. Vol. 11, № 2. P. 2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-2-1>
  20. Zlygostev A. A., Makarova E. N. Modeling the stakeholder value and stakeholder risks // SHS Web of Conferences (Conf-Corp 2020). 2020. Vol. 89. 02004. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208902004>
  - stakeholder risks (Chapter 29). In: T. Andersen, ed. *The Routledge Companion to Strategic Risk Management*. 1st ed. London, Routledge, 2015. 8 p. <https://doi.org/10.4324/9781315780931>
  5. Yang R. J., Zou P. X. W. Stakeholder-associated risks and their interactions in complex green building projects: A social network model. *Building and Environment*, 2014, vol. 73, pp. 208–222. <https://doi.org/10.1016/j.buildenv.2013.12.014>
  6. Yang R. J., Zou P. X. W., Wang J. Modelling stakeholder-associated risk networks in green building projects. *International Journal of Project Management*, 2016, vol. 34, iss. 1, pp. 66–81. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2015.09.0>
  7. Aladağ H., Işık Z. The Effect of Stakeholder-Associated Risks in Mega-Engineering Projects: A Case Study of a PPP Airport Project. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 2020, vol. 67, iss. 1, pp. 174–186. <https://doi.org/10.1109/TEM.2018.2866269>
  8. Zhou Y., Pan M., Zhou D. K., Xue L. Stakeholder Risk and Trust Perceptions in the Diffusion of Green Manufacturing Technologies: Evidence From China. *The Journal of Environment & Development*, 2018, vol. 27, iss. 1, pp. 46–73. <https://doi.org/10.1177/1070496517733497>
  9. Woolridge R. W., Mcmanus D. J., Hale J. E. Stakeholder Risk Assessment: An Outcome-Based Approach. *IEEE Software*, 2007, vol. 24, no. 2, pp. 36–45. <https://doi.org/10.1109/MS.2007.54.2007>
  10. Yadav P., Sekhri N., Curtis K. *Barriers to Access: An Assessment of Stakeholder Risks and Incentives in the Value Chain for Artemisin Combination Therapy (ACT) Treatments* (June 2007). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1008307> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1008307>
  11. Ivashkovskaya I. V. Incorporating stakeholder approach into financial analysis: A harmonized firm. *Journal of Corporate Finance Research*, 2011, vol. 5, no. 3, pp. 59–70 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.5.3.2011.59-70>
  12. Ivashkovskaya I. V. Stakeholder approach to management focused on the increment of the company's value. *Journal of Corporate Finance Research*, 2012, vol. 1, no. 21, pp. 14–23 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/j.jcfr.2073-0438.6.1.2012.14-23>
  13. Kogdenko V. G. Research of company risks within the framework of the stakeholder approach to analysis. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2018, vol. 17, no. 6, pp. 1051–1072 (in Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.17.6.1051>
  14. Figge F., Schaltegger S. *What is Stakeholder Value? Developing a Catchphrase into a Benchmarking Tool*. Luneburg, University of Luneburg and UNEP, 2000. 57 p.
  15. Garriga E., Werner A. A New Understanding of Stakeholder Value Creation and Value Destruction. *Academy of Management Annual Meeting Proceedings*, 2018, vol. 1, Art. 17201. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2018.17201abstract>

References

1. Taleb N. N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random house, 2007. 400 p. (Russ. ed.: Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2012. 587 p.).
2. James K., Bakker P. *Rethinking Resilience in Business*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/three-business-resilience-lessons-from-covid19-by-keryn-james-and-peter-bakker-2020-10> (accessed 20 May 2020).
3. Maharaj R. Critiquing and contrasting “moral” stakeholder theory and “strategic” stakeholder: Implications for the board of directors. *Corporate Governance*, 2008, vol. 8, no. 2, pp. 115–127. <https://doi.org/10.1108/14720700810863751>
4. Schiffer E. Understanding common network patterns to improve management of external and internal

16. Mitchell R. K., Van Buren H. J., Greenwood M., Freeman R. E. Stakeholder inclusion and accounting for stakeholders. *Journal of Management Studies*, 2015, vol. 52, no. 7, pp. 851–877. <https://doi.org/10.1111/joms.12151>
17. Tapaninaho R., Kujala J. Reviewing the Stakeholder Value Creation Literature: Towards a Sustainability Approach. In: Leal Filho W., ed. *Social Responsibility and Sustainability*. (World Sustainability Series). Springer, Cham, 2019, pp. 3–36. https://doi.org/10.1007/978-3-030-03562-4_1
18. Zlygostev A. A. Stakeholder value: Understanding and assessment. *Theoretical Economics*, 2020, no. 8, pp. 92–105 (in Russian).
19. Tkachenko I. N., Pervukhina I. V., Zlygostev A. A. Modeling the contribution and benefits of company stakeholders. *Upravlenets (The Manager)*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 2–15. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-2-1>
20. Zlygostev A. A., Makarova E. N. Modeling the stakeholder value and stakeholder risks. *SHS Web of Conferences (Conf-Corp 2020)*, 2020, vol. 89, 02004. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208902004>

Поступила в редакцию 06.04.2021, после рецензирования 16.05.2021, принята к публикации 20.05.2021
Received 06.04.2021, revised 16.05.2021, accepted 20.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 288–294
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 288–294
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-288-294>

Научная статья
УДК 338.32+338.32.053.4

Проактивность как фактор принятия эффективного управленческого решения при восстановлении и реновации оборудования

О. В. Томазова¹ ✉, Е. В. Волкодавова²

¹Самарский государственный технический университет, Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

²Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141

Томазова Олеся Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики промышленности и производственного менеджмента, ovtom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5775-9833>

Волкодавова Елена Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, vev.sseu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3335-2016>

Аннотация. Введение. Основная часть оборудования предприятий российского нефтегазового комплекса функционирует в условиях разной природно-географической среды, что требует особого подхода к организации и управлению его восстановлением и реновацией. **Теоретический анализ.** В статье исследованы дефиниции понятий «восстановление», «реновация», а также вопросы реактивного и проактивного подхода к управлению процессами восстановления и реновации оборудования. **Эмпирический анализ.** На основании полевых исследований на предприятиях нефтегазового комплекса сделан акцент на обоснованности принятия проактивного подхода к управлению восстановлением и реновацией оборудования; разработан показатель (индекс) проактивности принятия управленческого решения при восстановлении и реновации оборудования. **Результаты.** Данный показатель может применяться менеджментом предприятий нефтегазового комплекса с целью оценки рациональности организации и управления процессами восстановления и реновации оборудования, включая выбор самостоятельного обслуживания или услуг аутсорсинга.

Ключевые слова восстановление и реновация оборудования, реактивный подход, проактивный подход, предприятия нефтегазового комплекса

Для цитирования: Томазова О. В., Волкодавова Е. В. Проактивность как фактор принятия эффективного управленческого решения при восстановлении и реновации оборудования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 288–294. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-288-294>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Proactiveness as a factor of making an effective management decision in the restoration and renovation of equipment

О. V. Tomazova¹ ✉, E. V. Volkodavova²

¹Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia

²Samara State University of Economics, 141 Soviet Army St., Samara 443090, Russia

Olesya V. Tomazova, ovtom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5775-9833>

Elena V. Volkodavova, vev.sseu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3335-2016>

Abstract. Introduction. The main part of the enterprises equipment of the Russian oil and gas complex operates in different natural and geographical conditions, which requires a special approach to the organization and management of its restoration and renovation. **Theoretical analysis.** This article examines the definitions of such concepts as “restoration”, “renovation”, as well as the issues of a reactive and proactive approach to managing the processes of restoration and renovation of equipment. **Empirical analysis.** Based on field studies at oil and gas enterprises, the emphasis is placed on the validity of adopting a proactive approach to the management of equipment recovery and renovation; developed an indicator (index) of proactive management decision-making in the restoration and renovation of equipment. **Results.** This indicator can be used by the management of oil and gas enterprises to assess the rationality of organizing and managing the processes of equipment restoration and renovation, including the choice of self-service or outsourcing services.

Keywords: restoration and renovation of equipment, reactive approach, proactive approach, oil and gas enterprises

For citation: Tomazova O. V., Volkodavova E. V. Proactiveness as a factor of making an effective management decision in the restoration and renovation of equipment. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 288–294. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-288-284>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Основные производственные фонды, большую часть которых составляет оборудование, являются ключевым элементом осуществления технологического процесса любого предприятия. От того, как осуществляется процесс их производства, восстановления и замены, зависят непрерывность и эффективность производственного процесса.

В деятельности предприятий нефтегазового комплекса (НГК), которые являются объектом исследования данной статьи, особенно сложно переоценить роль процесса восстановления и реновации оборудования. Ведь от того, как будет работать оборудование предприятий НГК, зависит обеспечение экономики страны нефтью и газом. Большая часть оборудования предприятий нефтегазового комплекса функционирует в различных геоэкономических условиях. Кроме этого, сложности с обслуживанием оборудования связаны: с территориальной рассредоточенностью подразделений, влиянием природно-климатических факторов на производственный процесс, сезонной доступностью объектов эксплуатации. Кроме этого, следует учитывать современную тенденцию перехода на аутсорсинг при обслуживании и ремонте оборудования. В настоящее время многие предприятия нефтегазового комплекса не имеют в своей структуре управления службу по ремонту и профилактике оборудования. Такое управленческое решение было нацелено на снижение себестоимости конечного продукта. Переход на аутсорсинг при проведении работ по обслуживанию и ремонту оборудования начался на предприятиях нефтегазового комплекса с 2000-х гг. и продолжается до сих пор. Целесообразность выведения из структуры предприятий непрофильных активов подтверждается временем, и на сегодняшний день тема остается актуальной.

Отсутствие в структуре исследуемых предприятий службы, осуществляющей процессы восстановления оборудования, заставило выяснить, как сегодня построен процесс поддержания средств труда в работоспособном состоянии.

На предприятиях нефтегазового комплекса используется система планово-предупредительного ремонта, которая позволяет планировать осмотры и ремонты средств труда, денежные средства на их восстановление. Сложившаяся к настоящему времени практика управления процессом восстановления оборудования в основном реализует реактивный подход к управлению техническим обслуживанием, ремонтами и модернизацией. Реактивный подход имеет

целью устранение уже существующих в оборудовании поломок, выявленных в результате эксплуатации. Практическая реализация данного подхода основана на плане-графике для каждого вида оборудования, согласно регламенту которого, оно отправляется на запланированные манипуляции.

В противовес реактивному подходу, авторы статьи предлагают проактивный подход к управлению, который направлен на предвидение в выявлении и устранении слабых мест при принятии управленческого решения по восстановлению средств труда. Ключевой целью статьи является исследование проактивности, которой в литературе не уделено достаточного внимания как ресурсу и механизму процессов восстановления и реновации оборудования.

При написании статьи были использованы методы комплексного и системного анализа, которые позволили: проанализировать теоретические аспекты подходов к формированию систем восстановления и реновации оборудования, к принятию управленческого решения в области организации этих процессов; провести полевые исследования, чтобы сформулировать существенные характеристики и метод расчета разработанного показателя (индекса) проактивности принятия управленческого решения при восстановлении и реновации оборудования.

Объектом исследования являются предприятия нефтегазового комплекса Российской Федерации.

Теоретический анализ

По сути, процесс восстановления оборудования трактуется исследователями и практиками по-разному. Например, И. Александрова, коммерческий директор инженерной компании «555», считает осуществление процесса восстановления оборудования общемировой практикой [1]. В ГОСТе Р 52527-2006 восстановление (reconditioning) трактуется как обновление и/или ремонт частей для достижения исходного проектного состояния [2]. Д. М. Андреев считает, что «восстановление объекта основных средств может осуществляться посредством ремонта, модернизации и реконструкции» [3, с. 3]. Р. З. Акбердин считает, что «восстановление включает работы по техническому обслуживанию и диагностике оборудования» [4, с. 25]. Как видим, в большинстве приведенных трактовок говорится, что восстановление оборудования связано прежде всего с его ремонтом.

Если рассматривать дефиниции ученых о показателе «реновация», то большинство трактовок связаны с понятием «замена». Такого мнения

придерживаются ученые в трудах [5–7]. Кроме этого, авторы данной статьи уделяют внимание тому, что в процессе замены должны происходить экономия материальных и энергетических ресурсов и утилизация оборудования [8–10].

Таким образом, разрабатывая показатель проактивности принятия управленческого решения при восстановлении и реновации оборудования, мы имеем в виду прежде всего принятие обоснованного управленческого решения о его ремонте и замене.

Но каждое управленческое решение может быть принято в рамках реактивного или проактивного подходов. И здесь мнения ученых и практиков неоднозначны.

По мнению Д. Г. Нотина [11], И. Адизеса [12], под реактивным подходом к управлению понимается выявление и применение актуальных знаний, которые обеспечивают оперативное решение текущих проблем организации.

А. В. Скатков с соавт. в своем научном труде целью реактивного подхода считают нейтрализацию негативных последствий свершившихся событий [13].

По мнению Т. Н. Иголкиной с соавт., реактивный подход используется не столько для выхода предприятий из кризиса, сколько для обеспечения его дальнейшего устойчивого функционирования [14].

Что же касается практики восстановления оборудования, то реактивное техническое обслуживание сводится к ремонту оборудования по фактическому выходу из строя с целью дальнейшего обеспечения его нормальной работы [15].

Если рассматривать укрупненно, то в отечественной и мировой практике существует два основных блока стратегий восстановления оборудования:

1) предупредительное (профилактическое) техническое обслуживание (плановое или по состоянию);

2) реактивная система управления поддержанием работоспособности средств труда – это техническое обслуживание (по факту отказа) [16].

Реактивный подход, когда машины и оборудование отработали по факту отказа, связан с существенными затратами. Проактивное управление основано на поиске и устранении причины отказа [17].

В [18] реактивный подход трактуется как корректирующее техническое обслуживание или замена при поломке.

Авторы солидарны с мнением А. Крюкова [19], согласно которому реактивный подход на-

правлен на фактически произошедшие аварийные ситуации, в то время как проактивный подход к управлению заключается в их предвидении на основе анализа деятельности за предшествующий период.

В. Е. Гвоздев с соавт. под проактивным управлением понимают систему методов, установок и структур с обратной связью, обеспечивающих моделирование предстоящих производственных ситуаций [20].

Проактивный подход, по мнению Д. Г. Нотина, «предполагает выявление как настоящих, так и будущих проблем, связанных с управлением знаниями в деятельности организации, формирование знания как предвидения будущего состояния развития организации» [11, с. 35].

Д. В. Ньюстром, К. Дэвис считают, что «проактивность – это предвидение событий, инициирование перемен, стремление “держать в своих руках” судьбу» [21, с. 34].

Авторы данной статьи, проводя исследования процессов восстановления и реновации оборудования на российских предприятиях НГК, считают, что эффективным и научно обоснованным является только проактивный подход, который в условиях неопределенной экономической среды позволяет принять экономически целесообразное управленческое решение.

Эмпирический анализ

Проведенные на российских предприятиях нефтегазового комплекса исследования позволили сформулировать сущностные характеристики предлагаемой проактивной системы управления. Авторы в данном исследовании под проактивной системой управления восстановлением и реновацией оборудования предприятий НГК понимают свод правил и принципов построения системы, обеспечивающей принятие управленческих решений, направленных на формулирование обоснованной реальной цели восстановления или реновации оборудования для поиска, разведки, добычи, транспортировки, переработки углеводородов, формулирования рисков его возможной прерывной работы и устаревания и разработки предупреждающих действий, обеспечивающих заблаговременную коррекцию процессов его восстановления или реновации. Сущность функциональной деятельности менеджмента, представленная в данной трактовке, позволила авторам сформулировать методологический подход к проактивному управлению восстановлением и реновацией оборудования предприятий нефтегазового комплекса.

Когда мы рассуждаем о проактивности принятия управленческого решения относительно восстановления или реновации оборудования, то прежде всего должны подумать, на что оно будет стратегически направлено. Конечно же на конечные эффективные результаты деятельности организации. Но восстановление оборудования в любой организации осуществляется вспомогательными либо обслуживающими подразделениями, и в то же время бесперебойная работа оборудования обеспечивает непрерывность и эффективность функционирования подразделений основного производства. Следовательно, показатель проактивности должен характеризовать рациональность принятия управленческого решения с позиции конечного результата деятельности предприятий нефтегазового комплекса в рамках использования (экономии) ключевых ресурсов, которыми в данный момент располагает организация, – времени, материалов, труда. Именно этот посыл заложен авторами данной статьи при разработке показателя проактивности принятия управленческого решения при управлении процессами восстановления и реновации оборудования, который предлагается ввести в научный оборот.

В результате исследования сущности проактивного управления процессом восстановления и реновации оборудования на предприятиях нефтегазового комплекса с целью оценки степени ее реализации разработан показатель проактивности принятия управленческого решения при реализации системы управления реновацией и восстановлением оборудования, представленный в формуле:

$$P = \left(1 - \frac{\sum_n Z_i}{\sum_n Z_{\phi i-1}} \times \frac{\sum_n T_i}{\sum_n T_{\phi i-1}} \times \frac{\sum_n P_i}{\sum_n P_{\phi i-1}} \right) \times 100\%,$$

где P – показатель проактивности, отражающий изменение (экономии) расхода ресурсов при принятии предупреждающего управленческого решения, при управлении восстановлением и реновацией оборудования, %; $\sum Z_i$, тыс. руб.; $\sum T_i$, дни; $\sum P_i$, тыс. руб. – определенные в i -ом году проактивной системой управления затраты соответственно материальные и технологические; время на восстановление и реновацию оборудования при существующих нормах и нормативах его обслуживания; зарплата персонала; $\sum Z_{\phi i-1}$, тыс. руб.; $\sum T_{\phi i-1}$, дни; $\sum P_{\phi i-1}$, тыс. руб. – фактические материальные и технологические

затраты, время на восстановление и реновацию оборудования при существующих нормах и нормативах его обслуживания, заработная плата персонала в $i-1$ -ом (предыдущем) году.

В основу показателя проактивности заложены три критериальных показателя по ключевым ресурсам, необходимым для восстановления и реновации оборудования, – деньги, время и люди, минимизация которых при принятии управленческого решения на основе принципов проактивности приведет к формированию оптимальных бизнес-процессов восстановления и реновации оборудования предприятий НГК.

В таблице представлены результаты расчетов индекса проактивности для предприятий нефтегазового комплекса РФ на примере принятия управленческого решения по восстановлению оборудования. Из динамики показателей, приведенных в таблице, видно, что в первые годы внедрения проактивного подхода к восстановлению оборудования показатели затрат на предприятиях 1 и 2 ниже, так как были задействованы в полной мере резервы и преимущества проактивного подхода, в последующие годы показатели повысились, но, тем не менее, стоимость ремонтных работ не превысила запланированной суммы. Это говорит о том, что применение показателя (индекса) проактивности при оценке управленческого решения по восстановлению оборудования в условиях неопределенной экономической среды позволяет и в дальнейшем реализовывать эффективные методы управления, используя открывающиеся перед предприятием возможности экономии средств и ресурсов.

Результаты

Исследования авторов, выполненные на предприятиях нефтегазового комплекса, убедительно доказали, что применение разработанного показателя проактивности возможно при принятии управленческого решения как о восстановлении оборудования, так и о реновации.

Этот подход также может применяться при оценке возможности организации процессов восстановления оборудования и при оценке передачи этих процессов на аутсорсинг сторонней организации.

Применение данного показателя менеджментом предприятий НГК позволит обеспечить непрерывность и качество выполнения основных бизнес-процессов за счет организации своевременного экономически обоснованного восстановления или замены оборудования согласно его технологической применимости.

Список литературы

1. *Александрова И.* Современные подходы к обслуживанию промышленного оборудования. URL: <https://chemtech.ru/sovremennye-podhody-k-obslyzhivaniyu-promyshlennogo-oborudovaniya/> (дата обращения: 11.04.2021).
2. ГОСТ Р 52527-2006 : Установки газотурбинные. Надежность, готовность, эксплуатационная технологичность и безопасность. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200043548> (дата обращения: 27.04.2021).
3. Классификация затрат. Справочник экономиста / сост. Д. М. Андреев. 2014. № 11. URL: https://www.profiz.ru/se/11_2004/943/ (дата обращения: 18.04.2021).
4. *Акбердин Р. З.* Экономическая эффективность восстановления оборудования и резервы ее повышения. М. : Машиностроение, 1980. 184 с.
5. *Яковлева А. А.* Инструменты обоснования управленческих решений по ремонту или замене оборудования на предприятиях электроэнергетики // Стратегия, конкурентоспособность, цифровая экономика, здоровьесбережение : сб. науч. тр. Уфа, 2017. С. 67–70. URL: https://e-library.ufa-rb.ru/dl/lib_net_r/Yakovleva_A_A_Instr_obosn_upr_resh_po_rem_oborud_2017.pdf/info (дата обращения: 11.04.2021).
6. *Усков А. А., Петрова И. Е., Денисова И. Н.* Задача определения экономически оптимального срока замены оборудования // Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях : сб. науч. тр. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 25 апреля 2018 г.). Красноярск : Научно-инновационный центр, 2018. С. 315–318. URL: <http://nkras.ru/books/arhiv/2018/prep.pdf> (дата обращения: 11.04.2021).
7. *Нигматуллин Р. Г., Атрощенко В. В., Сафуанов Р. М., Нигматуллин И. Р.* Перспективные технологии и экономика реновации. Уфа : Мир печати, 2015. 153 с.
8. *Атрощенко В. В., Нигматуллин Р. Г.* Экономические и экологические проблемы реновационных процессов : учеб. пособие. М. : Изд-во МАИ, 2007. 292 с.
9. *Бавыкин Г. В.* Реновация морской техники. М. : Энциклопедия транспорта, 2000. 150 с.
10. *Муравьев А. Н., Фасолько О. Ю., Пляка Р. В.* Основы технологии ремонта и реновации судового энергетического оборудования : учеб. пособие. СПб. : СПбГМТУ, 2003. 130 с.
11. *Нотин Д. Г.* Реактивные и проактивные организационные знания : сущность и особенности формирования // Фундаментальные исследования. 2015. № 9, ч. 1. С. 165–168.
12. *Адизес И.* Управление жизненным циклом корпорации : пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 512 с.
13. *Скатков А. В., Воронин Д. Ю., Шевченко В. И., Ключарев А. А.* Проактивный и реактивный риск-менеджмент ИТ-сервисов облачных сред // Информационно-управляющие системы. 2017. № 3 (88). С. 25–33.
14. *Иголкина Т. Н., Драго А. Ю., Марьина Д. В., Карпачева Д. Ю.* Сущность антикризисного управления как системы предупреждения и преодоления нестойкости организации // Экономический рост : проблемы, закономерности, перспективы : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 117–120.
15. Что такое превентивное обслуживание? // Smart EAM, 05.09.2018. URL: <https://smart-eam.com/news/en-what-is-preventive-maintenance/> (дата обращения: 30.03.2021).
16. *Александрова И.* Современные подходы к обслуживанию промышленного оборудования. URL: <https://chemtech.ru/sovremennye-podhody-k-obslyzhivaniyu-promyshlennogo-oborudovaniya/> (дата обращения: 11.03.2021).
17. *Викунин А.* Переход к ТОИР, ориентированному на надежность // Управление производством. 2011. URL: http://www.up-pro.ru/library/repair/toir_efficiency/perehod-k-toir.html (дата обращения: 15.03.2021).
18. Практическое руководство для оценки возможностей усовершенствования технического обслуживания. URL: https://download.schneider-electric.com/files?p_enDocType=Brochure&p_File_Name=Практическое+руководство+для+оценки+возможностей+усовершенствования+технического+обслуживания.pdf&p_Doc_Ref=998-19927749_GMA_RUS (дата обращения: 25.03.2021).
19. *Крюков А.* ЦОД под проактивным управлением // ИКС Медиа. 2017. URL: <https://www.iksmedia.ru/articles/5413102-CzOD-pod-proaktivnym-upravleniem.html> (дата обращения: 28.03.2021).
20. *Гвоздев В. Е., Черняховская Л. Р., Блинова Д. В.* Проактивный и реактивный подходы к управлению дефектами аппаратно-программных комплексов // XIII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2019 (Москва, 17–20 июня 2019 г.) : сб. тр. М. : Ин-т проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, 2019. С. 2527–2532. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41727082_58075845.pdf (дата обращения: 28.03.2021).
21. *Ньюстром Д. В., Дэвис К.* Организационное поведение : пер. с англ. СПб. : Питер, 2000. 448 с.

References

1. Aleksandrova I. *Sovremennye podkhody k obslyzhivaniyu promyshlennogo oborudovaniya* (Modern approaches to the maintenance of industrial equipment). Available at: <https://chemtech.ru/sovremennye-podhody-k-obslyzhivaniyu-promyshlennogo-oborudovaniya/> (accessed 11 April 2021) (in Russian).
2. *GOST R 52527-2006: Gas turbine installations. Reliability, availability, maintainability and safety.* Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1200043548> (accessed 11 April 2021) (in Russian).
3. Andreyev D. M., comp. *Klassifikatsiya zatrat. Spravochnik ekonomista* [Cost classification. Economist's hand-

- book]. 2014, no.11. Available at: https://www.profiz.ru/se/11_2004/943/ (accessed 18 April 2021) (in Russian).
4. Akberdin R. Z. *Ekonomicheskaya effektivnost' vosstanovleniya oborudovaniya i rezervy ee povysheniya* [The Economic Efficiency of Equipment Recovery and the Reserves to Increase it]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1980. 184 p. (in Russian).
  5. Yakovleva A. A. Tools to justify management decisions to repair or replace equipment at power plants. In: *Strategia, konkurentosposobnost', tsifrovaia ekonomika, zdorov'esberezhenie* [Strategy, competitiveness, digital economy, health preservation: Collection of scientific articles]. Ufa, 2017, pp. 67–70. Available at: https://elibrary.ufa-rb.ru/dl/lib_net_r/Yakovleva_A_A_Instr_obosn_upr_resh_po_rem_oborud_2017.pdf/info (accessed 11 April 2021) (in Russian).
  6. Uskov A. A., Petrova I. E., Denisova I. N. The task of determining the cost-effective time of replacement equipment. *Aktual'nye problem ekonomicheskoi deiatel'nosti i obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh* [Actual problems of economic activity and education in modern conditions: Collection of scientific works of XIII Int. sci.-pract. conf. (Orenburg, April 25, 2018)]. Krasnoyarsk, Nauchno-innovatsionnyi tsentr, 2018, pp. 315–318. Available at: <http://nkras.ru/books/arhiv/2018/prep.pdf> (accessed 11 April 2021) (in Russian).
  7. Nigmatullin R. G., Atroshchenko V. V., Safuanov R. M., Nigmatullin I. R. *Perspektivnye tekhnologii i ekonomika renovatsii* [Promising Technologies and the Economy of Renovation]. Ufa, Mir pechati Publ., 2015. 153 p. (in Russian).
  8. Atroshchenko V. V., Nigmatullin R. G. *Ekonomicheskie i ekologicheskie problemy renovatsionnykh protsessov* [Economic and Environmental Problems of Renovation Processes]. Moscow, MAI Publ., 2007. 292 p. (in Russian).
  9. Bavykin G. V. *Renovatsiya morskoy tekhniki* [Renovation of Marine Equipment]. Moscow, Entsiklopediya transporta, 2000. 150 p. (in Russian).
  10. Murav'yev A. N., Fasol'ko O. Yu., Plyaka R. V. *Osnovy tekhnologii remonta i renovatsii sudovogo energeticheskogo oborudovaniya* [Fundamentals of the Technology of Repair and Renovation of Ship Power Equipment]. St. Petersburg, Sankt-Petersburgskiy gosudarstvennyi morskoy tekhnicheskii universitet Publ., 2003. 129 p. (in Russian).
  11. Notin D. G. Reactive and proactive organizational knowledge: the essence and features of formation. *Fundamental Research*, 2015, no. 9, pt. 1, pp. 165–168 (in Russian).
  12. Adizes I. *Upravleniye zhiznennym tsiklom korporatsii* [Corporate Lifecycle Management]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2014. 512 p. (in Russian).
  13. Skatkov A. V., Voronin D. Yu., Shevchenko V. I., Klyucharev A. A. Proactive and reactive risk management of IT services of cloud environments. *Informatsionno-upravlyayushchie sistemy* [Information Management Systems], 2017, no. 3 (88), pp. 25–33 (in Russian).
  14. Igolkina T. N., Drago A. Yu., Mar'ina D. V., Karpacheva D. Yu. The essence of crisis management as a system of prevention and overcoming the insolvency of the organization. *Ekonomicheskii rost: problemy, zakonmernosti, perspektivy* [Economic growth: Problems, patterns, prospects. Collected of articles of IV Int. sci. and pract. conf.]. Penza, Nauka i Prosvetshenie Publ., 2020, pp. 117–120 (in Russian).
  15. What is preventive care? *Smart EAM*, 05.09.2018. Available at: <https://smart-eam.com/news/en-what-is-preventive-maintenance/> (accessed 30 March 2021) (in Russian).
  16. Aleksandrova I. *Sovremennye podkhody k obsluzhivaniyu promyshlennogo oborudovaniya* (Modern approaches to the maintenance of industrial equipment). Available at: <https://chemtech.ru/sovremennye-podhody-k-obslyuzhivaniyu-promyshlennogo-oborudovaniya/> (accessed 11 March 2021) (in Russian).
  17. Vikulin A. Transition to AER focused on reliability. *Upravlenie proizvodstvom. 2011* [Production Management. 2011]. Available at: http://www.up-pro.ru/library/repair/toir_efficiency/perehod-k-toir.html (accessed 15 March 2021) (in Russian).
  18. *Prakticheskoe rukovodstvo dlya otsenki vozmozhnostey usovershenstvovaniya tekhnicheskogo obsluzhivaniya* (A hands-on guide to assessing how to improve maintenance). Available at: https://download.schneider-electric.com/files?p_enDocType=Brochure&p_File_Name=Практическое+руководство+для+оценки+возможностей+усовершенствования+технического+обслуживания.pdf&p_Doc_Ref=998-19927749_GMA_RUS (accessed 25 March 2021) (in Russian).
  19. Kryukov A. Data center under proactive control. *IKS Media*, 2017. Available at: <https://www.iksmedia.ru/articles/5413102-CzOD-pod-proaktivnym-upravleniem.html> (accessed 28 March 2021) (in Russian).
  20. Gvozdev V. Ye., Chernyakhovskaya L. R., Blinova D. V. Proactive and reactive approaches to managing hardware and software complex defects. *XIII Vserossiyskoye soveshchanie po problemam upravleniya VSPU-2019* [XIII All-Russian Meeting on Management Problems of VSPU-2019 (Moscow, June 17–20, 2019): Collected papers. Moscow, Institute of Management Problems. V. A. Trapeznikov RAS, 2019, pp. 2527–2532. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41727082_58075845.pdf (accessed 28 March 2021) (in Russian).
  21. Newstrom D. W., Davis K. *Organizatsionnoe povedenie* [Organizational Behavior]. St. Petersburg, Piter Publ., 2000. 448 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 20.04.2021, после рецензирования 01.05.2021, принята к публикации 03.05.2021
Received 20.04.2021, revised 01.05.2021, accepted 03.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 295–303

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 295–303

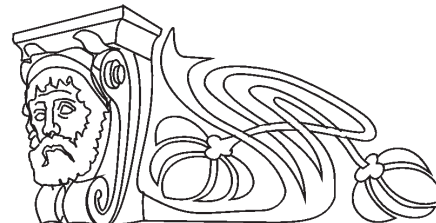
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-295-303>

Научная статья

УДК 338.45

Анализ чувствительности как инструмент принятия решений о реализации инвестиционного проекта горнодобывающей отрасли

Е. А. Позднякова¹, Л. А. Раменская² ✉, Д. С. Воронов¹

¹Технический университет УГМК, Россия, Свердловская область, 624091, г. Верхняя Пышма, Успенский просп., д. 3

²Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

Позднякова Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики, pozdneyakova_elen@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3028-349X>

Раменская Людмила Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и корпоративно-го управления, ramen_lu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3884-4500>

Воронов Дмитрий Сергеевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной экономики, d.voronov@tu-ugmk.com, <https://orcid.org/0000-0002-9540-5558>

Аннотация. Введение. По ряду внутренних и внешних причин на современном этапе развития российские компании горнодобывающей отрасли вынуждены реализовывать масштабные инвестиционные проекты, направленные как на освоение новых месторождений, так и на техническое оснащение и модернизацию существующих. Для принятия обоснованных управленческих решений необходим инструментальный анализ рисков инвестиционных проектов. **Теоретический анализ.** Обоснована необходимость применения количественных методов оценки инвестиционных рисков, базирующихся на моделировании денежных потоков. Проведен анализ возможности применения методов анализа чувствительности, реальных опционов и метода Монте-Карло для количественной оценки рисков инвестиционных проектов горнодобывающей отрасли. Обоснована целесообразность применения метода анализа чувствительности на ранних этапах инвестиционного проекта. **Эмпирический анализ.** На примере двух проектов горнодобывающей отрасли был проведен анализ чувствительности по таким показателям, как объемы производства, цены на товарную продукцию, капитальные и эксплуатационные затраты. Выявлено, что рассматриваемые проекты наиболее чувствительны к изменениям цены на товарную продукцию. **Результаты.** Анализ чувствительности – полезный инструмент анализа рисков инвестиционных проектов. Применение данного метода к инвестиционным проектам горнодобывающей отрасли должно проводиться с учетом отраслевой специфики.

Ключевые слова: горнодобывающая промышленность, инвестиционные проекты, анализ чувствительности

Для цитирования: Позднякова Е. А., Раменская Л. А., Воронов Д. С. Анализ чувствительности как инструмент принятия решений о реализации инвестиционного проекта горнодобывающей отрасли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 295–303. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-295-303>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sensitivity analysis as a decision-making tool for the implementation of an investment project in mining industry

Е. А. Pozdneyakova¹, L. A. Ramenskaya² ✉, D. S. Voronov¹

¹UMMC Technical University, 3 Uspenskiy Ave., Verkhnyaya Pyshma 624091, Sverdlovsk region, Russia

²Ural State University of Economics, 62 8 Marta St., Ekaterinburg 620144, Russia

Elena A. Pozdneyakova, pozdneyakova_elen@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3028-349X>

Liudmila A. Ramenskaya, ramen_lu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3884-4500>

Dmitrii S. Voronov, d.voronov@tu-ugmk.com, <https://orcid.org/0000-0002-9540-5558>

Abstract. Introduction. Russian mining companies need to implement large-scale investment projects due to a variety of internal and external reasons. Projects are aimed at the development of new deposits, technical equipment and the modernization of existing ones. To make substantiated management decisions, a toolkit for analyzing the risks of investment projects is required. **Theoretical analysis.** The section contains the need to apply quantitative methods for assessing investment risks based on cash flow modeling. We have analyzed the

possibility of the use of sensitivity analysis techniques, real options and Monte Carlo methods for the quantitative assessment of the mining industry investment projects risks. The result includes a justification of the feasibility of applying the sensitivity analysis method at the early stages of an investment project. **Empirical analysis.** The sensitivity analysis tested metrics such as production volumes, commodity prices, capital and operating costs on two mining projects. It was found out that the projects under consideration are the most sensitive to changes in the price of commercial products. **Results.** Sensitivity analysis is a useful tool for risk analysis of investment projects. The application of this method to an investment project in the mining industry should be carried out taking into account the industry specifics.

Keywords: mining industry, investment projects, sensitivity analysis

For citation: Pozdnyakova E. A., Ramenskaya L. A., Voronov D. S. Sensitivity analysis as a decision-making tool for the implementation of an investment project in mining industry. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 295–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-295-303>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Предприятия горнодобывающей промышленности успешнее других отраслей преодолевают кризис, вызванный пандемией COVID-19. Для стран, обладающих значительными запасами природных ресурсов, горнодобывающая отрасль в ближайшее время станет основой восстановления экономики [1].

Россия входит в число мировых лидеров по наличию запасов и объемам добычи полезных ископаемых, а горнодобывающая промышленность обеспечивает более 10% ВВП. Это говорит о значительном влиянии развития отрасли на улучшение ситуации в отечественной экономике.

При этом отечественные горнодобывающие предприятия характеризуются высоким износом основных фондов. Так, по данным Росстата, доля полностью изношенных основных фондов по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» в 2019 г. составляла 25,2%, что существенно превышает среднее значение (19,5%) и является одним из самых высоких показателей по всем видам экономической деятельности [2].

Со второй половины 2000-х гг. отечественные компании горнодобывающей отрасли переходят от экстенсивной модели роста, состоящей в вовлечении в процесс производств все новых природных ресурсов, к модели снижения затрат посредством масштабного технического перевооружения производства [3, 4].

Компании отрасли также вынуждены трансформироваться под увеличивающимся давлением со стороны потребителей, инвесторов и общества, а также ростом волатильности цен, связанным с протекционистской политикой Китая и США – крупнейших мировых потребителей продукции горнодобывающих компаний. Эксперты называют три ключевых направления трансформационных преобразований: цифровизация, сокращение выбросов и совершенствование аналитических инструментов [5].

Таким образом, компаниям горнодобывающей отрасли требуется реализовывать масштабные инвестиционные проекты, направленные как на освоение новых месторождений, так и на тех-

ническое оснащение и модернизацию. Принятие инвестиционных решений осложняется ростом неопределенности внешней среды и сокращением возможностей привлечения капитала. В этих условиях особенно востребован инструментарий, позволяющий повысить качество принимаемых решений относительно реализации инвестиционных проектов и учитывающий отраслевой специфику.

Теоретический анализ

Особенности развития горнодобывающего предприятия как объекта инвестирования включают: зависимость срока службы от запасов полезных ископаемых, географическую привязанность к месторождению, уникальность залегания запасов каждого месторождения, контроль надзорных госорганов (обязательное лицензирование, контроль рационального недропользования), значительную капиталоемкость и длительный период возврата инвестиций [6]. Все это свидетельствует о высокой неопределенности инвестиционных проектов горнодобывающей отрасли и многочисленных рисках, которые должны быть учтены при принятии решения об их реализации.

Вопросы описания факторов неопределенности и типологии рисков инвестиционных проектов горнодобывающей отрасли нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых [7–9]. При этом большая часть работ имеет концептуальный характер и позволяет осуществлять идентификацию и качественный анализ рисков отраслевых проектов.

Для принятия обоснованных инвестиционных решений только качественной оценки недостаточно, требуется сопоставить показатели экономической эффективности инвестиционного проекта, такие как чистый дисконтированный доход (ЧДД) и внутренняя норма доходности (ВНД), с неким интегральным показателем оценки риска проекта. Данный процесс, в соответствии с международными стандартами управления рисками, представляет собой количественную оценку рисков инвестиционного проекта [10].

Традиционной практикой учета рисков в инвестиционных проектах является учет их в стоимости капитала. Вместе с тем в проектах горнодобывающей отрасли важной оказывается гибкость принимаемых управленческих решений, с которой нецелесообразно справляться посредством корректировки ставки дисконтирования [11]. В этом случае требуется учесть риски при корректировке денежных потоков инвестиционных проектов.

Перечень методов количественной оценки рисков, основанных на моделировании денежных потоков, известен и, как правило, включает оценку чувствительности, анализ по методу реальных опционов, в рамках которого показатели инвестиционных проектов моделируются методом Монте-Карло [7]. При этом метод Монте-Карло, позволяющий получить распределение результирующего показателя финансовой эффективности инвестиций на основе вероятностных распределений исходных показателей, может применяться и как самостоятельный метод, и как средство моделирования неопределенности в рамках других методов.

Выбор конкретного метода для оценки рисков инвестиционного проекта зависит от характеристик проекта, в том числе от стадии его жизненного цикла, стабильности и предсказуемости его внешней среды, квалификации оценщиков.

Анализ чувствительности инвестиционных проектов – наиболее популярный, наглядный метод с простым алгоритмом. Его использование отражено в «Методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов» [12]. К недостаткам метода можно отнести то, что он нацелен на анализ влияния ограниченного перечня рисков и не позволяет учесть синергетический эффект от одновременного возникновения нескольких угроз.

Исследование S. A. Abdel Sabour и G. Wood показало, что для оценки финансовых рисков, таких как волатильность цен на металлы и валютные курсы, метод реальных опционов имеет преимущество перед анализом чувствительности и методом Монте-Карло, поскольку позволяет учесть реакцию менеджмента на изменение рынка [13].

Вместе с тем практическое применение метода реальных опционов ограничено высокой сложностью математических расчетов, применяемых в его рамках [14, с. 46].

Методическим ограничением применения метода реальных опционов для оценки инвестиционных проектов горнодобывающей отрасли является присущее им большое количество факторов неопределенности (как минимум неопре-

деленность запасов и неопределенность рынка). В этом случае проекты должны рассматриваться как радужные опционы (rainbow option), а «применение к ним простых моделей оценки может привести к предвзятым оценкам стоимости» [15, с. 143].

Метод Монте-Карло показывает хорошие результаты при моделировании технических рисков горнодобывающих предприятий [16, 17]. Вместе с тем его применение основано на предположении, что исходные и результирующие показатели подчиняются законам наиболее распространенных вероятностных распределений – бета и нормальному. Это предположение может быть безосновательным для ряда финансовых и рыночных показателей [18].

Таким образом, применение метода чувствительности для оценки показателей инвестиционного проекта оправданно на ранних стадиях его жизненного цикла для первоначальной оценки рисков. В дальнейшем результаты, полученные методом анализа чувствительности, могут быть уточнены посредством других методов, в частности анализа уровня конкурентоспособности предприятия, осуществляющего проект [19].

При этом эмпирическая оценка показателей чувствительности применительно к горнодобывающим проектам позволит выявить наиболее существенные показатели и в дальнейшем сократить время и повысить эффективность принимаемых управленческих решений.

Эмпирический анализ

Для оценки показателей чувствительности были выбраны следующие проекты: проект отработки гидрослюдисто-каолинитовых огнеупорных, формовочных и керамических глин Западно-Упрусского месторождения и проект освоения Западно-Озерного медноколчеданного месторождения. Оба представляют собой типичные проекты разработки рудных и нерудных месторождений, поэтому их опыт может быть использован для широкого спектра проектов.

Экономическая оценка проекта Западно-Упрусского месторождения показала, что при минимальных капитальных вложениях с учетом реновации существующего оборудования проект показывает невысокие показатели экономической эффективности, что говорит о низкой экономической устойчивости проекта: дисконтированный срок окупаемости – 13 лет, внутренняя норма доходности – 13,4 %, чистый дисконтированный доход – 5,58 млн руб. за двадцать лет эксплуатации.

Отработка Западно-Озерного месторождения характеризуется следующими показателями экономической эффективности: дисконтированный

срок окупаемости – 16 лет, внутренняя норма доходности – 12,0%, чистый дисконтированный доход – 962,5 млн руб. за период отработки месторождения девятнадцать лет.

В рамках анализа чувствительности оценивается влияние показателей, имеющих первостепенное значение на результаты экономической оценки инвестиционного проекта:

- объемы производства;
- цены на товарную продукцию;
- капитальные затраты;
- эксплуатационные затраты;
- другие показатели, важные для конкретного проекта.

Масштабы производства являются определяющим фактором для эффективности проекта. При этом в большинстве отраслей объем производства обусловлен спросом на товарный продукт, емкостью рынка.

Отличие проектов горнодобывающей отрасли заключается в том, что объемы добычи, как правило, обусловлены горнотехническими условиями, и их изменение рождает нелинейные многопараметрические зависимости. Так, рост объемов добычи может быть сопряжен с работой в нескольких подэтажах, что потребует дополнительных капитальных затрат на проходку выработок, закупку оборудования, вызовет непропорциональный рост эксплуатационных затрат.

Данные зависимости невозможно просчитать в рамках линейного изменения параметра «объем добычи», что требует детальной проработки каждого варианта производительности на основе горнотехнических условий.

Соответственно, в большинстве случаев параметр «объем производства» не может быть выбран для проведения анализа чувствительности с целью принятия решений о реализации проектов горнодобывающей отрасли.

При этом для отдельных типов нерудных месторождений при добыче открытым способом применение этого параметра возможно и целесообразно.

Анализ чувствительности к изменению объемов товарной продукции, проведенный для проекта отработки Западно-Упругского месторождения, с шагом 5% от исходного показал возможность улучшения исходно неблагоприятных финансовых показателей данного проекта за счет увеличения объемов добычи (табл. 1, рис. 1). При максимальном увеличении объема товарной продукции до 20%, что вполне достижимо по горнотехническим условиям и возможно без дополнительных капиталовложений, проект имеет следующие показатели эффективности:

- ЧДД при ставке дисконтирования 12,0% равен 87 015,6 тыс. руб.;
- ВНД составляет 33,2%.

Таблица 1 / Table 1

Зависимость основных показателей эффективности отработки Западно-Упругского месторождения от увеличения объема товарной продукции
Dependence of the main Zapadno-Uprunskoe deposit development efficiency indicators on the increase in marketable production

Показатели / Indicators	0%	5%	10%	15%	20%
Объем производства по сортам нерудной товарной продукции, тыс. т					
НУ 1	59,6	62,6	65,5	68,5	71,5
НУ 2	350,5	368,1	385,6	403,1	420,7
НУПК	732,7	769,3	806,0	842,6	879,3
НУК	1817,0	1907,9	1998,7	2089,6	2180,4
НУФ	740,1	777,1	814,1	851,2	888,2
ЧДД, тыс. руб.	5580,8	25 939,5	46 298,2	66 656,9	87 015,6
ВНД, %	13,4	18,3	23,1	28,1	33,2

Наиболее важным параметром, оказывающим максимальное влияние на экономическую эффективность и применимым для анализа любых проектов горнодобывающей отрасли, является цена на товарную продукцию. При этом необходимо понимать, что руда, добываемая на руднике, сама по себе не является товарной продукцией (исключение составляют нерудные полезные ископаемые), лишь пройдя технологическую цепочку обогащения и металлургический передел, полу-

чается товарный продукт, реализуемый на рынке.

Особенность данного параметра заключается в том, что у собственника проекта, как правило, отсутствует возможность влияния на цену товарного продукта (за исключением влияния на сортность и качество). Появляется только возможность увидеть, как будет выглядеть тот или иной проект при изменении конъюнктуры рынка и соответствующем изменении цены.

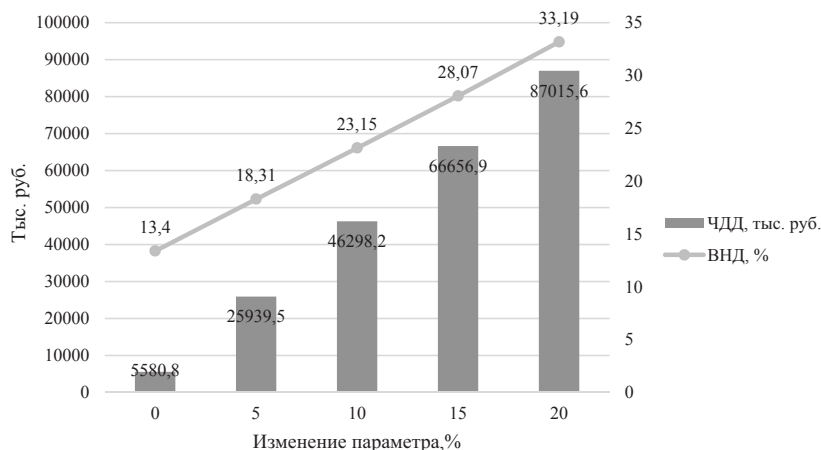

Рис. 1. График чувствительности основных показателей эффективности отработки Западно-Упрунского месторождения к увеличению объема товарной продукции
 Fig. 1. Graph of the main Zapadno-Uprunskoe deposit development efficiency indicators sensitivity to an increase in the marketable production volume

В рамках проекта отработки Западно-Упрунского месторождения был проведен расчет чувствительности проекта к увеличению цены на товарную

продукцию с шагом 5%. Эффективность проекта зависит полностью от цены товарной продукции, что подтверждается данными табл. 2 и рис. 2.

Таблица 2 / Table 2

Зависимость основных показателей эффективности отработки Западно-Упрунского месторождения от изменения цены на товарную продукцию
Dependence of the Zapadno-Uprunskoe deposit development efficiency indicators on changes in the commercial products price

Показатели / Indicators	-5%	0%	5%	10%	15%	20%
Цены по сортам нерудной товарной продукции, руб./т						
НУ 1	742,90	782,00	821,10	860,20	899,30	938,40
НУ 2	646,95	681,00	715,05	749,10	783,15	817,20
НУПК	363,85	383,00	402,15	421,30	440,45	459,60
НУК	304,95	321,00	337,05	353,10	369,15	385,20
НУФ	421,80	444,00	466,20	488,40	510,60	532,80
ЧДД, тыс. руб.	-18 925,5	5580,8	30 087,1	54 593,4	79 099,7	103 606,0
ВНД, %	6,9	13,4	19,2	24,9	30,7	36,7

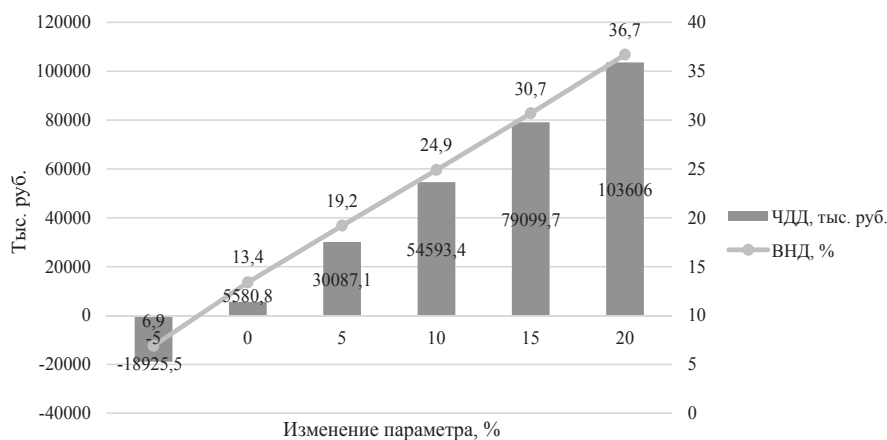

Рис. 2. График чувствительности основных показателей эффективности отработки Западно-Упрунского месторождения к изменению цены на товарную продукцию
 Fig. 2. Graph of the main Zapadno-Uprunskoe deposit development efficiency indicators sensitivity to the changes in the commercial products price

При увеличении цены до 20%, ЧДД равен 103 606 тыс. руб., а ВНД составляет 36,7%. Снижение цены даже на 5% приводит к отрицательному значению ЧДД и к снижению ВНД до 6,9%. Как видно из данных табл. 1 и 2, проект в большей степени зависит от цены на товарный продукт, чем от изменения объема.

При расчете эффективности обработки За-

падно-Озерного медноколчеданного месторождения анализ чувствительности показателей к цене на товарный продукт показал снижение ЧДД с шагом уменьшения цены на 5%. Эффективность проекта зависит полностью от цены товарной продукции, что подтверждается данными табл. 3 и рис. 3. При уменьшении цены до 15% ЧДД уже отрицателен.

Таблица 3 / Table 3

Зависимость основных показателей эффективности обработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения от уменьшения цены на товарную продукцию
Dependence of the main Zapadno-Ozernoe copper-pyrite deposit development efficiency indicators on the decrease in marketable production

Изменение цены / The change of price	0%	-5%	-10%	-15%
Чистый доход (ЧД), тыс. руб.	6672,5	5696,1	4719,7	3743,3
ЧДД, тыс. руб.	962,5	611,8	261,0	-89,8
ВНД, %	12,0	10,7	9,4	7,8

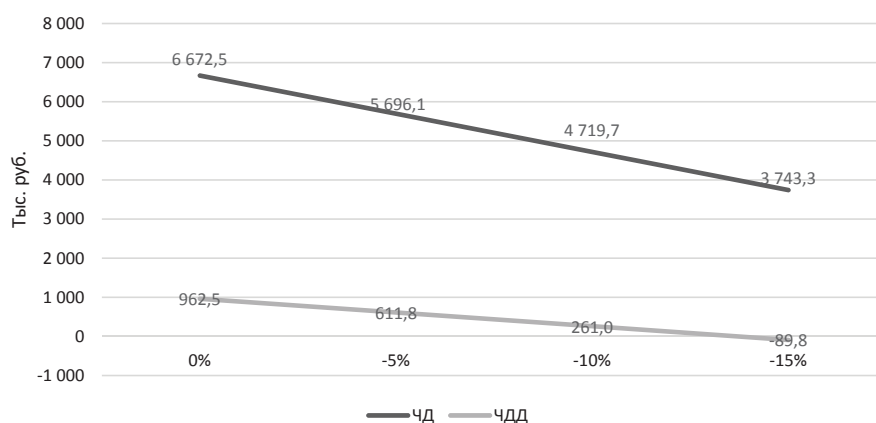

Рис. 3. График чувствительности основных показателей эффективности обработки Западно-Озерного месторождения к уменьшению цены на товарную продукцию
 Fig. 3. Graph of the main Zapadno-Ozernoe deposit development efficiency indicators sensitivity to a decrease in the marketable production volume

Капитальные затраты выступают параметром, в отношении которого часто проводится анализ чувствительности. В отличие от цены на товарный продукт, данный параметр является управляемым, при реализации проекта имеется возможность управления величиной капитальных вложений. В то же время, как показывает опыт подготовки проектов, влияние изменения капитальных за-

трат на показатели проекта менее ощутимо, чем влияние изменения цен на товарную продукцию.

Как показал анализ чувствительности показателей проекта к росту капитальных затрат на освоение Западно-Озерного медноколчеданного месторождения, эффективность проекта сохраняется при увеличении капиталовложений до 30% (табл. 4, рис. 4).

Таблица 4 / Table 4

Зависимость основных показателей эффективности обработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения от увеличения объема капитальных вложений
Dependence of the main Zapadno-Ozernoe copper-pyrite deposit development efficiency indicators on the increase in the capital investments volume

Изменение инвестиций / The change of investment	0%	5%	10%	15%	20%	25%	30%	35%
ЧД, тыс. руб.	6672,5	6449,7	6226,8	6004,0	5781,1	5558,3	5335,4	5112,6
ЧДД, тыс. руб.	962,5	810,0	657,5	505,0	352,5	199,9	47,4	-105,1
ВНД, %	12,0	11,3	10,7	10,1	9,5	8,9	8,4	7,9

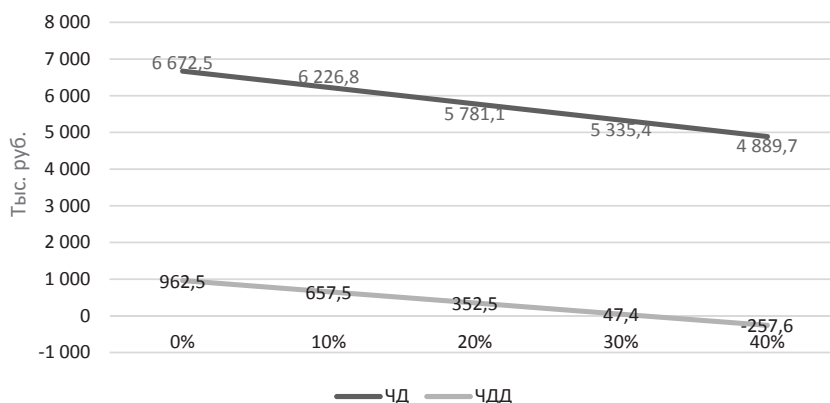

Рис. 4. График чувствительности основных показателей эффективности отработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения к увеличению объема капитальных вложений

Fig. 4. Graph of the main Zapadno-Ozernoe copper-pyrite deposit development efficiency indicators sensitivity to an increase in the capital investments volume

Еще одним распространенным параметром, выбираемым для анализа чувствительности, являются эксплуатационные затраты. Данный показатель напрямую зависит от технологических решений и объема производства, ввиду этого управление им показателем весьма ограничено. Однако анализ чувствительности позволяет определить потенциальный резерв эффективности при выявлении возможности снижения или риске роста эксплуатационных затрат. Изменение данного показателя

оказывает достаточно существенное влияние на эффективность проекта, в большей степени, чем влияние изменения капитальных вложений, но в меньшей, чем влияние цены на товарную продукцию.

В условиях отработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения анализ чувствительности показателей проекта к росту эксплуатационных затрат выявил, что эффективность проекта сохраняется при увеличении эксплуатационных затрат до 23% (табл. 5, рис. 5).

Таблица 5 / Table 5

Зависимость основных показателей эффективности отработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения от увеличения себестоимости получения товарных металлов
Dependence of the main Zapadno-Ozernoe copper-pyrite deposit development efficiency indicators on the obtaining commercial metals cost increase

Изменение себестоимости The change of cost price	0%	5%	10%	15%	20%	25%
ЧД, тыс. руб.	6672,5	6091,1	5509,7	4457,1	4346,9	3765,5
ЧДД, тыс. руб.	962,5	756,9	551,2	345,7	140,0	-65,6
ВНД, %	12,0	11,3	10,5	9,7	8,9	8,0

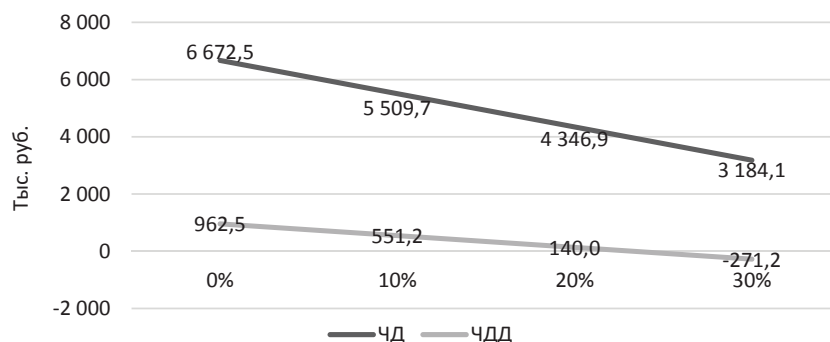

Рис. 5. График чувствительности основных показателей эффективности отработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения к увеличению себестоимости товарных металлов

Fig. 5. Graph of the main Zapadno-Ozernoe copper-pyrite deposit development efficiency indicators sensitivity to obtaining commercial metals cost increase

Результаты

На основе рассмотрения показателей чувствительности можно сделать вывод о том, что рассматриваемые проекты наиболее чувствительны к изменениям цен на товарную продукцию. На показатели эффективности проекта отработки Западно-Озерного медноколчеданного месторождения после цены товарной продукции большее влияние оказали эксплуатационные затраты и меньшее – капитальные.

При анализе рисков и потенциала реализации проекта анализ чувствительности является важнейшим инструментом при принятии решений. Каждый проект горнодобывающей отрасли в зависимости от горнотехнических условий и способа отработки месторождения имеет свои особенности, соответственно, помимо ключевых параметров, влияющих на показатели проекта, могут возникать параметры, требующие рассмотрения в рамках данного проекта (изменение извлечения, изменение курса валюты и т.п.). Анализ и оценка степени влияния всех значимых для проекта показателей будет способствовать принятию взвешенного решения о реализации и управлении проектом.

Список литературы

1. Горнодобывающая промышленность, 2020 год. С запасом сил и ресурсов. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mine-2020/mine-2020.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).
2. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 30.04.2021).
3. Каплан А. В., Баев И. А., Терешина М. А. Концепция устойчивого социально-экономического развития горнодобывающего предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Экономика и менеджмент. 2018. Т. 12, № 3. С. 76–82. <https://doi.org/10.14529/em180308>
4. Шелкунова Т. Г. Особенность реализации инновационных проектов в горнодобывающей промышленности России // Экономика в промышленности. 2015. № 4. С. 32–38. <https://doi.org/10.1707/2072-1663-2015-4-32-38>.
5. Deloitte Insights. Tracking the trends 2020. Leading from the front. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/tracking-the-trends-2020/DI_Tracking-the-trends-2020.pdf (дата обращения: 30.04.2021).
6. Каплан А. В., Лейдерман Л. П., Терешина М. А. Особенности организации инвестиционного процесса для горнодобывающего предприятия // Рациональное освоение недр. 2013. № 6. С. 10–16.
7. Заернюк В. М., Черникова Л. И. О роли рисков и

неопределенности при осуществлении инвестиций в горнодобывающую отрасль // Финансовая жизнь. 2017. № 3. С. 47–54.

8. Kazakidis V. Operating risk : Planning for flexible mining systems. Doctoral dissertation, University of British Columbia. URL: <https://open.library.ubc.ca/cIRcle/collections/ubctheses/831/items/1.0081178> (дата обращения: 20.04.2021).
9. Badri A., Nadeau S., Gbodossou A. A mining project is a field of risks : A systematic and preliminary portrait of mining risk // International Journal of Safety and Security Engineering. 2012. Vol. 2, № 2. P. 145–166.
10. Стандарт ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Менеджмент риска. Принципы и руководство URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200170125> (дата обращения: 25.04.2021).
11. McGill J. E. Technical risk assessment techniques in Mineral Resource Management with special reference to the junior and small-scale mining sectors. URL: <https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/27609/00dissertation.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 25.04.2021).
12. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов : утв. Минэкономки России, Минфином России, Госстроем России 21.06.1999 № ВК 477 URL. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Abdel Sabour S. A., Wood G. Modelling financial risk in open pit mine projects : Implications for strategic decision-making // The Journal of The Southern African Institute of Mining and Metallurgy. 2008. Vol. 109. P. 169–175.
14. Магаев Н. А., Скопина Л. В., Рымаренко М. В., Мкртчян Г. М. Метод реальных опционов в оценке стоимости месторождений // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19, № 2. С. 31–48. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2019-192-31-48>
15. Дамодаран А. Инвестиционная оценка : Инструменты и методы оценки любых активов. 5-е изд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. 1340 с.
16. Гончаренко С. Н., Парсегов А. С. Моделирование и оценка риска эксплуатации промышленного оборудования в отечественных и зарубежных исследованиях // Управление риском. 2013. № 2 (66). С. 35–43.
17. Vargas J. P., Koppe J. C., Pérez S. Monte Carlo simulation as a tool for tunneling planning // Tunnelling and Underground Space Technology. 2014. Vol. 40. P. 203–209. <https://doi.org/10.1016/j.tust.2013.10.011>
18. Талб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. : КоЛибри. 2021. 736 с.
19. Воронов Д. С., Криворотов В. В. Методика повышения конкурентоспособности предприятия // Проблемы развития территории. 2017. № 5. С. 59–74.

References

1. Gorno-dobyvaiuschaia promyshlennost', 2020 god. S zapasom sil i resursov (Mining industry, 2020. With a reserve of strength and resource). Available at: <https://>

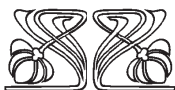
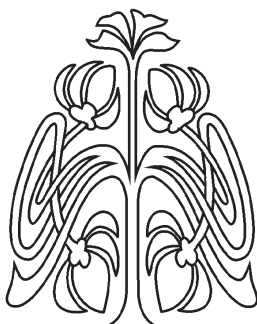
- www.pwc.ru/ru/publications/mine-2020/mine-2020.pdf (accessed 30 April 2021) (in Russian).
2. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed 30 April 2021) (in Russian).
  3. Kaplan A. V., Bayev I. A., Tereshina M. A. The concept of sustainable socio-economic development of a mining enterprise. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 76–82 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/em180308>
  4. Shelkunova T. G. The peculiarity of the implementation of innovative projects in the mining industry of Russia. *Ekonomika v promyshlennosti* [Economy in Industry], 2015, no. 4, pp. 32–38 (in Russian). <https://doi.org/10.1707/2072-1663-2015-4-32-38>
  5. *Deloitte Insights. Tracking the trends 2020. Leading from the front*. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/tracking-the-trends-2020/DI_Tracking-the-trends-2020.pdf (accessed 30 April 2021).
  6. Kaplan A. V., Leiderman L. P., Tereshina M. A. Special aspects of the investment process management for a mine. *Ratsional'noe osvoenie nedr* [Rational Development of Mineral Resources], 2013, no. 6, pp. 10–16 (in Russian).
  7. Zaerniuk V. M., Chernikova L. I. On the role of risks and uncertainties in investing in the mining industry. *Finansovaya zhizn'* [Financial Life], 2017, no. 3, pp. 47–54 (in Russian).
  8. Kazakidis V. *Operating risk: Planning for flexible mining systems*. Doctoral dissertation, University of British Columbia. Available at: <https://open.library.ubc.ca/cIRcle/collections/ubctheses/831/items/1.0081178> (accessed 20 April 2021).
  9. Badri A., Nadeau S., Gbodossou A. A mining project is a field of risks: a systematic and preliminary portrait of mining risk. *International Journal of Safety and Security Engineering*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 145–166.
  10. *ISO 31000-2019 Standart. Risk management. Principles and guidelines*. Available at: <https://docs.cntd.ru/docu-ment/1200170125> (accessed 25 April 2021) (in Russian).
  11. McGill J. E. *Technical risk assessment techniques in Mineral Resource Management with special reference to the junior and small-scale mining sectors*. Available at: <https://repository.up.ac.za/bitstream/handle/2263/27609/00dissertation.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 25 April 2021).
  12. Guidelines for assessing the effectiveness of investment projects, Approved by the Ministry of Economy of Russia, the Ministry of Finance of Russia, Gosstroy of Russia on 21.06.1999 no. VK 477). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
  13. Abdel Sabour S. A., Wood G. Modelling financial risk in open pit mine projects: implications for strategic decision-making. *The Journal of the Southern African Institute of Mining and Metallurgy*, 2008, vol. 109, pp. 169–175.
  14. Magayev N. A., Skopina L. V., Rymarenko M. V., Mkrtychyan G. M. Real Options Valuation of Deposits. *World of Economics and Management*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 31–48 (in Russian). <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2019-19-2-31-48>
  15. Damodaran A. *Investment Valuation. Tools and Techniques for Determining the Value of Any Asset*. John Wiley & Sons, Inc., 2002. 1340 p. (Russ. ed.: Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2008. 1340 p.).
  16. Goncharenko S. N., Parsegov A. S. Modeling and risk assessment of industrial equipment operation in domestic and foreign research. *Upravlenie riskom* [Risk Management], 2013, no. 2 (66), pp. 35–43 (in Russian).
  17. Vargas J. P., Koppe J. C., Pérez S. Monte Carlo simulation as a tool for tunneling planning. *Tunnelling and Underground Space Technology*, 2014, vol. 40, pp. 203–209. <https://doi.org/10.1016/j.tust.2013.10.011>
  18. Taleb N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random house, 2007. 400 p. (Russ. ed.: Moscow, KoLibri Publ., 2021. 736 p.).
  19. Voronov D. S., Krivorotov V. V. Methods of increasing the competitiveness of the enterprise. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of the Development of the Territory], 2017, no. 5, pp. 59–74 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2021, после рецензирования 20.05.2022, принята к публикации 21.05.2021
 Received 15.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 21.05.2021

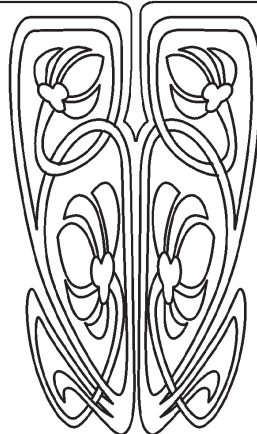

ПРАВО

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 304–311

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 304–311
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-304-311>

Научная статья
УДК 340

Идеологический нейтралитет и принцип светского государства в свете поправок к Конституции РФ 2020

Н. В. Тюменева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тюменева Наталия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, tumeneva82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>

Аннотация. Введение. Существование и развитие любого общества невозможно без его духовной составляющей, которая в России тесно связана с религией, религиозными ценностями и идеалами. Несмотря на то что в светском Российском государстве официальная власть остается идеологически нейтральной ко всем религиям, религиозным конфессиям и религиозным организациям, в социокультурном пространстве идет сближение государства и Церкви. **Теоретический анализ.** Взаимодействие государства и религиозных организаций не искажает и не умаляет важности принципов основ конституционного строя – светского государства и идеологического нейтралитета государства, поскольку взаимодействие не касается вопросов осуществления государственной и религиозной власти, не затрагивает реализацию функций и задач государства и Церкви. **Эмпирический анализ.** Впервые в Конституции РФ путем внесения в нее поправок в 2020 г. были закреплены религиозные ценности и идеалы, вера в Бога как духовно-нравственные основания исторического развития многонационального народа России. Это стало возможным в связи с расширением интерпретации категорий «идеологический нейтралитет» и «светский характер государства». **Результаты.** В содержание принципа светского государства и его идеологической нейтральности укладывается религиозное присутствие в публично-правовой сфере.

Ключевые слова: светское государство, идеологический нейтралитет, идеология, поправки в Конституцию РФ, государство, религиозные объединения, религиозные ценности

Для цитирования: Тюменева Н. В. Идеологический нейтралитет и принцип светского государства в свете поправок к Конституции РФ 2020 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 304–311. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-304-311>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideological neutrality and the principle of a secular state in the light of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020

N. V. Tumeneva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410002, Russia,
Nataliya V. Tumeneva, tumeneva82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1227-6923>

Abstract. Introduction. The existence and development of any society is impossible without its spiritual component, which is closely connected with religion, religious values and ideals in Russia. Despite the fact that in the secular Russian state, the official government remains ideologically neutral to all religions, religious denominations and religious organizations, the state and the Church are converging in the socio-cultural space.

Theoretical analysis. The interaction between the state and religious organizations is not distorted and does not diminish the importance of the principles of the constitutional order bases – a secular state and ideological neutrality of the state, because the interaction has nothing to do with the implementation of state and religious power, does not affect the implementation of the functions and tasks of the state and the Church. **Empirical analysis.** For the first time, the Constitution of the Russian Federation, through the amendments made in 2020, enshrined religious values and ideals, faith in God as the spiritual and moral foundations of the historical development of the multinational people of Russia. This became possible due to the expansion of the interpretation of the categories of “ideological neutrality” and “secular nature of the state”.

Results. The content of the principle of the secular state and its ideological neutrality is based on the religious presence in the public legal sphere. **Keywords:** secular state, ideological neutrality, ideology, amendments to the Constitution of the Russian Federation, state, religious associations, religious values

For citation: Tyumeneva N. V. Ideological neutrality and the principle of a secular state in the light of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 304–311 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-304-311>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Важным аспектом развития общества выступает духовная жизнь, одной из составляющих которой является религиозная сфера. В разные исторические периоды отношение Российского государства, институтированного через государственный аппарат, и религии, институтированной посредством религиозных объединений, было различным: от интегрированности Церкви в монархическое Российское государство до полного отторжения всего религиозного, которое сопровождалось гонениями на Церковь со стороны Советской власти.

Современная Россия нейтрально-лояльно относится ко всем религиозным конфессиям. Это выражается не только в закреплении и гарантировании свободы мировоззренческого выбора каждого человека при провозглашенном религиозном плюрализме, но и в поощрении религиозного воспитания, образования, пропаганде высоких религиозных ценностей среди молодежи, что в целом формирует гуманистическое, миролюбивое отношение к окружающему миру. Хотя Российское государство не проводит антирелигиозную или атеистическую политику, оно в большей степени заинтересовано в увеличении числа верующих, нежели атеистов.

Теоретический анализ

В современной России выстроены сложные многоаспектные отношения государства и религиозных конфессий. Модель взаимодействия, которая реализуется между ними, можно охарактеризовать как кооперационную с интеграционными элементами, выстраиваемую в соответствии с принципом светскости государства.

Кооперационная модель реализуется во многих европейских государствах (Австрия, Германия, Испания, Италия, Португалия, Люксембург). В кооперационной модели государство и Церковь

и иные религиозные организации нейтральны по отношению друг к другу в осуществлении своих функций и задач; сферы реализации государственной власти и религиозной (церковной) власти дистанцированы и разделены. Отсутствует огосударствленная Церковь [1, с. 101–102].

Зачастую кооперация между государством и религией выражается в том, что религиозные организации легитимированы и встроены в публично-правовую сферу посредством разнообразных механизмов. Например, посредством заключения государство-церковных договоров, разработки и ведения государственной конфессиональной политики, включения представителей Церкви в состав общественных организаций, созданных при государственных органах, и пр.

В Конституции РФ закреплён светский характер государства, идеологическое многообразие, а это означает, что Церковь и иные религиозные объединения не являются государственными, а, напротив, развиваются самостоятельно, независимы от государства в осуществлении своих религиозных функций и задач, религиозной деятельности. Вместе с тем государственный нейтралитет, понимаемый как невмешательство, не означает безразличия или индифферентности официальной власти в вопросах религии, не предполагает он и изолированности религиозных организаций от социума. Это означает, что отделенность религиозных организаций от государства не должна узко толковаться как разделенность или отстраненность государства и религии. Напротив, Церковь и иные религиозные организации играют весомую роль в публично-правовой сфере.

Интеграционная составляющая во взаимодействии государства с религиозными организациями характеризуется тем, что последние являются субъектами политической системы, а это свидетельствует об особой общественно-политической силе религии и религиозных

организаций. Взаимодействие государства и религиозных организаций осуществляется на основании совместных соглашений, определены направления государственно-конфессиональной политики, в публично-правовой сфере сформировано законодательство, в соответствии с которым создаются и осуществляют свою организационно-управленческую деятельность религиозные организации (однако действия, носящие сугубо религиозный характер, совершаются верующими без санкционирования органов власти), представители высшего духовенства активно участвуют в общественно-политической жизни страны, входят в состав различных комитетов и комиссий, образованных при высших органах государственной власти.

Об увеличении числа верующих в России свидетельствует и статистика. Так, в 1991 г. к православным верующим относили себя 37% россиян [2], в 2020 г. – 75% россиян отнесли себя к верующим, из них 63% назвали свою веру православной [3]. Эти цифры отражают положительную динамику роста духовной культуры россиян, в котором немаловажную роль сыграло и Российское государство, поощряя религиозное воспитание, содействуя осуществлению духовной заботы в медицинских учреждениях, местах лишения свободы и пр. Таким образом, очевидно, что роль религии (прежде всего православной) и религиозных организаций очень значительна в России.

Конституционный принцип светскости государства, выражающийся в идеологическом нейтралитете государства по отношению к религии, эволюционирует, и особенно в последнее десятилетие стали заметны расширение его содержания, подвижность смысловых и интерпретационных границ.

Этимология термина «нейтралитет» говорит о его многоаспектности, и его можно определять как: 1. не примыкающий ни к одной из борющихся сторон, стоящий в стороне; 2. одинаково относящийся ко всем, никого не затрагивающий; 3. не оказывающий ни вредного, ни полезного действия [4, с. 487]. Детализация содержания данного термина становится особенно актуальной в светских государствах, в которых идеологический нейтралитет, выступающий основой взаимодействия государства и религиозных организаций, может варьироваться от нейтрально-безразличного до нейтрально-лояльного. Не случайно специалисты говорят об «оттенках» идеологического нейтралитета, что позволяет точнее охарактеризовать взаимодействие светского государства и религии для формирования эффективной государственно-конфессиональной политики [5, с. 256].

И здесь необходимо сделать важный вывод. Светский характер государства может проявляться лишь в публично-правовой сфере [6, с. 43], в которой взаимодействует множество субъектов политической системы, гражданского общества, и все они обладают идеологией, т.е. собственной позицией, мнением, взглядами и исходя из этого способны оценивать происходящие процессы и пр.

Это означает, что общественное сознание не может быть неидеологизированным, соответственно, и формы общественного сознания – религия, право, созданное государственной волей, – не могут быть деидеологизированы. Поэтому право и государство идеологично в той мере, в которой идеологично общество [5, с. 253]. И религиозный нейтралитет – это тоже идеология в форме невмешательства государства в религиозную сферу, а религиозных объединений – в государственно-властную. Соответственно, смысловая многозначность термина «нейтралитет» в контексте светского государства на практике оборачивается многовариативностью способов его реализации и разнообразием в построении моделей конфессионально-религиозных отношений в светских государствах [7, с. 275].

Эта закономерность свидетельствует о том, что современное общество оказывается нуждающимся во влиянии религии на государственность, но «точки соприкосновения», аспекты взаимодействия, пределы невмешательства светского государства и религии определяются каждым государством самостоятельно. Очевидно, что религия не архаична, а религиозные институты не бессильны в решении современных проблемы, напротив, они являются активной «мягкой» силой, «обладают мощным интегративным потенциалом», необходимым для объединения разобщенного, расколотого общества [8, с. 62], для примирения различных социальных групп. Высказываются неожиданные суждения, заставляющие по-новому взглянуть на возможности религии, в частности, о том, что религия способна мотивировать экономику к росту [9].

Таким образом, в современном прогрессивном мире, частью которого является Россия, закрепились идея прагматического подхода к феномену религиозной свободы, способствующему укреплению позитивного вклада религии в единение современного мира [10]. Это обуславливает активизацию светских государств во взаимоотношениях с религиозными организациями, в поиске таких социальных сфер, где взаимодействие между ними будет наиболее эффективным с максимальной отдачей для общества.

Эмпирический анализ

В России принцип светскости государства (в сочетании с принципом идеологического многообразия и запрета на государственную идеологию) совсем недавно толковался буквально и весьма категорично в виде запрета и недопустимости вмешательства государства и религиозных организаций в дела друг друга. После этого некоторые стали понимать светскость в значении нерелигиозности, неверия, а светское государство ассоциировалось с государством атеистическим, что противоречит смыслу светскости, искажает его [11]. Однако в последнее время наблюдается не только сближение государства и Церкви, но и появление на доктринальном уровне более широких и лояльных трактовок принципа светского государства [12].

Особенно усилились эти тенденции после обнародования проекта поправок к Конституции РФ 2020 г., в которых предлагалось внести в Конституцию РФ норму о Боге и вере в него. Это с новой силой всколыхнуло дискуссию о понимании принципа светскости, идеологической нейтральности государства. Опасения, вызванные закреплением на конституционном уровне религиозных ценностей, вновь были связаны трансформацией принципа светскости государства, его искажением, клерикализацией государства, огосударствлением религии и нивелированием запрета на государственную идеологию [13, с. 80–83].

Но в результате референдума в Конституции РФ появилась новая ст. 67.1, в которой впервые за всю историю российского конституционализма была закреплена ценность религиозных идеалов, веры в Бога и религии в целом. Так, в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ закреплено: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [14]. Включение данной нормы в Конституцию РФ означает, что в конституционном каркасе духовно-культурной системы российского общества религиозные ценности заняли свое место в качестве интегративной и институциональной основы многоконфессионального российского общества.

Безусловно, научному сообществу еще предстоит интерпретировать ст. 67.1 Конституции РФ и в контексте принципов конституционного строя, и во взаимосвязи с законодательством, регулирующим конфессионально-религиозные отношения в России, и в культурно-историческом смысле, а также в контексте международных процессов.

Но уже сейчас можно выделить два аспекта толкования ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ. Первый аспект, на наш взгляд, очевидно, связан с уточнением характеристики конституционно-правового статуса многонационального народа и его роли в качестве источника власти в федеративно устроенном Российском государстве [15, с. 575]. Так, в ст. 67.1 Конституции РФ подчеркнута генетическая связь народов России с религией, которая во все времена, независимо от ее направления (христианство, ислам, иудаизм и пр.) определяла «дух» многоконфессионального российского народа. Российскому народу во все времена были присущи милосердие, веротерпимость, набожность, духовность, богобоязненность.

Закрепление религиозных ценностей в ч. 2 ст. 67.1 в сочетании с преамбулой и ст. 3 Конституции РФ, где подчеркивается общая историческая судьба народов России и значение многонационального народа в качестве единственного источника власти, во-первых, образуют духовно-нравственную основу существования и развития российского народа, во-вторых, выступают способом политического, национального, исторического единения многонационального российского народа на территории Российской Федерации, а в-третьих, становятся неотъемлемым признаком национальной идентичности многонационального российского народа в сообществе народов мира.

Второй аспект официального конституционного закрепления религиозных ценностей связан с повышением роли религии в развитии общества. Эта тенденция не только имеет внутригосударственное значение и смысл (они будут рассмотрены ниже), но и является отражением международных процессов. Так, эксперты прогнозируют, что в XXI в. религия будет играть более существенную роль, нежели в веке XX. И в дальнейшем еще более усилится зависимость уровня внутригосударственной безопасности от взаимодействия государства и религии, состояния религиозно-конфессиональных отношений [16, с. 87]. Более того, отмечается высокий потенциал религии не только в традиционной, социально-культурной сфере, но и в экономической.

Согласно теории религиозной экономики, которая оказывается все больше востребованной среди светских государств, одним из эффективных механизмов отношений государства с религиозными организациями является практика государственного заказа на выполнение определенных функций и оказание услуг по обеспечению потребностей государства, его субъектов и граждан для решения общих социально-политических, экономических и культурных задач

[9, с. 232]. Эти обстоятельства уже заставили светские государства пересмотреть свое отношение к религии и религиозным объединениям и взаимодействовать с ними в социально-экономической сфере.

На европейском пространстве вопросы соотношения политики, права и религии в публично-правовой сфере начали активно подвергаться ревизии в начале XXI в. Ярko иллюстрирует позицию Евросоюза о значении религии для государства и общества вынесенное Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) решение по делу «Лаутси» [17]. Суть спора состояла в том, что в ЕСПЧ семьей Лаутси оспаривалось право размещения распятий на стенах классов в итальянских государственных школах. По их мнению, демонстрация распятия нарушает принцип светского характера государства и право младшего Лаутси на образование, а также его право на свободу мысли, совести и религии.

Обращение С. Лаутси рассматривалось разными государственными органами Италии – административным судом Венето, Конституционным судом Италии, Государственным советом Италии, и они не находили противоречий в размещении распятий в государственных школах с принципом светского государства. В итоговом решении ЕСПЧ подчеркнул, что христианский символ – распятие, размещенный в государственных школах Италии, не нарушает принципа религиозного нейтралитета государства, не является пропагандой христианства, не обяывает его изучать, не препятствует открытости школьной среды другим религиям. Таким образом, оставив вопрос о демонстрации религиозных символов в публичных местах на усмотрение национальных правопорядков, ЕСПЧ обратил внимание на то, что для некоторых светских государств религия, религиозные символы и ценности приобрели важное социокультурное значение и имеют не только религиозный смысл, но должны интерпретироваться через призму национальной идентичности [7, с. 271]. Это означает, что государства имеют свободу усмотрения во взаимодействии с религиозными организациями, для того чтобы не быть лишенными части культурной идентичности только потому, что символы и ценности имеют религиозное происхождение. Дело «Лаутси» показывает, что соотношение между защитой основополагающих прав и свобод человека и религиозной моралью разрешается на европейском пространстве не столь категорично и прямолинейно, как, например, в прошлом веке, но обязательно в контексте национально-культурных особенностей государств [18, с. 21].

Аналогичные тенденции имеют место и в России. Думается, что появление ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ стало логическим продолжением и нормативным оформлением процессов сближения государства и Церкви, иных религиозных организаций, которые активно идут в социокультурном пространстве российского общества. И, думается, такое сближение не влияет негативно на содержание принципа светскости государства, не влечет искажения его смысла.

В ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ государство официально выразило свое положительное отношение к религиозным ценностям как духовно-нравственной основе российского общества, посредством которых обеспечивается преемственность исторических традиций и выражается связь с прошлыми поколениями.

Системное толкование ч. 2 ст. 67.1 и ст. 14 Конституции РФ, закрепляющей светский характер Российского государства, позволяет констатировать, что смысл принципа светскости не изменился. Обратим внимание, что запрет на огосударствление в России какой бы то ни было религии, установленный в ст. 14 Конституции РФ ни в коей мере не нарушен. В ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ речь идет об историко-культурном контексте взаимодействия государства и религии, поддержании и признании современной Россией религиозных ценностей и веру в Бога, которые во все времена (даже во времена официального запрета на религию, установленного Советской властью) занимали и занимают первостепенное место в системе ценностей российского общества.

Причем государство не отдает предпочтение тому или иному религиозному течению, а подчеркивает принципиальное значение религии в целом как формы общественного коллективного сознания, связующего прошлое и настоящее многонационального народа России. И если следовать логике преамбулы Конституции РФ, то многонациональный народ России должен сохранить исторически сложившееся государственное единство, веру в добро и справедливость и передать эти идеалы будущим поколениям.

Еще одним аспектом принципа светского государства является требование отделения религиозных объединений от государства. По смыслу этого положения государство и религиозные объединения не должны взаимовлиять на сущность и содержание видов власти, осуществляемых каждым из них для реализации своих функций и задач. И в этом смысле ч. 2 ст. 67.1 не способствовала искажению смысла ч. 2 ст. 14 Конституции РФ. Сферы действия религиозных норм и правовых норм остались неизменными, не пересеклись и не были поглощены одна другой.

Иными словами, баланс между государством и церковью в осуществлении своих функций и задач не изменился, он по-прежнему основан на нейтралитете, невмешательстве: Церковь и иные религиозные организации не влияют на государство в осуществлении им своих функций и задач, равно как и государство не влияет на религиозные организации в вопросах служения Богу и отправления религиозных обрядов и служб.

По-прежнему сохраняется запрет на установление той или иной идеологии или религии в качестве государственной или обязательной, в правовом регулировании общественных отношений не используются религиозные нормы; не применяются религиозные акты и религиозные нормы и в судебной практике; все религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом, государственные органы по-прежнему не вмешиваются в религиозную сферу, связанную с установлением и реализацией религиозных норм, осуществлением религиозных обрядов и т. д., равно как и духовенство не вмешивается в государственную деятельность, связанную с осуществлением внешней и внутренней политики, в правотворчество, в правоприменение, правосудие и пр.

Незыблемым осталось требование о том, что государственные служащие не руководствуются религиозно-мировоззренческими предпочтениями в осуществлении своих полномочий, а религиозные объединения не являются частью государственного механизма, религия не выступает основой официальной политики, религиозным организациям запрещено выдавать акты гражданской регистрации; религиозная символика не используется в официальных актах, наименованиях, государственной атрибутике [11]. Таким образом, нейтральный баланс между религией и светским Российским государством сохраняется в полном объеме.

Результаты

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

В настоящее время религии, религиозным ценностям стало уделяться серьезное внимание, что говорит о повышении их роли в современном социуме. В России активизировались процессы сближения государства и религиозных объединений, прежде всего Православной церкви. Речь идет о расширении сфер взаимодействия в социокультурном пространстве и общественно-публичной сфере.

Сближение государства и Церкви выражается в непротивопоставлении государственной и религиозной власти, однако государство при-

знает религиозные ценности в качестве духовно-нравственных оснований развития современного российского общества, что свидетельствует о том, что в культурологическом контексте все современные светские и религиозные ценности имеют общечеловеческое значение.

Однако в современном правопонимании смысл идеологического религиозного нейтралитета и светскости утрачивают жесткость трактовок, категоричность, формализованность, они заменяются на более «мягкие», лояльные. В нынешний идеологический нейтралитет государства и его светский характер вполне укладывается религиозное присутствие в публично-правовой сфере.

В этой связи совершенно логично и ожидаемо появление конституционной новеллы – ч. 2 ст. 67.1, в которой государство выразило лояльность в отношении религии, религиозных ценностей и идеалов и их необходимость для формирования и существования исторической общности – «многонациональный российский народ». Кроме того, религиозные ценности и идеалы, имея историческое значение в жизни конкретного народа, присущие старшему поколению, важны сегодня для характеристики национальной идентичности многонационального российского народа.

Вместе с тем сближение государства и Церкви и иных религиозных объединений не противоречит принципу светскости, провозглашенному в ст. 14 Конституции РФ, потому что новелла ст. 67.1 не отменила требования невмешательства государства и религиозных объединений в дела друг друга, не изменились критерии разграничения сфер деятельности, осуществляемой религиозными объединениями и государственными органами, религия по-прежнему лишена государственного характера, осуществляется свобода совести, что свидетельствует о демократическом характере Российского государства.

Список литературы

1. Шестопалов М. А. К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Юридические науки. 2015. № 2 (18). С. 101–106.
2. Православное большинство : число верующих на постсоветском пространстве выросло. URL: https://ural.tsargrad.tv/articles/pravoslavnoe-bolshinstvo-chislo-verujushhih-na-postsovetskom-prostranstve-vyroslo_63004 (дата обращения: 31.01.2021).
3. Сколько в России православных на самом деле? URL: <https://zen.yandex.com/media/trickster/skolko-v-rossii-pravoslavnyh-na-samom-dele-5f9aa97c9037085821da0ede> (дата обращения: 31.01.2021).

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 8000 слов и фразеологических выражений. 2-е изд, испр. и доп. М. : АЗЪ, 1995. 928 с.
5. Кырлежев А. «Дело о распятиях» в Европейском суде – в постсекулярной перспективе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 233–269.
6. Баев В. Г., Мещерякова С. В. Светскость государства как категория конституционного права : понятие и принципы // Социально-политические науки. 2014. № 1. С. 40–45.
7. Анниккино П. Между «пределами усмотрения» и нейтралитетом : дело «Лаутси» и новый баланс в сфере европейской защиты вероисповедания // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 270–284.
8. Каргина И. Г. Социологические рефлексии современного религиозного плюрализма. М. : Изд-во МГИМО-Университет, 2014. 278 с.
9. Мирошникова Е. М. О государственном заказе на религиозном рынке в контексте моделей религиозной политики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 4. С. 232–244.
10. Bishops, Businessmen for inclusive growth. URL: <http://opinion.inquirer.net/86799/bishops-businessmen-for-inclusive-growth> (дата обращения: 31.01.2021).
11. Ходыкин И. В. Анализ доктринального толкования термина «светское государство». URL: <http://pravovrns.ru/?p=6324> (дата обращения: 31.01.2021).
12. Шчипков А. Как нам понимать светскость государства? URL: <https://vrns.ru/news/aleksandr-shchipkov-kak-nam-ponimat-svetskost-gosudarstva/> (дата обращение: 31.02.2021).
13. Мартышин О. В. К дискуссии о светском государстве в Российской Федерации // Государство и право. 2019. № 3. С. 74–84. <https://doi.org/10.31857/S013207690004427-1>
14. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с поправками внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 35 дек.; 2020. 4 июля.
15. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 570–578.
16. Воронкова М. Л. Особенности взаимодействия государства и религиозных объединений в зарубежных странах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 87–92.
17. European Court of Human Rights (EctHR) [GC]. Lautsi and others v. Italy. No. 30814/06. Judgment of 18 March 2011. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-592%22%5D%7D> (дата обращения: 13.03.2020).
18. Сырунина Т. М. Лаутси (LAUTSI) и другие против Италии. Постановление Большой палаты Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2011 года // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 20–24.

References

1. Shestopalov M. A. On the issue of models of state-church relations. *Vestnik of Moscow City University. Series "Legal sciences"*, 2015, no. 2 (18), pp. 101–106 (in Russian).
2. *Pravoslavnoe bol'shinstvo: chislo veruyushchikh na postsovetском prostranstve vyroslo* (The Orthodox majority: The number of believers in the post-Soviet space has grown). Available at: https://ural.tsargrad.tv/articles/pravoslavnoe-bolshinstvo-chislo-verujushchih-na-postsovetском-prostranstve-vyroslo_63004 (accessed 31 January 2021) (in Russian).
3. *Skol'ko v Rossii pravoslavnykh na samom dele?* (How many Orthodox Christians are there in Russia?). Available at: <https://zen.yandex.com/media/trickster/skolko-v-rossii-pravoslavnykh-na-samom-dele-5f9aa97c9037085821da0ede> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 8000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 8000 Words and Phraseological Expressions. 2nd ed.]. Moscow, AZ Publ., 1995. 928 p. (in Russian).
5. Kyrlezhev A. "The Case of Crucifixions" in the European Court: A Postsecular Reading. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 2013, no. 2 (31), pp. 233–269 (in Russian).
6. Baev V. G., Meshcheryakova S. V. Secularity as a category of Constitutional Law: Concepts and principles. *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-Political Sciences], 2014, no 1, pp. 40–45 (in Russian).
7. Annikino P. Between the Margins of Appreciation and Neutrality: The Lautsi Case and a New Balance in the Field of Religious Freedom in Europe. *The State, Religion, and the Church in Russia and Abroad*, 2013, no. 2 (31), pp. 270–284 (in Russian).
8. Kargina I. G. *Sociologicheskie refleksii sovremennogo religioznogo plyuralizma* [Sociological Reflections of Modern Religious Pluralism]. Moscow, MGIMO-University Publishing House, 2014. 278 p. (in Russian).
9. Miroshnikova E. M. On the state order in the religious market in the context of models of religious policy. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2018, no. 4, pp. 232–244 (in Russian).
10. *Bishops, Businessmen for inclusive growth*. Available at: <http://opinion.inquirer.net/86799/bishops-businessmen-for-inclusive-growth> (accessed 31 January 2021).
11. Hodykin I. V. *Analiz doktrinal'nogo tolkovaniya termina «svetskoe gosudarstvo»* (Analysis of the doctrinal interpretation of the term of "secular state"). Available at: <http://pravovrns.ru/?p=6324> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
12. Shchipkov A. *Kak nam ponimat'svetskost' gosudarstva?* (How do we understand the secularism of the state?). Available at: <https://vrns.ru/news/aleksandr-shchipkov-kak-nam-ponimat-svetskost-gosudarstva/> (accessed 31 January 2021) (in Russian).

13. Martyshin O. V. The debate about a Secular State in Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 3, pp. 74–84 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S013207690004427-1>
14. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended by the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 1-FKZ of March 14, 2020). *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1993, 35 December; 2020, 4 July (in Russian).
15. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. To the question of the legal status of people. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 570–578 (in Russian).
16. Voronkova M. L. Peculiarities of interaction between religious communities and the state in foreign countries. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 4, pp. 87–92 (in Russian).
17. European Court of Human Rights (EctHR) [GC]. *Lautsi and others v. Italy*. No.30814/06. Judgment of 18 March 2011. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22002-592%22%5D%7D> (accessed 13 March 2020).
18. Syrunina T. M. *Lautsi (LAUTSI) and others V. Italy*. Judgment of the Grand Chamber of the European Court of Human Rights of 18 March 2011. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2012, no. 1 (2), pp. 20–24 (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2021, после рецензирования 10.02.2021, принята к публикации 13.02.2021
Received 02.02.2021, revised 10.02.2021, accepted 13.02.2021

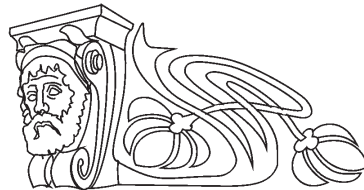

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 312–316
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 312–316
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-312-316>

Научная статья
УДК 340

Роль правового (юридического) диктанта в выявлении уровня правовой грамотности и правовом просвещении

Е. Н. Тогузаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тогузаева Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Аннотация. Введение. Подтверждение важности правового просвещения, необходимости преодоления правового нигилизма и повышения уровня правовой культуры нашло отражение на официальном уровне в нормативно-правовых актах, прежде всего в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. В настоящее время активно развивается взаимодействие с негосударственными организациями в данном направлении, что открывает новые грани. Так, к примеру, Ассоциацией юристов России с 2017 г. инициировано проведение Всероссийского правового диктанта, масштаб которого с каждым годом увеличивается в разы. **Теоретический анализ.** Обозначены следующие проблемы, препятствующие высокой эффективности правопросветительской деятельности: отсутствие системности и методического надлежащего обеспечения; риски социального, организационного, финансово-экономического и нормативного характера; отсутствие карт препятствий правового просвещения с указанием всех возможных рисков и путей их минимизации и преодоления. **Результаты.** Выделены основные препятствия правового просвещения, сопутствующие им риски, которые могут быть минимизированы для повышения эффективности правового просвещения, уровня правовой грамотности населения; даны рекомендации по совершенствованию такой акции, как Всероссийский юридический диктант, а также по проведению подобных акций отдельно по профессиональным сообществам. Не следует пренебрегать и факультативными задачами, которые также могут быть достигнуты при проведении мероприятий правопросветительского характера. Так, например, не менее важными представляются задачи по формированию и развитию информационно-коммуникативной культуры граждан, которая сейчас находится на начальном этапе формирования.

Ключевые слова: правовое просвещение, информационно-коммуникативная культура, Всероссийский правовой диктант, препятствия правового просвещения

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Правовая основа становления, развития информационно-коммуникативной культуры населения и пути ее повышения в эпоху цифровизации» № 20-011-00211).

Для цитирования: Тогузаева Е. Н. Роль правового (юридического) диктанта в выявлении уровня правовой грамотности и правовом просвещении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 312–316. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-312-316>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of legal (juridical) dictation in identifying the level of legal literacy and legal education

E. N. Toguzaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina N. Toguzaeva, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Abstract. Introduction. Confirmation of the importance of legal education, the need to overcome legal nihilism and increase the level of legal culture was reflected at the official level in regulatory legal acts, primarily in the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens. Currently, cooperation with non-governmental organizations in this direction is actively developing, which opens up new facets. So, for example, the Association of Lawyers of Russia has initiated the All-Russian Legal Dictation since 2017, the scale of which increases significantly every year. **Theoretical analysis.** The following problems that hinder the high efficiency of educational activities in legal domain are identified: 1) lack of consistency and proper methodological support; 2) risks of social, organizational, financial, economic and regulatory nature; 3) the absence of maps of obstacles to legal education, indicating all possible risks and ways to minimize and overcome them. **Results.** The main obstacles to legal education, the associated risks, that can be

minimized to increase the efficiency of legal education and the level of legal literacy of the population, are highlighted. Recommendations are given to improve such an action as the All-Russian Legal Dictation, as well as to conduct such actions separately by professional communities. One should not neglect the optional objectives, which can also be achieved when carrying out activities of a law-enlightening nature. For example, tasks of the formation and development of the information and communication culture of citizens, which are now at the initial stage of formation, are no less important.

Keywords: legal education, information and communication culture, all-Russian legal dictation, obstacles to legal education

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "The legal basis for the formation, development of information and communication culture of the population and ways to improve it in the era of digitalization" No. 20-011-00211).

For citation: Toguzayeva E. N. The role of legal (juridical) dictation in identifying the level of legal literacy and legal education. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 312–316 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-312-316>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Являясь основой формирования правовой культуры граждан, правовое информирование и правовое просвещение выполняют ряд задач, стоящих перед государством по развитию и повышению правовой грамотности. Правовое просвещение остается важнейшим фактором повышения гражданской активности населения, без которого становится невозможным укрепление демократических традиций в обществе, более того, правовое просвещение остается важнейшим фактором формирования правового государства.

В научных изысканиях немало работ, посвященных правовому образованию, правовому просвещению, правовому информированию, их взаимосвязям и взаимодействию. Темой правового воспитания и законопослушания занимались еще древнегреческие ученые, Сократ, Платон, Аристотель обращались к ней в поиске решений.

Под правовым просвещением в современной юридической науке понимают целенаправленную и систематическую деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения процесса духовного формирования личности, без которого нельзя обойтись, реализуя идею построения и развития в России правового государства [1, с. 51].

Важно осознать необходимость развития позитивного массового правосознания для российского общества, так как даже такая наиболее мягкая форма искажения правосознания, как правовой инфантилизм, выражается в неинформированности, пробельности в правовых знаниях.

Подтверждение важности правового просвещения, необходимости преодоления правового нигилизма и повышения уровня правовой культуры нашло отражение на официальном уровне. В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г.) сформулированы

цели и направления государственной политики России в данной сфере. Кроме того, в указанном документе отмечается, что государственная политика осуществляется в тесном взаимодействии со структурами гражданского общества. Государство поддерживает в форме социального партнерства деятельность негосударственных организаций, которая способствует достижению целей государственной политики. Учеными подчеркивается важность поощрения правозащитных организаций, занимающихся оказанием бесплатной юридической помощи, в том числе и правовым просвещением, что является одним из методов, гарантирующих повышение всеобщей правовой культуры [2, с. 131].

Теоретический анализ

Вектор развития взаимодействия с негосударственными организациями в данном направлении открывает новые грани. Так, к примеру, Ассоциацией юристов России с 2017 г. инициировано проведение Всероссийского правового (юридического) диктанта, масштаб которого с каждым годом увеличивается в разы (если в 2017 г. было привлечено 55 тыс. участников, то в 2020 г. – уже 507 тыс. 174 чел.). Проводя разнообразную просветительскую деятельность, нацеленную на повышение правовой культуры населения, Ассоциация включила в перечень своих мероприятий и Всероссийский правовой диктант. Ежегодно содержание вопросов, предлагаемых в диктанте, актуализируется и меняется, например, в 2020 г. большой блок вопросов был посвящен новым поправкам к Конституции России.

Такое мероприятие способно выявить пробелы в правовом просвещении граждан и указать на те области знаний, с которыми надо активно работать. Так, например, по итогам ежегодного проведения диктанта и анализа его последующих результатов было выявлено, что о конституционном и уголовном праве граждане более осведомлены, чем о своих правах как потребителя, вопросах семейного и гражданского законодательства [3].

Выборка и анализ процентного соотношения доли правильных ответов по субъектам РФ, по образованию и возрасту участников диктанта дают актуальную информацию о тех недоработках в вопросах правового просвещения, которые имеются в настоящее время, указывают нужные индикаторы и ту аудиторию, с которой необходимо далее проводить активную просветительскую работу.

Согласно Положению о проведении Всероссийского правового (юридического) диктанта [4], целью его является оценка уровня правовой грамотности населения. Задачами Диктанта обозначены: получение информации об уровне правовой грамотности населения России с учетом его возрастной и социальной структуры; предоставление возможности участникам Диктанта получить независимую оценку своих знаний в области права; привлечение внимания средств массовой информации и российского общества к повышению правовой культуры; мотивация населения к изучению права; разработка рекомендаций по улучшению качества юридического образования.

Результаты

Учитывая вышеобозначенные цели и задачи, считаем возможным выделить следующие проблемы и предложить некоторые рекомендации.

1. В деятельности по правовому просвещению часто отсутствуют системность и методика. Это зачастую приводит к тому, что наибольший упор делается на организацию просветительской деятельности, чем на ее содержание. Следует больше уделять внимание содержательному контенту, разбивке по отраслям, по комплексам публичного и частного права, по сферам законодательства, обратить внимание на методику группировки вопросов по степени сложности – от общего к частному. Методическая составляющая важна и для других форматов правопросветительской деятельности, как для диалоговых лекций, так и для деловых игр, правопросветительских онлайн-программ.

2. Важно понимать наличие такого явления, как риск, в данном случае назовем его «препятствия правового просвещения» – условия вероятности наступления неблагоприятных последствий, связанных с действиями по правовому просвещению, под которыми можно понимать те условия, обстоятельства, при наличии которых предоставляется возможность искажения, невосприятия либо вообще неполучения правовой информации просветительского характера. К таким рискам могут относиться неподготовленность аудитории к восприятию представленной информации (низкий уровень ее правовой

культуры, несформированность социальных и практических навыков, недостаточная мотивация аудитории), цензурирование правовой информации, некомпетентность субъекта, занимающегося правовым просвещением, несоответствие метода и средства правового просвещения возрастным и функциональным возможностям аудитории и т.д.

Наиболее значимые риски в данной сфере, на наш взгляд, можно поделить на:

– нормативные риски (риски технико-юридического характера, дефицит нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность по правовому просвещению, противоречивость законодательства);

– социальные (ослабление мотивации позитивного правосознания, рост социальных конфликтов, в том числе важно отметить и информационно-коммуникативные риски, связанные с низким уровнем информационно-коммуникативной культуры граждан);

– организационные (недостаточное обеспечение методической подготовкой, нехватка вариативности средств, технологий и методик правового просвещения, нельзя не учитывать и важность проведения мероприятий, улучшающих реакцию аудитории на правовое просвещение, это превентивные мероприятия, значительно снижающие вероятность наступления неблагоприятных последствий – в нашем случае низкая эффективность или абсолютная неэффективность мероприятия по правовому просвещению);

– финансово-экономические (недостаточное финансирование деятельности по правовому просвещению, недолжное обеспечение материально-технической базой, что снижает эффективность проводимой деятельности).

Следовало бы составить карты препятствий правового просвещения с указанием всех возможных рисков и путей их минимизации и преодоления, что даст наглядное представление для их оценки и позволит сформулировать меры по их минимизации, а также будет способствовать эффективной разработке программы превентивных мероприятий.

3. По содержанию вопросов, вошедших во Всероссийский правовой (юридический) диктант:

– необходимо обширно использовать потенциал Всероссийского юридического диктанта в том числе и для антикоррупционного просвещения и пропаганды, вводить туда вопросы на соответствующую тематику, заставляющие граждан задуматься в дальнейшем и подробнее изучить нормы права;

– кроме того, на наш взгляд, цели правового просвещения не охватывают вопросы исторического характера (так, например, в 2020 г. во

Всероссийский правовой диктант были включены вопросы, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Нюрнбергскому трибуналу, которые следовало бы включать во Всероссийский исторический диктант, так называемый Диктант Победы;

– избегать излишней перегруженности проблемами теоретического характера при слабой связи с практикой, такую проблему отмечают многие обучающиеся в процессе преподавания правовых дисциплин [5, с. 107].

4. Важность критерия системности. Правовое просвещение тесно связано с правовым информированием. Игнорирование такой связи значительно уменьшит коэффициент эффективности правового просвещения, в связи с чем и та и другая деятельность должна проходить в тесной взаимосвязи. Кроме того, необходимо помнить о том, что эффективность мероприятий по правовому просвещению увеличивается в разы, когда они проходят систематически и связаны между собой, поскольку юридический диктант есть проверочная стадия, на которой дается оценка состоянию просвещенности общества, однако этой проверочной стадии должен предшествовать целый план взаимосвязанных мероприятий. Следует включать проведение подобных мероприятий в другие значимые в этой области мероприятия. Так, например, Всероссийский правовой диктант включен в комплексный план основных мероприятий по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2021–2023 гг. (утв. Президиумом Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом). Большинство правопросветительских мероприятий должны быть взаимосвязаны для повышения их эффективности. Можно, например, предложить связать дни правовой помощи, которые проходят во всероссийском масштабе, и юридический диктант, проанализировав спектр тех вопросов, с которыми обращаются граждане для оказания правовой помощи в рамках подобных акций, по которым проведена большая разъяснительная работа, и отразив их уже на проверочной стадии диктанта.

5. Рекомендовать проводить такие акции еще и отдельно по профессиональным сообществам (отдельно у учителей и педагогов, сотрудников правоохранительных органов, представителей бизнеса, госслужащих и др.) для выявления погрешностей их правовой грамотности и эффективной корректировки плана просветительской работы среди них. Такая точечная работа дает актуальную информацию об имеющихся недоработках. Примеры подобных акций уже имеются.

Важность проведения правового диктанта как способа популяризации правовых знаний среди военнослужащих органов военного управления подчеркивается в научных изысканиях. Проведенный в Вооруженных силах Всеармейский правовой диктант позволил сосредоточить внимание на наиболее острых проблемах в правовой грамотности военнослужащих, что позволит Министерству обороны РФ более точно проводить работу по правовому просвещению личного состава [6]. В апреле 2020 г. в условиях распространения коронавирусной инфекции в интернет-формате с применением цифровых технологий был реализован проект «Правозащитный диктант» для студентов вузов [7, с. 26].

6. Правопросветительская деятельность должна осуществляться при помощи специального инструментария, посредством которого будет возможно «донести правовые ценности до сознания каждого человека» таким образом, чтобы указанные ценности позитивного характера могли стать личными убеждениями человека и выступать в роли основополагающих ориентиров его правового поведения [8, с. 13]. Ныне, во время непрерывной цифровизации и технологизации общества, вопросы просвещения также непосредственно связаны с информационным пространством, и оставаться прежним, каким был десятки лет назад, этот инструментарий уже не может. Одновременно с задачами правового просвещения достигаются и факультативные, но не менее важные задачи по формированию и развитию информационно-коммуникативной культуры граждан, которая сейчас находится на начальном этапе формирования. Новые информационные технологии позволяют поучаствовать в диктанте и других просветительских акциях, не выходя из дома.

Список литературы

1. Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Правовое просвещение в России : состояние, проблемы и перспективы развития. М. : Проспект, 2019. 272 с.
2. Куликова С. А., Курдюков Д. С. Деятельность государства по повышению правовой культуры граждан : основные направления, проблемы и перспективы // Система конституционного права современной России : ценности, принципы, институты и нормы : материалы XI Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 127–133.
3. Итоги III Всероссийского правового (юридического) диктанта // Ассоциации юристов России : [сайт]. URL: <https://alrf.ru/news/itogi-iii-vserossiyskogo-pravovogo-yuridicheskogo-diktanta/> (дата обращения: 25.03.2021).

4. Положение о проведении Всероссийского (юридического) диктанта // Ассоциации юристов России : [сайт]. URL: <https://alrf.ru> (дата обращения: 25.03.2021).
  5. Самыгин П. С., Самыгин С. И., Попов М. Ю. Правовое просвещение и формирование правовой культуры современной российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С.105–109.
  6. Бибарсова Г. Ш., Бибарсов М. Ш., Ульянова О. А. Всеармейский правовой диктант как способ повышения правовой культуры личного состава органов военного управления // Наукосфера. 2021. № 2–1. С. 242–246.
  7. Москалькова Т. Н. Правовое просвещение в цифровую эпоху : опыт института уполномоченных по правам человека // Новые горизонты развития системы правовой помощи и правового просвещения населения в Российской Федерации : сб. материалов по итогам национальной науч.-практ. конф. М. : [б.и.], 2020. С. 18–28.
  8. Право знать право : Методические рекомендации по организации правового просвещения участников образовательного процесса / авт.-сост. Э. И. Атагимова, Е. В. Горбачева. М. : ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016. 76 с.
- References**
1. Pevtsova E. A., Sokolov N. Ya. *Pravovoe prosveshchenie v Rossii: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya* [Legal Education in Russia: State, Problems and Development Prospects]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 272 p. (in Russian).
  2. Kulikova S. A., Kurdyukov D. S. State activities to improve the legal culture of citizens: Main directions, problems and prospects. *Sistema konstitutsionnogo prava sovremennoi Rossii: tsennosti, printsipy, instituty i normy: materialy XI Mezhdunarodnogo Konstitutsionnogo Foruma, posvyashchennogo 110-letiyu Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo* [The system of constitutional law in modern Russia: Values, principles, institutions and norms: Materials of the XI International Constitutional Forum dedicated to the 110th anniversary of the Saratov State University]. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2020, pp. 127–133 (in Russian).
  3. Results of the III All-Russian legal (juridical) dictation. *Assotsiatsiya yuristov Rossii* (Russian Lawyers Association. Site). Available at: <https://alrf.ru/news/itogi-iii-vserossiyskogo-pravovogo-yuridicheskogo-diktanta/> (accessed 25 March 2021) (in Russian).
  4. Regulations on the conduct of the All-Russian (juridical) dictation. *Assotsiatsiya yuristov Rossii* (Russian Lawyers Association. Site). Available at: <https://alrf.ru> (in Russian).
  5. Samygin P. S., Samygin S. I., Popov M. Yu. Legal education and formation of legal culture of modern Russian students. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Socio-economic and Social Sciences], 2019, no. 10, pp. 105–109 (in Russian).
  6. Bibarsova G. Sh., Bibarsov M. Sh., Ul'yanova O. A. All-army legal dictation as a way to improve the legal culture of military command personnel. *Naukosfera*, 2021, no. 2–1, pp. 242–246 (in Russian).
  7. Moskal'kova T. N. Legal education in the digital age: The experience of the institution of ombudsmen for human rights. *Novyye gorizonty razvitiya sistemy pravovoy pomoshchi i pravovogo prosveshcheniya naseleniya v Rossiyskoy Federatsii* [New horizons for the development of the system of legal assistance and legal education of the population in the Russian Federation: Proceedings of the national sci. and pract. conf.]. Moscow, 2020, pp. 18–28 (in Russian).
  8. E. I. Atagimova, E. V. Gorbacheva, comp. *Pravo znat' pravo: Metodicheskie rekomendacii po organizacii pravovogo prosveshcheniya uchastnikov obrazovatel'nogo processa* [The Right to Know the Law: Methodological Recommendations for Organizing Legal Education for Participants in the Educational Process]. Moscow, 2016. 76 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.03.2021, после рецензирования 10.04.2021, принята к публикации 15.04.2021
Received 28.03.2021, revised 10.04.2021, accepted 15.04.2021

Научная статья
УДК 342(470)(072.8)

Общественные движения в Российской Федерации и их участие в выборах: современное состояние и перспективы развития

Т. В. Троицкая

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Троицкая Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8483-224X>

Аннотация. Введение. Общественно-политическая сфера государства – это фундамент его демократического развития и предпосылка перспективного государственного строительства. История развития Российского государства свидетельствует об отсутствии традиций становления демократических институтов и их развития. Общественные движения в современном государстве являются опорой развития политической системы страны и предпосылкой образования новых политических партий. В соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях» общественное движение – это разновидность общественного объединения, носящего массовый характер и преследующего социальные, политические и иные общественно полезные цели. Встает вопрос, в каких формах и на каких территориальных уровнях организации общественные движения могут участвовать в выборах в России? Выборы – это наивысший инструмент политической системы общества. С учетом особенностей современного этапа конституционно-правового регулирования деятельности политических партий и развития избирательной системы России возникает необходимость рассмотреть вопрос о расширении участия общественных движений в общественно-политической жизни страны и в том числе в избирательном процессе. **Теоретический анализ.** Россия сегодня стоит на пути демократического преобразования всех государственных институтов. Институты общественно-политической сферы гражданского общества также нуждаются в такой трансформации. Деятельность политических партий в стране со стабильными конституционными основами выступает базой для осуществления государственной власти. Функционирующая партийная система современной России не отличается элементами завершенности. Общественные движения с учетом российской действительности могли бы стать платформой для образования конкурентоспособных политических партий в перспективе. **Эмпирический анализ.** Анализ содержания Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» свидетельствует о правовом закреплении такого понятия, как «избирательное объединение». Данное понятие вводится для определения субъекта осуществления избирательных действий в процессе проведения выборов различного территориального уровня. Его содержание свидетельствует о том, что в рамках проведения выборов федерального и регионального значения это прежде всего политические партии. На выборах в органы местного самоуправления таким избирательным объединением может быть общественное движение при условии закрепления в уставных документах их цели – участия в выборах. **Результаты.** Естественный процесс формирования политических партий связан с их низовым уровнем образования. Сегодняшняя российская партийная система переживает кризис, мелкие политические партии не пользуются электоральной поддержкой. Необходимо формирование правовых условий для развития общественно-политических движений как организационной основы образования политических партий с устойчивыми политическими программами. Сформулирован вывод о том, что среди всего многообразия функционирующих в России общественных движений можно выделить такую их разновидность, как общественно-политические движения, и предусмотреть за ними право в рамках проведения выборов на уровне субъектов Российской Федерации выдвигать кандидатов в депутаты по одномандатным и многомандатным избирательным округам, а также участвовать в осуществлении общественного контроля в России.

Ключевые слова: общественные движения, политические партии, общественные объединения, выборы, гражданское общество, общественный контроль

Для цитирования: Троицкая Т. В. Общественные движения в Российской Федерации и их участие в выборах: современное состояние и перспективы развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 317–322. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-317-322>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social movements in the Russian Federation and their participation in elections: Current state and prospects of development

T. V. Troitskaya

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Tatyana V. Troitskaya, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8483-224X>

Abstract. Introduction. The socio-political sphere of the state is the foundation of its democratic development and a prerequisite for long-term state-building. The history of the development of the Russian state testifies to the absence of traditions of the formation of democratic institutions and their development. Social movements in the modern state are the mainstay of the development of the country's political system and the prerequisite for the formation of new political parties. In accordance with the Federal Law "On Public Associations", a public movement is a type of public association that has a mass character and pursues social, political and other socially useful goals. Taking into account the peculiarities of the current stage of constitutional and legal regulation of the activities of political parties, it is necessary to consider the issue of expanding the participation of social movements in the socio-political life and in the electoral process. **Theoretical analysis.** Today, Russia stands on the path of democratic transformation of all state institutions. The institutions of the socio-political sphere of civil society also need this transformation. The activities of political parties in a country with a stable constitutional framework are the basis for the exercise of state power. The functioning party system of modern Russia is not characterized by elements of completeness. Social movements, taking into account the Russian reality, could become a platform for the formation of competitive political parties in the future. **Empirical analysis.** The analysis of the content of the Federal Law "On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation" indicates the legal consolidation of such a concept as "electoral association". This concept is introduced to define the subject of electoral actions in the process of holding elections at various territorial levels. Its content indicates that in the framework of federal and regional elections, these are primarily political parties. In elections to local self-government bodies, such an electoral association may be a public movement, provided that the purpose of participation in the elections is fixed in the statutory documents. **Results.** The natural process of forming political parties is related to their grassroots level of formation. Today's Russian party system is in crisis, and small political parties do not enjoy electoral support. It is necessary to create legal conditions for the development of socio-political movements – as an organizational basis for the formation of political parties with stable political programs. The conclusion is formulated that among all the variety of social movements functioning in Russia, one can distinguish such a variety as socio-political movements and provide for their right to nominate candidates for deputies in single-mandate and multi-mandate electoral districts, as well as their participation in the implementation of public control in Russia.

Keywords: public movements, political parties, public associations, elections, civil society, public control

For citation: Troitskaya T. V. Social movements in the Russian Federation and their participation in elections: Current state and prospects of development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 317–322 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-317-322>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современное демократическое государство немислимо без развитого общественно-политического пласта гражданского общества. Функционирующие в государстве общественно-политические институты способствуют естественному развитию демократических принципов и их укоренению в механизме государственного управления. Понимание данных процессов сегодня прослеживается во всех странах мира. «Активизация разных общественных движений – это одна из важных особенностей развития общества Запада последних десятилетий. Данный процесс вызван пониманием массами потребности личного влияния на принятие решений политической элиты» [1, с. 148]. Особенностью организации общественных движений, в частности в России, является их многофункциональный характер. Они могут создаваться в разных сферах жизнедеятельности общества, к примеру, охраны общественного порядка, экологии и т.д.

Более того, в науке в настоящее время встречается понятие «новое общественное движение». Импульсом для формирования данного термина стало «признание европейскими интеллектуалами и учеными-обществоведами, что старые общественные движения – движения по объединению рабочего класса и революционные движения, которые понимаются в контексте марксистского мировоззрения, – были в основном исчерпаны,

так же как и марксистский анализ общества» [2, с. 162]. Так называемые новые общественные движения характеризуются такими чертами, как отсутствие четких целей, каналов политического влияния, организационных форм деятельности [3, с. 138]. Данный вывод базируется на содержании нормативно-правового регулирования организации общественных движений, позволяющий их функционирование во всех сферах жизнедеятельности общества. Вместе с тем среди всего многообразия общественных движений особую роль в государстве играют движения, преследующие политические цели, поскольку именно они могут не только способствовать защите основных прав и свобод граждан страны, но и содействовать их участию в принятии государственных решений, а также в выборах и, как следствие, в реализации демократических основ Конституции России.

Россия, с точки зрения демократического развития, прошла сложный путь. Образованные на фоне борьбы с самодержавной властью общественно-политические силы прекратили свое существование в постреволюционный период. Идеология коммунистической партии не способствовала формированию конкурентоспособной политической среды. Соответственно, о попытках демократического становления Российского государства можно говорить только начиная с конца 80-х гг. XX столетия. Конкурентоспособные политические партии, отражающие обществен-

но-политические взгляды народа, должны формироваться снизу, естественным путем. Каждая страна отличается особенностями зарождения общественных народных инициатив: где-то импульсом могут стать профсоюзные организации, где-то – общественные организации и движения.

Сегодня Россия находится в непростой ситуации. Вызовы извне, попытки зарубежных сил расшатать российскую государственность в совокупности с внутренней недоразвитостью политической системы создают опасность дестабилизации политического курса России. Необходимо понимать, что общественно-политическая система Российской Федерации в постсоветский период имеет свои закономерные этапы развития. Это связано с естественными процессами трансформации конституционных демократических основ и принципов, и с установлением организационно-правовых условий функционирования общественно-политических институтов. В частности, общественные движения до настоящего времени в России не имеют четких организационных рамок своей деятельности и форм взаимодействия с государством, а к политическим партиям начиная с 2001 г. предъявляются требования к численному составу: вначале 10 тыс. чел., затем увеличение до 50 тыс. и сокращение до 500 чел. [4]. Такие частные преобразования партийной системы в условиях неразвитости общественно-политических движений не способствовали формированию устойчивой политической системы государства.

Теоретический анализ

Для российского опыта демократического развития деятельность общественных движений не отличается устойчивым развитием. Ученые пытаются дать определение общественному движению, наиболее распространенные сводятся к тому, что это «тип коллективного действия, направленного на изменения» [5, с. 96]. Э. Гидденс отмечает: «Общественные движения – это коллективная попытка достижения общих интересов и целей в результате коллективных действий, выходящих за пределы институциональной деятельности» [6, с. 585].

Анализ законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что за этим институтом в России не закрепляются функциональные роли в механизме государственного управления. Сегодня общественные движения в нашей стране выполняют общие функции наряду с иными общественными институтами, в своей основе направленными на защиту прав и свобод граждан. Безусловно без механизма «общественной защиты» демократическое государство существовать не может. «Защита прав

и свобод человека и гражданина в обществе не может быть эффективной, если включает в свой механизм деятельность только уполномоченных органов власти и их должностных лиц, поскольку в силу объективных причин “профессиональные правоохранители” не могут предотвратить каждое правонарушение и восстановить в полном объеме все нарушенные права» [7, с. 210]. Вместе с тем современное общественное развитие России позволяет выделить в отдельную группу такую разновидность общественных движений, как общественно-политическое движение. Более того, с учетом особенностей сегодняшнего состояния российской партийной системы именно общественно-политические движения должны стать фундаментальной опорой становления новых политических сил, пользующихся электоральной поддержкой, и укрепления существующих политических партий.

Если обратиться к истории, то одним из первых законов, еще в СССР, регулирующих деятельность рассматриваемого института, был Закон СССР «Об общественных объединениях» 1990 г. [8]. Этот закон содержал понятие «массовое движение». Тогда в основу формирования и функционирования общественных объединений еще ставились общественно полезные цели – защита прав граждан, удовлетворение профессиональных и любительских интересов, развитие художественного творчества и т.д. – как отголоски советской истории, для которой было характерно закрепление руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза и такой формы общественной самоорганизации, как профсоюзные организации и трудовые коллективы. В соответствии со ст. 7 Конституции РСФСР 1978 г., профессиональные союзы, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации могли участвовать в управлении делами государства. Большой вклад в обсуждение и решение государственных и общественных дел, в планирование производства и социального развития вносили также трудовые коллективы [9]. Если обратиться к законам о выборах депутатского корпуса советского периода, то можно сделать вывод, что депутаты избирались от таких общественных организаций, как Коммунистическая партия Советского Союза, ВЛКСМ, кооперативные организации, а также творческие и научные союзы, объединения женщин [10]. Как мы видим, на этом этапе упоминаний об общественном движении как активном участнике политических процессов не было.

Ранний период постсоветского развития связан с изменением круга субъектов общественно-политической жизни страны. К примеру, в первом законе о выборах Президента РСФСР

1991 г. говорится, что кандидаты на должность Президента РСФСР могут быть выдвинуты политическими партиями, профессиональными союзами и **массовыми общественно-политическими движениями** (ст. 7) [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что само определение «массовое общественно-политическое движение» появилось в России в 1990 г. в связи с принятием, во-первых, Закона СССР «Об общественных объединениях» (1990 г.), а во-вторых, с развитием избирательного законодательства России.

Эмпирический анализ

Последующее развитие рассматриваемого института было связано с принятием Федерального закона «Об общественных объединениях» 1995 г., закрепившего формы создания общественных объединений, включая общественное движение. Базируясь на выводе о необходимости выделения отдельной разновидности общественного движения, такого как общественно-политическое движение, в качестве основы для создания политических партий в будущем, интересно проследить их роль в процессе организации и проведения выборов в России как наиболее действенном институте прямой демократии. Мы уже отмечали, что в советский период общественные движения не закреплялись в качестве субъекта общественно-политической жизни общества. После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. и закрепления в ней демократических основ политической организации государства [12] первые федеральные законы о выборах, к примеру «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 1995 г., закрепили такое новое для России понятие, как «избирательное объединение» [13]. В 1995 г. под избирательным объединением понималось общественное объединение, устав которого предусматривает участие в выборах, соответственно, общественные движения также имели право на выдвижение кандидатов в депутаты Государственной Думы 2-го созыва. Тогда, на выборах в 1995 г., состав зарегистрированных кандидатов был очень большим и разношерстным, и в процедуре выдвижения кандидатов принимали участие не только общественные движения, но и избирательные блоки, в которые они могли входить. В последующем понятие «избирательное объединение» менялось и трансформировалось под влиянием развития избирательного законодательства страны. Так, в контексте Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 1999 г.

избирательное объединение – это политическое общественное объединение (политическая партия, политическая организация, политическое движение) [14]. Соответственно, мы видим, что акцент смещается в сторону политической составляющей. Также можно констатировать, что закон предусматривал организационные формы, отсутствующие, в частности, в Федеральном законе «Об общественных объединениях».

Юридически не было закрепления понятия «политическая организация», «политическое движение», существовало лишь понятие «общественное движение». Это еще раз свидетельствует о том, что не было и нет до сих пор четких организационных форм и целей деятельности общественных движений. Последующее развитие российского законодательства и переход в 2005 г. на полностью пропорциональную избирательную систему в отношении выборов депутатов, вначале на федеральном уровне, затем и региональном, было связано с исключением общественных движений из круга субъектов выдвижения кандидатов на выборные должности федерального и регионального уровней.

Ныне действующий Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» понятие «избирательное объединение» предусматривает, но дает пояснение, что применительно к выборам федерального и регионального значения избирательным объединением являются политические партии [15]. Только по отношению к выборам в органы местного самоуправления можно говорить о таком субъекте выдвижения кандидатов, как общественные движения.

Результаты

В настоящее время перед Россией стоит задача укоренения и дальнейшего развития ее демократических институтов. Демократический механизм управления – это собирательное системообразующее понятие, его звенья должны пронизывать все сферы деятельности государства, а не только его политическую сферу. Современная партийная система Российского государства не отличается стабильным устойчивым характером. Существование большого количества зарегистрированных политических партий – еще не показатель демократии. Если на май 2019 г. в России была зарегистрирована 61 политическая партия, то на январь 2021 г., по данным Министерства юстиции РФ, их осталось 39 [16]. Данные изменения связаны с нестабильными требованиями к численному составу политических партий, а также организационными условиями их функционирования.

Политические партии должны отражать взгляды и настроения людей, вносить вклад в развитие общественно-политической жизни государства. «При условии функционирования в стране реально демократического политического режима политические партии формируются посредством самоорганизации активных слоев общества, как правило, с целью участия в избирательных кампаниях» [17, с. 270]. Политические партии, которые не участвуют в выборах, поскольку не могут обеспечить себе электоральную поддержку в процессе сбора подписей, или партии, которые по результатам выборов набирают менее одного процента, – разве это политические силы, на которые можно положиться обществу и государству? Политические партии не могут появиться из ниоткуда. Первые политические партии в мире были образованы на основе либо рабочего представительства, либо общественно-политических течений. В сложившейся ситуации в России общественно-политические движения способны стать тем фундаментом, на основе которого со временем может сложиться крепкая политическая сила. Соответственно, необходимы правовые механизмы их активного участия в общественно-политической жизни страны.

Можно предложить два направления развития законодательства в рассматриваемой сфере.

1. Расширение участия общественно-политических движений в выборах. Необходимо предусмотреть такое участие не только на выборах в органы местного самоуправления, как это есть в настоящий момент, но и на уровне субъектов Российской Федерации. Сегодня в России все больше делается выбор в пользу мажоритарной избирательной системы, в ее рамках вполне могут выдвигать кандидатов и общественные движения. Это придаст им новый вектор развития. Прогрессивные и неравнодушные слои общества не будут стараться сразу зарегистрировать политическую партию, а апробируют свои политические амбиции на иных формах общественной организации.

2. Участие общественных движений в механизме осуществления общественного контроля. Политические партии традиционно, еще на самых истоках формирования институтов общественного контроля, не участвовали в процессе его осуществления. В свою очередь, общественные движения могли бы осуществлять такую роль, в том числе и в рамках избирательного процесса, участвуя, к примеру, в наблюдении за ходом проведения голосования.

Для реализации указанных выше предложений необходимо законодательно закрепить понятие «общественно-политическое движение» как форму общественного объединения, пресле-

дующую цель участия в управлении делами государства посредством выдвижения общественных инициатив, осуществления общественного контроля и участия в выборах.

Список литературы

1. Макаров Е. П. Джон Барнард и торговая элита лондонского Сити в политико-финансовой жизни Великобритании 1730–1760-х гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3. С. 148–151.
2. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М. : Феникс, 1994. 688 с.
3. Скокова Ю. А. Социология общественных движений : возможности и ограничения основных теоретических концепций // Социс. Социологические исследования. 2014. № 3. С. 132–140.
4. О политических партиях : федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019 № 423) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950 ; 2019. № 49 (ч. 5), ст. 6982.
5. Здравомыслова Е. А. Социология общественных движений – становление нового направления // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 500–522.
6. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал, 1999. 704 с.
7. Румянцев С. А. Федеральные общественные движения : реализация гражданской самозащиты или присвоение публичных полномочий // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 210–213.
8. Об общественных объединениях : закон СССР от 09.10.1990 № 1708-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 42, ст. 839.
9. Конституция (Основной закон) РСФСР от 12.04.1978 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15, ст. 407.
10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41, ст. 617.
11. О Выборах Президента РСФСР : закон РСФСР от 24.04.1991 № 1096-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 17, ст. 510.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237; 2020. № 144.
13. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 21.06.1995 № 90// Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 26, ст. 2398.

14. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 24.06.1999 № 121 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3178.
15. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67 (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; 2020. № 31 (ч. 1), ст. 5026.
16. Министерство юстиции Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 30.01.2021).
17. Троицкая Т. В. Становление и развитие условий организации и деятельности политических партий в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 269–276.
9. The Constitution (Basic Law) of the RSFSR of 12.04.1978. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR], 1978, no. 15, art. 407 (in Russian).
10. The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the seventh extraordinary session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation of 7 October 1977). *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR], 1977, no. 41, art. 617 (in Russian).
11. On the Elections of the President of the RSFSR. Law of the RSFSR 1096-1 of 24.04.1991. *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR], 1991, no. 17, art. 510 (in Russian).

References

1. Makarov E. P. John Barnard and trading elite of the City of London in the political and financial life of Great Britain in 1730–1760s. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy Sciences*, 2015, vol. 17, no. 3, pp. 148–151 (in Russian).
2. Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Feniks Publ., 1994. 688 p. (in Russian).
3. Skokova Yu. A. The sociology of social movements: Opportunities and limitations of the main theoretical concepts. *Sociological Studies*, 2014, no. 3, pp. 132–140 (in Russian).
4. On Political Parties. Federal Law 95-FZ of 11.07.2001 (an edition of 02.12.2019). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 29, art. 2950; 2019, no. 49 (pt. 5), art. 6982 (in Russian).
5. Zdravomyslova E. A. Sociology of social movements – the formation of a new direction. In: V. A. Yadov, ed. *Sotsiologiya v Rossii* [Sociology in Russia]. Moscow, Institute of Sociology of RAS Publ., 1998, pp. 500–522 (in Russian).
6. Giddens E. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Editorial Publ., 1999. 704 p. (in Russian).
7. Rumyantsev S. A. Federal civil society organizations: Implementation of civil self-defense or assignment of public powers. *Vestnik Vladimirskogo uridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Law Institute], 2020, no. 1 (54), pp. 210–213 (in Russian).
8. On Public Associations. Law of the USSR 1708-I of 09.10.1990. *Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR], 1990, no. 42, art. 839 (in Russian).
12. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1993, no. 237; 2020, no. 144 (in Russian).
13. On the Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Federal Law 90 of 21.06.1995. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 26, art. 2398 (in Russian).
14. On the Election of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Federal Law 121 of 24.06.1999. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 26, art. 3178 (in Russian).
15. On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation. Federal Law 67 of 12.06.2002 (an edition of 31.07.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253; 2020, no. 31 (pt. 1), art. 5026 (in Russian).
16. *Ministerstvo justitsii Rossiiskoi Federatsii* (Ministry of Justice of the Russian Federation. Site). Available at: <https://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok> (accessed 30 January 2021) (in Russian).
17. Troitskaya T. V. Formation and development of organization and activity conditions of political parties in Russia. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 269–276 (in Russian).

Поступила в редакцию 14.02.2021, после рецензирования 20.02.2021, принята к публикации 30.03.2021

Received 14.02.2021, revised 20.02.2021, accepted 30.03.2021

Научная статья

УДК 321.74

Историко-правовые и идейно-политические предпосылки формирования и развития института народного контроля в СССР

Е. В. Бердникова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бердникова Елена Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Аннотация. Введение. Дискуссионность большинства аспектов, связанных с содержанием и сущностью народного контроля, оценкой его исторической роли и значения в системе государственного управления советского периода, эффективности правового регулирования и политических проблем его реализации, до сих пор порождает неподдельный интерес научного сообщества к исследованию данного феномена. **Теоретический анализ.** Народный контроль в СССР представлял собой как развитую идейно-политическую концепцию, так и реальный политико-правовой институт. Основоположителем концепта народного контроля был В. И. Ленин, который в своих многочисленных трудах представил четкое обоснование его необходимости в условиях социалистической демократии. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что на процесс развития института народного контроля в советской России во многом повлияло мировоззрение высшего руководства страны, которое демонстрировало полиморфизм мнений по вопросу роли и значения народного контроля в системе социалистического управления. Выделяются три этапа формирования и функционирования системы народного контроля в советской России, имеющих особенности организационно-институционального характера. **Результаты.** Исследование идейно-политических и историко-правовых предпосылок формирования народного контроля позволило прийти к выводу о том, что народный контроль являлся специфическим институтом, характерным для социалистического типа государственного управления. Он прошел достаточно сложный исторический путь: от рабочего контроля в первые годы советской власти до весьма сложной в организационно-институциональном смысле системы государственно-общественного контроля в последние десятилетия существования СССР.

Ключевые слова: народный контроль, социалистическая демократия, рабочий контроль, социалистический контроль

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Народный контроль в системе советской демократии: институционализация, формы и методы осуществления, проблемы ответственности» № 21-011-43027).

Для цитирования: Бердникова Е. В. Историко-правовые и идейно-политические предпосылки формирования и развития института народного контроля в СССР // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 323–328. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-323-328>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical, legal, ideological and political prerequisites for the formation and development of the institution of people's control in the USSR

E. V. Berdnikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Abstract. Introduction. The controversial nature of most of the aspects related to the content and essence of people's control, the assessment of its historical role and significance in the system of state administration of the Soviet period, the effectiveness of legal regulation and the political problems of its implementation still arouses a genuine interest of the scientific community in the study of this phenomenon. **Theoretical analysis.** People's control in the USSR was both a developed ideological and political concept and a real political and legal institution. The founder of the concept of people's control was V. I. Lenin, who, in his numerous works, described a clear justification of its relevance in the conditions of socialist democracy. **Empirical analysis.** It was revealed that the process of development of the institution of people's control in Soviet Russia was largely influenced by the worldview of the country's top leadership, which demonstrated polymorphism of opinions on the role and significance of popular control in the system of socialist governance. There are three stages of formation and functioning of the system

of people's control in Soviet Russia, which had their organizational and institutional features. **Results.** The study of the ideological, political and historical and legal prerequisites for formation of popular control led to the conclusion that popular control was a specific institution characteristic of the socialist type of government. It passed a rather difficult historical path: from workers' control in the first years of Soviet power to a very complex organizational and institutional system of state and public control in the last decades of the existence of the USSR.

Keywords: people's control, socialist democracy, workers' control, socialist control

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project "The people's control in the system of a Soviet democracy: institutionalization, forms and methods of implementation, problems of continuity" No. 21-011-43027).

For citation: Berdnikova E. V. Historical, legal, ideological and political prerequisites for the formation and development of the institution of people's control in the USSR. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 323–328 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-323-328>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Феномен советской модели демократии до сих пор является предметом оживленных дискуссий, затрагивающих как онтологическую жизнеспособность самой концепции «диктатуры пролетариата», так и оценку институциональной основы развития общественно-политического строя в СССР. Особый интерес в данном контексте приобретает научный анализ народного контроля в механизме публичного управления Советского государства, ставящий целью не только подтвердить особую историческую роль данного института в процессе формирования и развития идеи «социалистической демократии», но и определить точки бифуркации в эволюции политико-правового механизма гражданского участия в управлении делами Российского государства.

Актуальность исследования заявленной проблематики напрямую обусловлена необходимостью изучения народовластия как определяющего фактора развития социалистической модели общества, востребованностью исследования положительных практик и недостатков использования народного контрольного механизма в период существования СССР. Анализ народного контроля как исторического явления и политико-правового института требует использования теоретико-методологических подходов различных наук, поскольку необходимо определить исторические этапы его становления и развития, его место в конституционно-правовой концепции народовластия в СССР, эволюцию правового регулирования народного контроля, связь с другими политическими институтами и обусловленность идеологическими особенностями советской эпохи.

Демократический транзит России ознаменовал обоснованную потребность в развитии полноценного гражданского общества, необходимость пересмотра уже сложившихся и внедрения новых принципов и форм взаимодействия власти и граждан. В том числе произошла кардинальная переоценка социальной роли общественного контроля, который стал рассматриваться как важный

элемент, направленный на совершенствование государственного управления, способный обеспечить открытость и гласность деятельности органов власти, бороться с коррупционными практиками и обеспечивать защиту прав и свобод человека. Вместе с тем ряд недостатков, сопровождавших функционирование системы народного контроля в советский период, достался в «наследство» современному механизму общественного контроля, что предопределило существующие политико-правовые проблемы, препятствующие его полноценной институционализации как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ.

Научный запрос на комплексное и детальное изучение правовой природы и политической ресурсности народного контроля в СССР обусловлен, в первую очередь, проблематикой институциональной преемственности системы и методологии общественного контроля за деятельностью органов публичной власти на современном этапе развития Российского государства.

Теоретический анализ

Анализ исторической роли и основных этапов развития народного контроля в СССР позволяет прийти к выводу о его двойственной природе: с одной стороны, народный контроль следует рассматривать как концепт, сформировавшийся в русле идей марксистско-ленинской философии, обосновывающих социалистический тип общества и особенности демократии в Советском государстве, с другой стороны, он представлял собой реальный политико-правовой институт, имевший свое нормативно-правовое обеспечение, целостную иерархическую структуру, выполнявший в политической системе СССР отведенные ему функции и полномочия.

Следует отметить, что в идеологическом плане концепция демократического контроля была генетически имплементирована в советскую систему государственного управления. Демократия и народовластие рассматривались в качестве важнейшего фактора развития социалистической модели общества, а в ее основе ведущее место отводилось особому типу контроля – социа-

листическому, основанному на теоретических представлениях и фундаментальных принципах, разработанных В. И. Лениным, который отмечал: «Все руководящие советские учреждения, как-то: исполкомы, губернские и общегородские Совдепы и т. п., обязаны немедленно перестроить свои работы таким образом, чтобы на первое место встал фактический контроль за действительным осуществлением постановлений центральной власти и местных учреждений...» [1, с. 366].

По мнению В. И. Ленина, «учет и контроль – вот главное, что требуется для “налажения”, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок» [2, с. 101].

Согласно целостному представлению апологетов марксистско-ленинской философии относительно государства, оно, по их мнению, являлось аппаратом насилия одного класса над другим, поэтому в будущем, при переходе к коммунистическому обществу, должно было исчезнуть. Находясь на начальной фазе построения социалистической демократии с переходом политической власти в руки угнетенного класса, государство становится необходимым орудием удержания власти большинства над эксплуататорским классом. Советская власть и советское государство, существующее в форме пролетарской диктатуры, выступали средством подавления «буржуазии со стороны победоносного пролетариата, направленным против всех и всяких попыток реставрировать (постановить) прошлое» [3, с. 5].

В структуру социалистического контроля традиционно включались:

- 1) государственный контроль – осуществляемый по линии органов государственной власти, зачастую специально создаваемыми органами и инспекциями;
- 2) государственно-общественный или народный контроль;
- 3) партийный контроль, считавшийся ядром всех форм социалистического контроля;
- 4) общественный контроль, осуществляемый профсоюзами, комсомольской и иными общественными организациями;

5) гражданский контроль, который рассматривался как контроль отдельных граждан за правильностью действий отдельных органов и должностных лиц, реализуемый посредством жалоб и обращений, открытых писем и выступлений на публичных мероприятиях.

В. И. Ленин олицетворял народный контроль с самой сущностью социалистического строя, рассматривал его как доминантный институт советской демократии. Вместе с тем изначально речь дословно шла не о народном, а о рабочем контроле. В своих работах он отмечал следующее: «Учет и контроль – вот главная экономическая задача каждого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще» [4, с. 199]. Политическое господство пролетариата, по его мнению, выражалось как раз в возможности осуществлять массовый учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов. Переход в собственность народа земли, банков, фабрик, заводов само по себе предопределило потребность учета и контроля производства и распределения продуктов, что представляло прямой путь к победе социализма [4, с. 199–201].

В трудах В. И. Ленина неоднократно подчеркивалось, что рабочий контроль является неперенным условием диктатуры пролетариата. Признавая роль народных масс решающим фактором в социалистическом строительстве, он требовал, чтобы органы контроля создавались на основе активного участия в них трудящихся, стали школой коммунистического воспитания народа и подготовки населения к управлению государством. По мнению В. И. Ленина, когда большинство населения начнет производить такой контроль самостоятельно и повсеместно «за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки», тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным.

Так или иначе, предпосылками и основным вектором развития народного контроля стали не только собственно идеи и концептуальные воззрения апологетов марксистско-ленинской философии, но и организационно-институциональная среда формирующейся политической системы социалистического типа. Формационный подход советского руководства к конституированию государства и его основных институтов напрямую предопределил внедрение народного контроля в систему государственного управления. Особенности советской экономики, базирующейся на

общественной собственности на средства производства, плановой основе развития народного хозяйства, участия трудящихся в управлении производством, предопределили понимание народного контроля как действенного средства укрепления государственной, финансовой и трудовой дисциплины [5, с. 6].

Концепция народного контроля имела ярко выраженную политическую окраску, а потому ее содержание и развитие зависели от смены советского руководства и его политических предпочтений. Так, И. В. Сталин на XVII съезде ВКП(б) отметил: «Нам нужна теперь не инспекция, а проверка решений центра, нам нужен теперь контроль над исполнением решений центра» [6, с. 35]. Именно по его инициативе в 1934 г. была упразднена Рабоче-Крестьянская инспекция, что фактически заместило народный контроль контролем партийным. Во многом такой подход был детерминирован не столько «культом личности» самого Сталина, как позже будет расценено на XX съезде ЦК КПСС, сколько требованиями политической целесообразности, вызванной необходимостью укрепления партийной дисциплины и решения задач внешнеполитического толка.

Акцент в политике, связанной с народным контролем, сменился с приходом к руководству ЦК КПСС Н. С. Хрущева. В этот период принимается Третья программа КПСС, в которой в числе основных задач партии в области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии провозглашается осуществление постоянного государственного и общественного контроля посредством функционирования органов контроля, сочетающих государственный контроль с общественной инспекцией в центре и на местах. Партия рассматривала инспекции народного контроля как действенное орудие вовлечения широких народных масс в управление делами государства, в осуществление контроля за строгим соблюдением законности, как орудие совершенствования государственного аппарата, искоренения бюрократизма, своевременного претворения в жизнь предложений трудящихся [7, с. 239].

Выступая на XXII съезде ЦК КПСС в 1962 г., Н. С. Хрущев отметил, что каждый советский человек должен стать активным участником в управлении делами общества. Он также указал, что в данном русле партия будет идти по пути передачи большего числа государственных функций общественным организациям. Анонсированное на XXII съезде ЦК КПСС перерастание социалистической государственности в общественное самоуправление требовало, по мнению Н. С. Хрущева, возврата к ленинским

идеям о народном контроле, ведь без активного привлечения широких масс нельзя строить работу органов государственного контроля. Он отмечал, что общественный контроль, строгая проверка исполнения решений – это и есть одна из форм приведения в действие принципов критики и самокритики [8, с. 118]. Высказанные на ноябрьском Пленуме 1962 г. Н. С. Хрущевым идеи нашли институционализированное воплощение в органах народного контроля, которые были созданы в 1965 г. и в дальнейшем получили соответствующее конституционно-правовое обоснование.

Политическая оценка руководством страны института народного контроля в последние годы существования СССР не менялась. Например, К. У. Черненко в своей речи на Всесоюзном совещании народных контролеров 5 октября 1984 г. назвал народный контроль неотъемлемой и ничем не заменимой частью системы управления советским обществом [9].

Период перестройки представил новый подход к рассмотрению народного контроля и его роли в социалистическом обществе. Курс на переосмысление демократических основ Советского государства базировался в первую очередь на идее социалистического самоуправления, которая достаточно тесно увязывалась и с концепцией народного контроля. М. С. Горбачев, выступая на XIX Всесоюзной конференции КПСС, отметил, что для борьбы с ведомственностью и местничеством необходимо укреплять демократический контроль снизу, со стороны трудящихся. Кроме того, он отметил важность создания государственного аппарата нового типа, основанного на высоком профессионализме кадров, владеющего современными информационными технологиями, демократически контролируемого народом, способного двигать экономический и социальный прогресс [10, с. 64]. На июньском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. указывалось, что народный контроль должен стать действенным средством выявления назревших вопросов, одной из важнейших форм вовлечения масс в процесс самоуправления делами государства и общества [11, с. 103]. Вместе с тем в условиях трансформации идейных установок относительно будущего организационно-институционального дизайна системы государственного управления, по мнению руководства, должна была видоизмениться и концепция народного контроля. Однако четкого видения и понимания, каким должен стать данный институт в условиях демократического транзита, у руководства на тот момент не было, что в итоге привело к его окончательному упразднению в 1990 г.

Эмпирический анализ

Идеологические установки, формировавшие в представлениях руководства государства относительно содержания и роли народного контроля, непосредственным образом повлияли на его институциональный генезис. На сегодняшний день можно выделить три основных исторических этапа развития института народного контроля в советской России:

Первый этап – с ноября 1917 г. по июль 1918 г. – формирование системы рабочего контроля. В этот непростой исторический период ломки старой политической системы и замены ее на новую – социалистического толка – идея народного контроля нашла свое отражение в форме рабочего контроля, который был юридически закреплен в Положении о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. [12, с. 83]. Однако уже в июле 1918 г. был учрежден Народный комиссариат государственного контроля РСФСР, который подменил функции рабочего контроля на сугубо государственный.

Второй этап – с февраля 1920 г. по февраль 1934 г. – формирование системы рабоче-крестьянского контроля. Декретом ВЦИК РСФСР от 7 февраля 1920 г. [13] государственный контроль как в центре, так и на местах был реорганизован в единый орган социалистического контроля – Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской инспекции, просуществовавший до 1934 г. [14, с. XXI].

Третий этап – с ноября 1962 г. по июнь 1990 г. – формирование и упразднение системы народного контроля в СССР. В этот период принимается ряд нормативных правовых актов, направленных на регламентацию основ конституирования структуры органов, осуществляющих народный контроль, а именно Закона СССР от 9 декабря 1965 г. «Об органах народного контроля в СССР» [15], Положения об органах народного контроля в СССР [16], Закона СССР «О народном контроле в СССР» [17, с. 329], а также законов союзных и автономных республик. Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 16.06.1990 г. «Об упразднении органов народного контроля в РСФСР» [18] система народного контроля была ликвидирована.

Результаты

Оценка идейно-политических и историко-правовых предпосылок формирования системы народного контроля позволила прийти к следующим выводам.

1. Народный контроль как идейно-политическое воззрение получил свое развитие в структуре взглядов и суждений апологетов марксистско-ленинской философии в контексте общего подхода

к рассмотрению специфики социалистического управления и советской демократии, основанной на диктатуре пролетариата.

2. Развитие концепции народного контроля, заложенной в трудах В. И. Ленина, на протяжении существования советского общества менялось в зависимости от направленности государственной политики и политических воззрений высшего руководства по вопросам привлечения широких народных масс к публичному управлению. Траектория восприятия лидерами Советского государства социалистической демократии менялась кардинальным образом: от полного отрицания общественного участия в осуществлении государственного контроля до провозглашения доминирующей роли советских граждан в управлении делами социалистического общества.

3. Институциональное развитие народного контроля во многом предопределялось политическим курсом развития государства. Наивысшей степени правового регулирования и политического одобрения данный институт достиг только в последние десятилетия существования СССР.

Список литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 37. 737 с.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 33. 433 с.
3. Ветошкин М. И. Что такое Рабоче-Крестьянская инспекция. Вологда : Вологодское отд-ние Гос. изд-ва. 1921. 31 с.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 35. 600 с.
5. Сашиников В. И., Кузнецов В. С. Государственный контроль качества. М. : Изд-во стандартов, 1987. 104 с. (Всеобуч по качеству).
6. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М. : Партиздат, 1934. 716 с.
7. Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет : в 3 т. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1962. 591 с.
8. Пленум Центрального Комитета КПСС. 19–23 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1963. 607 с.
9. Черненко К. У. Высокий гражданский долг народного контролера. Речь на Всесоюзном совещании народных контролеров // Правда. 1984. 6 окт.
10. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. : Стенографический отчет : в 2 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1988. 352 с.
11. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25–26 июня 1987 г. М. : Политиздат, 1987. 110 с.

12. Положение о рабочем контроле от 14 ноября 1917 года // Декреты Советской власти : в 18 т. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Госполитиздат. 1957. 625 с.
13. О Рабоче-Крестьянской инспекции : декрет ВЦИК РСФСР от 08 февраля 1920 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1920. № 16, ст. 94.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Госполитиздат, 1958–1965. Т. 40. 506 с.
15. Об органах народного контроля в СССР : закон СССР от 09.12.1965 № 4224-VI // Ведомости ВС СССР. 1965. № 49, ст. 718.
16. Положение об органах народного контроля в СССР : утв. Постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.12.1968 № 1020 // Основные законодательные акты и решения Правительства СССР по вопросам работы центральных учреждений Союза ССР и союзных республик, предприятий и организаций (по состоянию на 1 июля 1969 г.) // Собрание постановлений Правительства СССР. 1969. № 1, ст. 2.
17. О народном контроле в СССР : закон СССР от 30.11.1979 № 1159-X // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. 352 с.
18. Об упразднении органов народного контроля в РСФСР : постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 16.06.1990 г. № 41-I // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 3. Ст. 29.
- of the Soviet Union. October 17–31, 1961. Verbatim Report: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow, Gospolitizdat, 1962. 591 p. (in Russian).
8. *Plenum Tsentral'nogo Komiteta KPSS. 19–23 noyabrya 1962 g. Stenograficheskiy otchet* [Plenum of the Central Committee of the CPSU. 19–23 November 1962. Verbatim Report]. Moscow, Gospolitizdat, 1963. 607 p. (in Russian).
9. Chernenko K. U. High civic duty of the people's controller. Speech at the All-Union Meeting of People's Controllers. *Pravda* [True], 1984, October 6 (in Russian).
10. *XIX Vsesoyuznaya konferentsiya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz, 28 iyunya – 1 iyulya 1988 g.: Stenograficheskiy otchet* [XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 – July 1, 1988: Verbatim Report: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Politizdat, 1988. 352 p. (in Russian).
11. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS, 25–26 iyunya 1987 g.* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU, June 25–26, 1987]. Moscow, Politizdat, 1987. 110 p. (in Russian).
12. Regulations on workers' control of November 14, 1917. *Dekrety Sovetskoy vlasti: v 18 t. T. I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g.* [Decrees of the Soviet government: in 18 vols. Vol. I. October 25, 1917 – March 16, 1918]. Moscow, Gospolitizdat, 1957. 625 p. (in Russian).
13. On the Workers' and Peasants' Inspection. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of February 8, 1920. *Sobraniye zakonov RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR]. 1920, no. 16, art. 94 (in Russian).
14. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works: in 55 vols. 5th ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 40. 506 p. (in Russian).
15. On the bodies of people's control in the USSR. Law of the USSR 4224-VI of 9.12.1965. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Bulletin of the USSR Armed Forces], 1965, no. 49, art. 718 (in Russian).
16. Regulations on the bodies of people's control in the USSR: approved. Decree of the Central Committee of the CPSU, the USSR Council of Ministers of 12.19.1968 no. 1020. In: Main legislative acts and decisions of the USSR Government on the work of the central institutions of the USSR and the union republics, enterprises and organizations (as of July 1, 1969). *Sobranie postanovleniy Pravil'stva SSSR* [Collection of resolutions of the Government of the USSR], 1969, no. 1, art. 2 (in Russian).
17. On people's control in the USSR. USSR Law 1159-X of 30.11.1979. *Svod zakonov SSSR* [Code of Laws of the USSR], 1990, vol. 1. 352 p. (in Russian).
18. On the abolition of the organs of people's control in the RSFSR. Resolution of the Congress of People's Deputies of the RSFSR no. 41-I of 06.16.1990. *Vedomosti SND i VS RSFSR* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation], 1990, no. 3, art. 29 (in Russian).

References

1. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works: in 55 vols. 5th ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 37. 737 p. (in Russian).
2. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works: in 55 vols. 5th ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 33. 433 p. (in Russian).
3. Vetoshkin M. I. *Chto takoye Raboche-Krest'yanskaya inspeksiya* [What is the Workers' and Peasants' Inspection]. Vologda, Vologodskoe otdelenie gosudarstvennogo izdatel'stva, 1921. 31 p. (in Russian).
4. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works: in 55 vols. 5th ed.]. Moscow, Gospolitizdat, 1958–1965. Vol. 35. 600 p. (in Russian).
5. Sashnikov V. I., Kuznetsov V. S. *Gosudarstvennyi kontrol' kachestva* [State Quality Control]. Moscow, Izdatel'stvo standartov, 1987. 104 p. (in Russian).
6. *XVII s'yezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Stenograficheskiy otchet* [XVII Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Verbatim Report]. Moscow, Partizdat, 1934. 716 p. (in Russian).
7. Program of the Communist Party of the Soviet Union. [1961]. *XXII s'yezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 17–31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskiy otchet* [XXII Congress of the Communist Party

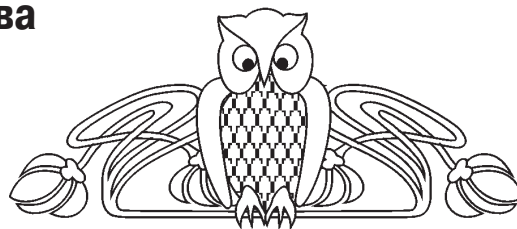
Поступила в редакцию 10.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 30.05.2021
Received 10.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 30.05.2021

Научная статья

УДК 342.734

Конституционные социальные права в странах Европейского союза. Теоретические положения и проблемы реализации

А. С. Бурданова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бурданова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, gons.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9484-4727>

Аннотация. Введение. Социальные права относятся ко второму поколению прав и свобод человека, обеспечивают социальную безопасность, всестороннее развитие личности. Они достаточно широко представлены в национальном законодательстве стран Европейского союза, в первую очередь в профильном законодательстве. Однако этого нельзя сказать о конституционном праве, что связано с различными подходами ученых-юристов и наработанными практиками по правовому регулированию реализации соцгарантий в конкретном государстве. Методологическую основу работы составили общенаучные и специально-юридические методы исследования. **Теоретический анализ.** В научной европейской литературе нет единого подхода к определению основных социальных прав, их сущности, видов, правовых последствиях. Более того, существуют кардинально противоположные точки зрения о необходимости их признания и закрепления на конституционном уровне. Так, дискуссия присутствует в отдельных государствах и Европейском союзе в целом. В правовой доктрине ряда стран, например Германии, применяются широкий и узкий подходы к определению социальных прав. При этом на общеевропейском уровне преимущественно используется широкий подход, который обращает внимание на наличие соцгарантий в конституциях и, соответственно, государственных целевых программах социальной направленности. **Эмпирический анализ.** В целом, Конституции стран ЕС закрепляют отдельные социальные права, которые могут отличаться по фактической форме их выражения в конституционных актах в зависимости от юридических подходов, традиций, исторического пути, экономического и политического опыта конкретного государства. Между тем точка зрения о необходимости признания социальных прав на высшем уровне, несмотря на имеющуюся критику, стала определяющей при их последующем включении в Хартию Европейского союза об основных правах. **Результаты.** В рабочем документе Европарламента выделяются три системы интеграции социальных прав в Основной закон: либеральная (например, Австрия), умеренная (например, ФРГ) и южно-европейская (характерна для Испании, Италии, Португалии, Греции). В то же время сравнение показывает, что для реализации прав второго и третьего поколения недостаточно одного их конституционного закрепления. Необходим общественно-политический консенсус, отражаемый через нормативно-правовые акты, принимаемые законодательным органом. На уровне Европейского союза предпринимаются попытки расширения социальных гарантий, которые сталкиваются с неприятием концепции по унификации социальных прав со стороны отдельных государств-членов.

Ключевые слова: социальные права, конституция, конституционная модель социальных прав, экономика

Для цитирования: Бурданова А. С. Конституционные социальные права в странах Европейского союза. Теоретические положения и проблемы реализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 329–339. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-329-339>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constitutional social rights in the countries of the European Union. Theoretical provisions and problems of implementation

A. S. Burdanova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna S. Burdanova, gons.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9484-4727>

Abstract. Introduction. Social rights belong to the second generation of human rights and freedoms, they ensure social security, all-round development of the individual. They are widely represented in the national legislation of the countries of the European Union, primarily in the relevant legislation. However, the same cannot be said about constitutional law, which is associated with different approaches of legal

scholars and proven practices in the legal regulation of the implementation of social guarantees in a particular state. The methodological basis of the work was formed by general scientific and special legal research methods. **Theoretical analysis.** In the scientific European literature there is no single approach to the definition of basic social rights, their essence, types, legal consequences. Moreover, there are fundamentally opposite points of view about the need for their recognition and consolidation at the constitutional level. Thus, the discussion is on in individual states and the European Union as a whole. In the legal doctrine of a number of countries, for example Germany, broad and narrow approaches are used to define social rights. At the same time, at the pan-European level, a broad approach is mainly used, which draws attention to the presence of social guarantees in the Constitutions and, accordingly, state target programs of a social orientation. **Empirical analysis.** In general, the Constitutions of the EU countries enshrine certain social rights, which may differ in the actual form of their expression in constitutional acts. This form depends on legal approaches, traditions, historical path, economic and political experience of the state. Meanwhile, the point of view about the need to recognize social rights at the highest level, despite the existing criticism, became decisive during their subsequent inclusion in the Charter of Fundamental Rights of the European Union. **Results.** The working document of the European Parliament distinguishes between three systems for integrating social rights into the Basic Law: liberal (for example, Austria), moderate (for example, Germany) and southern European (typical of Spain, Italy, Portugal, Greece). At the same time, the comparison shows that for the realization of the rights of the second and third generations, constitutional consolidation is not enough; a socio-political consensus is needed, reflected through the normative legal acts adopted by the legislative body. In the European Union, attempts are being made to expand social guarantees, which face the rejection of the concept of unification of social rights by individual member states.

Keywords: social rights, constitution, constitutional system of social rights, economics

For citation: Burdanova A. S. Constitutional social rights in the countries of the European Union. Theoretical provisions and problems of implementation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 329–339 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-329-339>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Социальные права достаточно широко представлены в законодательстве любого государства. Это обусловлено как заботой о сбережении «человеческого капитала», так и глубоким пониманием того, что социальная безопасность – это не только пограничный контроль, камеры слежения и органы правопорядка, но и социальная поддержка отдельных слоев населения. Между тем в мировом научном сообществе до сих пор присутствует дискуссия по вопросу конституционного характера социальных прав. Несмотря на признание отдельных видов социальных прав в конституционных актах стран Европейского союза, их объем, способы и характер конституционного закрепления существенно отличаются.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: анализ, синтез, обобщения, классификация. Также использовались специально-юридические методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

В статье проанализированы нормативно-правовые акты, рабочие документы Европейского союза и отдельных государств-членов, представлены основные позиции европейских ученых.

Теоретический анализ

Идея о социальных правах как конституционных старше дискуссии о соотношении правового и социального государства, хотя они и тесно взаимосвязаны [1, с. 19]. Как в российской, так и в западной юридической науке определение, юридическая природа и правовые последствия социальных прав – дискуссионный вопрос.

В России принято рассматривать социальные права как права второго поколения, которые затрагивают социально-экономические условия жизни людей, а также обеспечивают социальную безопасность личности, социальную свободу [2, с. 90]. В частности, Е. А. Лукашева отмечает, что они определяют положения человека в сфере труда и быта, благосостояния, социальной защищенности с целью создания условий, при которых люди могут быть свободны от страха и нужды [3, с. 159].

Распространена точка зрения, что социальные права гарантируют отдельному лицу защиту и поддержку со стороны общества и государства по удовлетворению важнейших жизненных нужд [4, с. 6], без которых не может идти речи о нормальном существовании [5, с. 84].

Таким образом, социальные права – это закрепленные в Основном законе страны возможности человека претендовать на получение от государства определенных материальных благ с целью удовлетворения его жизненных потребностей, необходимых для нормального физиологического, материального и духовного существования и развития [6, с. 7–8].

В отечественной научной литературе вопрос о статусе социальных прав остается открытым. Ряд ученых не рассматривают их как субъективные права, ссылаясь на отсутствие возможности судебной защиты. Иные [2, с. 91] утверждают, что субъективное право необходимо понимать широко, а «правопритязание», помимо судебной защиты, предполагает другие возможности его обеспечения, в том числе в сфере экономических и политических гарантий личности. Как итог, социальные права признаются субъективными.

Для более полного понимания отношения к социальным правам в европейской науке следует обратиться к их истории. Уже Французская Конституция 1793 г. содержала предпосылки конституционного признания социальных гарантий. В раннем европейском социалистическом движении социальные права рассматривались как права человека (в первую очередь – права рабочих), призванные предотвратить обнищание. Позднее они были совмещены с гражданскими правами лиц, не владеющих собственностью на средства производства. В российской литературе существует точка зрения, что признание со стороны государства социальных прав стало реакцией на обострение социальной напряженности в обществе [7, с. 68]. Различные концепции, теории и идеи обосновывали необходимость данного вида прав обеспечением внутренней безопасности и общественного согласия. Именно это переосмысление либеральной правовой государственности стало фундаментом для последующего формирования теории социального государства, дополнения каталога основных прав трудовыми правами и правами в сфере социального обеспечения.

В немецкой литературе, в том числе в рабочих документах органов ЕС, подобные мнения имеются только о начале пути формирования социальных прав [8, с. 15]. В работах современных ученых встречается точка зрения о природе возникновения социальных прав через призму социальной ответственности [9, с. 69]. Согласно этой точке зрения, социальные права имеют глубокие христианские корни, отходят от идеи справедливости, необходимости поддержки неимущих. Например, в Австрии социальные права не были включены в Конституцию в том числе из-за политики секуляризации. В Германии же социальные права по требованию церкви сначала были добавлены в первую Конституцию (in der Frankfurter Paulskirche 1848 г.), а потом и в современный Основной закон 1949 г. [10, с. 113–114].

П. Бадура пишет, что объективно отправной точкой в признании социальных прав стало понимание, что они являются формой реализации индивидуальных и общественных свобод, их социальными последствиями в либеральном правовом государстве [8, с. 17]. В сущности, они подпадают под область действия конституционных прав и свобод человека. Свобода конкретного лица может различаться в зависимости от возможности ее реализации. Таким образом, формальные свобода и равенство могут отличаться от реальных свободы и равенства и поэтому должны обеспечиваться государством. Как итог, идея социальных прав не противостоит ценностям либерального правового государства, являясь его логическим следствием.

Государство должно не только гарантировать формальную свободу, но и противодействовать возникновению пропасти между формальным и фактическим равенством. Именно эта тема на протяжении последних десятилетий обсуждается в юридическом и политическом дискурсе. В частности, речь идет о понимании, что свобода каждого человека обеспечивается только при равном распределении возможностей. Идея основных социальных прав, по существу, направлена на обеспечение социальных предпосылок для осуществления свободы. При этом сомнительно, что «настоящая» свобода действительно может быть установлена или может продвигаться только через основные социальные права.

В Австрии есть мнение [11, с. 3], что социальные права не только исходят из универсальности прав человека, но и призваны, прежде всего, усилить субъективную безопасность каждого. А это уже способствует обеспечению общественной безопасности в целом.

В юридической догматике, обобщенной Бундестагом в 2007 г. [1, с. 16], основные социальные права не имеют единого содержания и могут рассматриваться как программные положения, гарантии, руководящие принципы, меры помощи и поддержки, цели деятельности государства и полномочия законодательных органов власти в социальной сфере.

Основные признаки субъективных прав могут иметь место в отношении социальных, хотя на практике это по большому счету является исключением. Как правило, законодательный орган обязан на регулярной основе подробно определять содержание социальных прав. Ряд ученых считают, что реализация данного вида прав через правопритязание является утопичной, поскольку в действительности социальные права «маскируют» цели и задачи государства [12, с. 1388]. В свою очередь, такой подход имеет значение для судебной защиты социальных прав, которые, как показывает практика, прямо ей не подлежат.

Часто эти права обобщаются термином «основные социальные права», которые гарантируют субъективные притязания на получение пособий в рамках одного из основных прав, другие ученые определяют этот термин шире: в их понимании он охватывает все основные права, относящиеся к социальной сфере. третьи отказываются от четкого разграничения или довольствуются казуистикой основных социальных прав [13, с. 35].

Г. И. Випфельдер в своей работе «Конституционно-правовая кодификация основных социальных прав» приводит следующее определение [14, с. 141]. Социальные права – это права лица, которые он может воспринимать только в своей связи

с другими членами общества и которые могут быть реализованы, если государство принимает на себя обязанность обеспечивать стандарт жизни отдельного гражданина. Социальные права являются дополнением к правам первого поколения, так как без этого минимума нельзя обеспечить социальную безопасность. При этом, в противоположность либеральным правам, которые призваны защищать от государства, социальные права реализуются с помощью государства.

Подобное отношение к определению понятия и сущности социальных прав присутствует и на уровне Европейского союза. При этом использование этого термина в Евросоюзе может отличаться от национального. Поэтому принято проводить различие между основными социальными правами в узком смысле и основными социальными правами в широком [13, s. 30]. В узком смысле социальные права отличны от классических прав и представляют собой требование по предоставлению материальных средств в качестве мер поддержки; в широком – основаны на конституционных правах первого поколения, принципе равенства и предполагают принятие государственных целевых программ по обеспечению равного доступа к основным сферам жизнедеятельности.

Кроме того, имеет место утверждение о неделимости основных прав, что предполагает отказ от их классификации на отдельные виды (личные, гражданские, социальные, экономические и т.д.).

Эмпирический анализ

Несмотря на то что в социалистических и коммунистических государствах преобладало мнение, что социальные права – результат общественно-политического движения, впервые на конституционном уровне они были закреплены в Мексике (1917 г.) и Веймарской Республике Германия (1919 г.). В Восточной Европе социальные права получили статус конституционных после Второй мировой войны под воздействием норм Конституции СССР 1936 г. В настоящее время конституции этих государств представляют симбиоз социальных прав и принципов рыночной экономики. Роль государства как главного распорядителя всех благ и ресурсов в конституционных актах больше не обозначается, а свободный рынок относится к основам конституционного строя. Несмотря на острую дискуссию и критику начала 90-х гг., социальные права были добавлены в новые конституции. При этом в деталях они отличаются от социалистических редакций. Частично из Основного закона ФРГ взяты принципы социальной рыночной экономики (например, в ст. 20 Конституции Польши или преамбуле Конституции Венгрии).

В Чехии основные права закреплены не в Конституции 1992 г., а в Декларации прав и свобод. В гл. 4 содержится каталог социальных прав, который, по мнению европейских ученых, является одним из самых обширных в ЕС и сформулирован как субъективное право [15, s. 35]. Например, абз. 3 ст. 26 устанавливает право каждого зарабатывать на жизнь работой, а государство обязано заботиться о материальном обеспечении граждан, которые неспособны работать. Подробно реализация данного права устанавливается законом. Соответствующие формулировки используются в ст. 28–35 (защита трудовых прав, родителей, семьи, детей, молодежи, право на медпомощь, на социальное обеспечение, на образование, в том числе государственную поддержку во время учебы). Таким образом, объем реализации социальных прав конкретизируется в профильном законодательстве.

В Конституции Эстонии от 28 июня 1992 г. социальные права менее детализированы, чем в Чехии. Отсутствует право на труд, действует либеральное право на свободный выбор профессии и рода деятельности. Закреплены защита семьи, родителей, детей (ст. 27), право каждого на здоровье и помощь гражданам в связи со старостью, нетрудоспособностью, потерей кормильца и бедностью (ст. 28), обязанность государства организовывать профобучение и оказывать помощь в трудоустройстве (ст. 29). Гарантировано право каждого на образование, которое включает возможность обучаться на эстонском языке и получать бесплатное школьное образование в государственных учреждениях.

Современное конституционное строительство в Венгрии связано с Конституцией, принятой 25 апреля 2011 г. В предыдущем Основном законе (1990-х гг.) было три статьи, устанавливающие социальные гарантии: экономическая безопасность, образование и развитие молодежи (ст. 16), забота о нуждающихся (ст. 17), право каждого на здоровую окружающую среду (ст. 18). Новая Конституция предусматривает широкий спектр социальных целей и задач Венгерского государства: защита брака, поддержка рождения детей, защита семьи в соответствии с законом (ст. М); защита и охрана окружающей среды (ст. О); защита свободы обучения и преподавания (п. 1 ст. IX); поддержка женщин, пожилых, инвалидов в соответствии со специально разработанными мерами (п. 5 ст. XV). Как правило, используются следующие формулировки: Венгрия стремится предоставить каждому возможность иметь жилье (ст. XX), а каждому гражданину – социальное обеспечение (ст. XVIII). Формулировки, характерные для субъективных прав, представлены в

праве на образование, праве детей на защиту и заботу об их развитии, трудовых правах (отпуск, благоприятные условия труда и т.д.), праве каждого на сохранение физического и психического здоровья. При этом право во второй части анализируемых статей корреспондирует обязанности государства по его гарантированности. Например, право на сохранение физического и психического здоровья устанавливает, что Венгрия гарантирует его через безопасные условия труда, медобслуживание, возможность регулярной физической активности, защиту окружающей среды (ст. XIX).

В ст. 2 Конституции Польши 1997 г. провозглашено, что Республика является демократическим правовым государством, осуществляющим принципы социальной справедливости. При этом Основной закон, прежде всего, содержит программные положения, обязывающие государство принимать соответствующие практические меры и профильное законодательство по обеспечению минимальных условий жизни людей (разд. 2 ч. 3). Например, ст. 75 закрепляет проведение политики по удовлетворению жилищных потребностей граждан, поддержке социального строительства и мер против бездомности, поощрению действий граждан, направленных на приобретение собственного жилища.

В ст. 2 Конституции Словении содержится оговорка о социальной государственности, которая впоследствии конкретизируется в ст. 50. Так, установлено право на соцобеспечение, здоровье, благоприятную окружающую среду. Также гарантируется право на образование для инвалидов, бесплатное школьное образование, защита и забота о детях, обязанность государства по созданию возможностей для трудоустройства. Статья 78 закрепляет, что государство предоставляет гражданам возможность для обеспечения достойных условий жизни.

За исключением закрепления трудовых прав (на достойные условия труда и справедливую оплату труда – ст. 48; право на отдых, отпуск, свободное время – ст. 49), в Конституции Литвы содержится только право на социальную защиту по безработице. Социальная сфера прописана с формулировкой «государство гарантирует» право граждан на пенсии и прочие соцвыплаты (ст. 52), «государство проявляет заботу о здоровье людей и гарантирует медпомощь, поощряет физкультуру и оказывает содействие спорту» (ст. 53).

Конституция Латвии от 1922 г., дополненная новыми положениями в 1988 г. и обновленной преамбулой в 2014 г., закрепляет социально ответственный характер государства (в преамбуле). Как и у Литвы, Основной закон содержит социаль-

ные права в сфере труда (ст. 107), формулировки «государство защищает»: брак, семью, право жить в благоприятной окружающей среде, здоровье, а также устанавливает права на образование и социальное обеспечение.

Конституции Словакии (1992 г.), Болгарии (1991 г.), Хорватии (1990 г.), Румынии (1991 г.) содержат похожий каталог социальных прав и закрепляют право на труд, соцобеспечение, охрану здоровья и школьное образование. Устанавливаются обязанности государства по защите семьи, материнства, детства, благоприятной окружающей среды. При этом в преамбуле Болгарской Конституции провозглашена решимость создать социальное государство, в ст. 1 Конституции Хорватии закрепляется социальная государственность, в ст. 43 Конституции Румынии – обязанность государства принимать меры экономического развития и социальной защиты, призванные обеспечить гражданам достойный уровень жизни.

В Конституции Дании от 5 июня 1953 г. социальные права отражены слабо (абз. 1 ст. 75 устанавливает обязанность государства предпринимать усилия по предоставлению каждому гражданину работы, обеспечивающей его существование; ст. 76 – школьное образование для детей). По мнению ряда ученых, одной из причин этого служит тот факт, что основные положения Конституции были взяты из Конституции 1849 г. и в дальнейшем развили ее либеральный характер [15, s. 14].

Согласно Конституции Финляндии (1999 г.), социальные права нельзя рассматривать как субъективные и подлежащие конституционной защите [15, s. 26]. При этом в ней установлены: право на бесплатное школьное образование, обязанность государства обеспечить равную возможность на получение иного образования (параграф 16), заботиться о защите трудящихся, содействовать занятости (параграф 18), а также право на соцобеспеченность (параграф 19). Анализ профильного законодательства показывает, что, к примеру, право на социальную помощь может быть защищено в административном суде.

Конституция государства всеобщего благоденствия – Швеции – в параграфе 2 абз. 2 устанавливает, что главная цель власти – личное, финансовое и культурное благополучие человека. Государство обязано обеспечивать права на труд, жилище, образование, содействовать социальному обеспечению, безопасности и хорошим условиям жизни. Эти социальные гарантии подкреплены положениями соответствующего законодательства. На многопрофильную господдержку имеет право каждый, независимо от его финансового положения.

В целом, социальные права в странах Скандинавии успешно обеспечиваются в рамках законодательства, социального партнерства, а также общественно-политического консенсуса. Они эффективно защищаются в рамках трудового права, права социального обеспечения и норм иных отраслей, а также через суд в случае несогласия с действиями исполнительной власти. В то же время скандинавские страны следуют правовой традиции «судебной сдержанности» [15, с. 28]. Она предполагает осторожность судов в толковании конституционных актов, что связано с незыблемостью высокого статуса парламента. При этом, к примеру, в Швеции созданы специальные суды из опасения, что ввиду своей консервативности обычный суд не сможет должным образом защитить социальные требования человека.

Две статьи (23 и 24), закрепляющие социальные права в Конституции Бельгии 1994 г., затрагивают основные сферы жизни человека. Право на достойную жизнь включает права на труд, социальное обеспечение, защиту здоровья, жилье, культурное и социальное процветание, образование. Несмотря на широкий спектр социальных прав, юридическое сообщество Бельгии считает, что их в Конституции недостаточно. Однако это компенсируется обширным профильным законодательством.

В одном из самых старых, модернизированных и полностью переработанных Основных законов – Конституции Нидерландов 1815 г. – гражданам не предоставлены социальные права. Обеспечение социальных условий жизни человека прописано как поручение государству, его обязанность. Например, ст. 22 закрепляет обязанность государства по сохранению национального здоровья, созданию достойного жизненного пространства, а также социально-культурного развития, включая досуг. Голландские конституционалисты выступают против субъективизации социальных прав, в том числе использования формулировок «гражданин имеет право на ...». Они считают, что социальная сфера зависит не только от государства, но и от складывающейся ситуации на рынке. Кроме того, в Конституции нет инструментов для защиты конституционных прав. Статья 120 запрещает судам рассматривать конституционность законов.

Анализ Конституции Ирландии 1937 г., в особенности преамбулы и каталога основных прав, показывает ее глубокий религиозный характер. Традиционные ценности пронизывают все сферы жизни, а используемые формулировки подчеркивают, что создатели Основного закона предпочли программные положения о роли государства в защите справедливого порядка конкретным основным правам, включая социальные.

Конституция Франции 1958 г. закрепляет в своем тексте минимум основополагающих прав и не упоминает о социальных. Ключевые положения, касающиеся прав и свобод, содержатся в преамбуле, которая отсылает к преамбуле Конституции 1946 г., Декларации прав и свобод человека 1789 г., приверженности правам человека и принципам национального суверенитета. Социальные права закреплены в преамбуле Конституции 1946 г., принятой на основе опыта советских стран по защите прав рабочих. В их числе – трудовые права, а также гарантии охраны здоровья, социального обеспечения, отдыха и досуга, равного доступа к образованию и культуре. Как итог, социальные права не имеют такого же признания как личные и политические, провозглашенные декларацией 1789 г. Они требуют соответствующего профильного законодательства и не имеют судебного порядка для их защиты. При этом ст. 1 Конституции устанавливает, что Франция – социальная республика.

Основной закон ФРГ 1949 г., в отличие от Веймарской Конституции, не закрепляет социальных прав. Единственным субъективным правом признается социальное право на защиту материнства. Основная причина заключается в том, что разработчики хотели избежать необходимости постоянной адаптации Конституции к изменяющимся социально-экономическим условиям. При этом закрепляется принцип социальной государственности, который в том числе нацелен на реализацию права на достойную жизнь. Согласно Решению Федерального Конституционного Суда ФРГ от 18 июля 2012 г. [16], это право включает в себя как физическое существование человека, так и реальную способность развивать межличностные отношения и принимать участие в социальной, культурной и политической жизни общества.

В конституционных актах Австрии также не закрепляются социальные права. С 1980-х гг. идет дискуссия об их признании на конституционном уровне. По мнению ученых, это стало бы дополнительной гарантией, поскольку все основные социальные направления уже регулируются социальными конвенциями, соглашениями, в том числе в рамках социального партнерства [12].

Конституции государств Юго-Западной Европы содержат обширный перечень социальных прав, ряд из которых можно трактовать как субъективные с их конкретизацией и установлением соответствующих обязанностей государства. Так, право на труд корреспондирует обязанности государства по созданию соответствующих политических и социально-экономических условий.

Испания и Португалия занимают особое место по конституционному регулированию социальных прав. Авторы конституций этих государств стремились не исключать проблемы социальной сферы, а решать их через конституционный механизм. Они считали, что после десятилетий диктатуры каждый человек должен быть награжден обширным перечнем прав [15, s. 16, 24].

В Испании часть социальных прав, к примеру право на образование, можно защищать в рамках конституционного контроля. Напротив, в Португалии в случае нарушения основных прав нет возможности защищать их в Конституционном Суде (ст. 238 Конституции гласит, что Конституционный Суд может установить факт неконституционности только вследствие пробела в законодательстве и сообщить об этом законодательному органу). Похожая норма есть в Греции. Здесь социальные права, несмотря на их конституционное признание, слабо представлены в профильном законодательстве.

Конституционный Суд Италии играет важную роль в защите основных прав, в том числе социальных. Согласно его правовым позициям, список закрепленных в Конституции социальных прав не является исчерпывающим и считается постоянно дополняющимся [15, s. 20]. Социальные права могут выводиться Судом из сущности Конституции или других прав. Например, из права на здоровье (ст. 32) и права на охрану природы (ст. 9) выведено право на жилье и здоровую окружающую среду.

В конституционных актах малых государств-членов ЕС – Мальты, Люксембурга и Кипра – ярко отражены исторические особенности этих стран. При этом их объединяет одно – закрепление социальных гарантий через программные положения, их регулирование преимущественно профильным законодательством. Так, в Конституции Мальты прописаны задачи государства в сферах труда, образования, социальной поддержки и прочие регулируются во второй главе «Декларации принципов». В ст. 21 главы закреплено, что эти принципы не являются правами и не должны быть обязательными в суде. Они являются основными для управления страной, и целью государства должно быть применение этих принципов в правотворчестве.

Конституция Люксембурга ориентирована на Конституцию Бельгии и других стран-соседей. Используются подобные формулировки: «закон гарантирует право на ...» труд, соцобеспечение, здравоохранение и пр.

Часть 2 «Основные права и свободы» Конституции Республики Кипр устанавливает, что гражданам имеют право на достойный уровень жизни и

на социальное обеспечение. Законом будут предусмотрены защита трудящихся, помощь бедным, а также система социального страхования (ст. 9). Отличительной чертой Конституции Республики является корреспондирование ряда обязанностей по обеспечению права не на государство, а на общины – греческую или турецкую. Например, право на образование (ст. 20) корреспондирует обязанность одной из общин обеспечивать бесплатное начальное образование и дальнейшее обучение своих членов.

Сегодня проблема социальных гарантий, основанных на конституционных правах, возникает не только в национальных правовых системах, но и на уровне Европейского союза в связи с постоянно развивающимся процессом европейской интеграции.

Согласно Лиссабонскому договору, социальная политика и координация вопросов занятости относятся к сфере совместной компетенции ЕС и государств-членов. У Европейского союза широкий спектр возможностей и разработанных мер по гармонизации социальных отношений. С 2009 г. действует Хартия Европейского союза об основных правах [17], которая кодифицирует единый каталог основных прав и включает в него ряд социальных прав. Хартия имеет одинаковый статус с учредительными договорами, что автоматически означает обязательность исполнения ее положений институтами ЕС и государствами-членами. Основные права могут быть предметом разбирательства в Европейском суде в Люксембурге, в юрисдикцию которого входит определение правильного применения Хартии. Также они могут рассматриваться при реализации и применении законодательства ЕС в национальных судах.

Социальные права содержатся в нескольких главах Хартии. В гл. II «Свободы» закреплены право на образование, включая получение бесплатного обязательного образования (ст. 14), свобода профессиональной деятельности и право на труд (ст. 15).

Право детей на защиту и заботу, необходимую для обеспечения их благосостояния (ст. 24), право пожилых людей вести достойную и независимую жизнь, участвовать в общественной и культурной жизни (ст. 25) содержатся в гл. III «Права».

В гл. IV «Солидарность» включены трудовые права, а также право на обращение в бесплатную службу, оказывающую помощь в трудоустройстве (ст. 29), признание права на социальное обеспечение и социальную помощь (ст. 34), право иметь доступ к системе профилактических мер в сфере здравоохранения и право пользоваться медицинской помощью на условиях, предусмотренных национальным законодательством и обычаями (ст. 35).

Таким образом, Европейская Хартия об основных правах демонстрирует неделимость прав человека, их взаимосвязь с социальными, экономическими и культурными условиями. По Хартии, личные и гражданские права едины с социально-экономическими правами [18].

Включение социальных прав в Хартию спровоцировало острую дискуссию. Утверждалось, что это решение повлечет затраты на обеспечение социальных прав, которые к тому же прямо не могут быть реализованы без помощи государства, по сути отличаются от классических конституционных прав, а также ограничивают политическую свободу действий государств. Центральным аргументом в пользу включения этого вида основных прав в Хартию ЕС стал приведенный выше довод о неделимости и универсальности основных прав. В качестве примера приводилось право на труд. В европейских странах работа рассматривается как неотъемлемая часть человеческой жизни, гарантия политической стабильности и предпосылка личной, экономической свободы отдельного лица.

По мнению профессора Ю. Мейера [18], каждый элемент основных прав подразумевает три уровня обязательств государства: уважение, защита и поощрение. С включением основных социальных прав в Хартию ЕС эти обязательства стали применимы ко всем странам, входящим в Союз. По Мейеру, обязанность государства уважать является «чистым актом бездействия». Следовательно, государство должно воздерживаться от любых действий или предотвращать их. По поводу второго уровня обязательств Мейер отмечает: «Обязанность государства защищать применяется везде, где должны быть установлены минимальные стандарты для человека» [18]. Поощрение и защита четко проявляются в отношении дискриминируемых и нуждающихся в помощи слоев населения.

Последующая унификация социальных прав неоднократно обсуждалась на уровне ЕС. Это привело к дебатам между членами национальных делегаций и формированию двух противоположных мнений: ограничение содержания социальных прав и их защиты (немецкая, британская и австрийская делегации) и необходимость более выраженной защиты социальных прав (французская, итальянская, португальская и греческая делегации). Целесообразность дополнительных социальных гарантий обуславливалась тесной связью между социальной интеграцией и интеграцией рынков.

В ноябре 2017 г. Европейский парламент, Совет Европейского союза и Европейская комиссия провозгласили Европейский столп социальных

прав, который устанавливает общие минимальные стандарты, включая справедливую заработную плату, помощь при безработице и адекватные пенсии [19]. Документ включает в себя преамбулу и три главы с ключевыми принципами в 20 областях.

Глава I: «Равенство возможностей и доступ к рынку труда» содержит ключевые принципы в сфере общего и профессионального образования и пожизненного обучения, гендерного равенства, равенства возможностей, активной поддержки занятости.

Глава II: «Справедливые условия труда» – ключевые принципы по безопасной и адаптивной занятости, заработной плате, информации об условиях занятости и защите от сокращения, социальном диалоге и вовлечении работников, совместимости профессиональной и личной жизни, здоровой, безопасной и подходящей рабочей среде и конфиденциальности.

Глава III: «Социальная защита и социальная включенность» в качестве ключевых принципов называет уход за детьми и их поддержку, социальную защиту, пособия по безработице, минимальный доход, пенсионные доходы и зарплаты, здравоохранение, инклюзию, долгосрочный уход, жилье, доступ к необходимым услугам.

Отличительная особенность этого документа – употребление формулировок «право каждого человека на ...», «право работников на...», «право людей с ограниченными возможностями на ...». Например, первая глава включает право на профессиональное образование и пожизненное обучение, право на гендерное равенство и равные возможности независимо от пола, расы или этнического происхождения, религии или мировоззрения, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации. Кроме того, все люди должны иметь право на активную поддержку для улучшения перспектив занятости, к примеру, путем помощи в поиске работы или повышения квалификации.

Вторая глава содержит перечень трудовых прав работников, в частности – права на поддержку профессиональной мобильности и справедливую заработную плату. Кроме того, в единой связке устанавливается обязанность государств-членов поощрять социальное партнерство и права работников на переговоры, проведение слушаний по актуальным трудовым вопросам.

Третья глава включает в себя, в частности, право на раннее образование детей, право безработных на поддержку, право на адекватный возрастной доход, а также право каждого на качественное и доступное здравоохранение и лечение. Люди с ограниченными возможностями имеют право на инклюзивные возможности. Все

люди должны иметь доступ к высококачественному долгосрочному уходу по месту жительства, а также к основным услугам, таким как энергия, вода, физическая активность, финансовые услуги и цифровая связь. Также устанавливается гарантия доступа к жилью и помощь в случае его отсутствия.

Несмотря на то что Столп сформирован как перечень прав и основных принципов социальной направленности, он не имеет статуса обязательных правовых актов, таких как договоры, постановления и директивы ЕС. Соответственно, он отличается от Хартии ЕС об основных правах, поскольку закрепленные в последней социальные права и гарантии являются непосредственно действующими в то время как для реализации Столпа необходимо принятие дополнительных нормативно-правовых актов со стороны ЕС или государств-членов [20].

По мнению профессора У. Беккера, Столп не содержит никаких субъективных прав, поэтому его надо рассматривать скорее как политический инструмент, своеобразный «мягкий закон», который в будущем проявит свое действие через политическое оформление [21].

В этой связи, а также из-за отсутствия судебной защиты перечисленных прав правильно называть эти положения Столпа не правами, а принципами [20].

Если сравнивать содержание принципов с социальными правами, закрепленными в Хартии ЕС, то они сформированы достаточно широко и отвечают современным тенденциям. Так, они предусматривают дополнительные социальные гарантии (например, устанавливается гибкий рабочий график не только лицам с «родительскими» обязанностями, но и всем работникам с обязанностями по опеке и уходу).

Между тем Еврокомиссия разработала меры по реализации каждого ключевого принципа, призванные к дальнейшему укреплению социальных прав в Евросоюзе. В плане действий изложены конкретные инициативы по воплощению в жизнь отдельных положений Европейского столпа социальных прав. В нем предлагаются основные целевые показатели для ЕС к 2030 г. Если брать в пример сферу образования, то в рамках гарантий на обучение на протяжении всей жизни и профессиональную переподготовку действует программа развития профессиональных навыков; по направлению включенности людей с ограниченными возможностями действует стратегия защиты прав инвалидов [22]. Также в 2019 г. было создано Европейское агентство труда (ELA) [23], в задачи которого входят: обеспечение справедливого, простого и эффективного применения правил

Европейского союза по мобильности рабочей силы, координация соцобеспечения, облегчение использования преимуществ внутреннего рынка для граждан и предприятий.

Результаты

Бывший судья Федерального Конституционного Суда ФРГ Г. Симон в начале 1990-х гг. писал, что социальные права, в частности – права на труд, социальное обеспечение и жилье, всегда вызывали напряжение у юристов [13]. Сегодня эта позиция остается актуальной. Однозначной позиции как в теоретическом, так и в практическом поле не существует. Проведенный анализ показывает неоднозначное отношение к возможности закрепления социальных прав в конституционных актах государств-членов Европейского союза. Используются различные подходы к конституционному регулированию социальных гарантий, интегрированию социальных прав в Основной закон страны. В то же время сравнение показывает, что для реализации прав второго и третьего поколения недостаточно одного их конституционного закрепления. Необходим общественно-политический консенсус, отражаемый через законодательные решения.

В рабочем документе Европарламента [15, s. 37], посвященном анализу социальных прав в конституционных актах государств-членов, представлена классификация конституционных систем по интегрированию данного вида прав. Выделяются либеральная (например Австрия, а также Великобритания до выхода из ЕС), умеренная (например ФРГ, Эстония, Венгрия, Словения) и южноевропейская системы (характерна для Испании, Италии, Португалии, Греции).

Либеральная система характеризуется непризнанием социальных прав и, соответственно, отказом от их включения в конституционные акты. Это касается любых форм, в том числе через программные положения, определения целей и задач государства. Выбор такой системы обусловлен либеральными тенденциями в экономике и политике, при которых согласование социальных гарантий и прав достаточно проблематично. Однако это вовсе не говорит об отсутствии социальной помощи и поддержки отдельных лиц со стороны государства. Напротив, эта система лишней раз показывает, что для защиты социальных прав недостаточно только одного их конституционного закрепления. Необходима воля законодателя, которая зависит в первую очередь от решения избирателей. По словам судьи Федерального Конституционного Суда ФРГ С. Баэр, Конституция устанавливает только основные направления социальной политики, соответственно, социальная справедливость

в ее качественном показателе определяется не органами конституционного судопроизводства, а обществом и парламентом [24]. Судья считает, что Конституция без социальных прав является более честной, поскольку не содержит пустых обещаний.

Умеренная система характеризуется сочетанием рыночной экономики с конституционным регулированием социальных взаимоотношений, которые могут закрепляться в виде субъективных социальных прав, государственных целей или программных положений. Например, Основной закон ФРГ устанавливает принцип социальной государственности и обязывает органы власти строго его соблюдать. В скандинавских странах сложился политический надпартийный консенсус о необходимости социальной защиты в условиях рыночной экономики.

Южноевропейская система выделяется широким включением социальных прав в конституции государств. Их авторы предусмотрели все стороны человеческого существования. Встречается много формулировок «каждый имеет право на ...». Однако на практике права реализуются комплексно лишь в редких случаях и не всегда отражены в профильном законодательстве. Частично это подтверждается отсутствием возможности подать конституционную жалобу.

Точка зрения о необходимости признания социальных прав, несмотря на имеющуюся критику, стала определяющей при их последующем включении в Хартию Европейского союза об основных правах.

В ЕС сохраняется тенденция к дальнейшему обсуждению расширения социальных гарантий. Она активно проявилась при провозглашении Европейского столпа социальных прав, его последующей реализации через дополнительные решения, в том числе принятие программ и стратегий.

Список литературы

1. Bericht an den Bundestag über soziale Rechte. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/> (дата обращения: 31.01.2021).
2. Крикунова А. А. Социальные права человека : понятие, система и юридическая природа // Пробелы российского законодательства. 2009. № 4. С. 90–92.
3. Лукашева Е. А. Права человека. М. : Норма. 2015.
4. Путило Н. В. Современное понятие социальных прав человека // Юридический консультант. 2009. № 1. С. 6–10.
5. Козлов А. Е. Социальная политика : конституционно-правовые проблемы. М. : Наука, 1990. 158 с.
6. Снежко О. А. Конституционные основы социальной защиты граждан // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 7–8.
7. Колотова Н. В. Социально-экономические права : особенности конституционного регулирования и защиты // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 67–77.
8. Badura P. Das Prinzip der sozialen Grundrechte und seine Verwirklichung im Recht der Bundesrepublik Deutschland // Der Staat, 1995. S. 17–48.
9. Kirchmair L. Soziale Rechte als Beitrag zur subjektiven Sicherheit. URL: <http://docplayer.org/48184580-Soziale-rechte-als-beitrag-zur-subjektiven-sicherheit-die-geschichte-der-sozialen-grundrechte-in-oesterreich.html> (дата обращения: 31.01.2021).
10. Klein W. Verfassung und Soziale Ordnung. URL: <http://C:/Users/Users/Downloads/729-Artikeltext-1474-1-10-20130417.pdf> (дата обращения: 31.01.2021).
11. Dimmel N. Soziale Grundrechte in der Grundrechtscharta der Europäischen Union. URL: https://books.google.ru/books?id=rBooqLIN3_UC&pg=PA1572&lpg=PA1572&dq=Dimmel.+Soziale+Grundrechte+in+der+Grundrechtcharta+der+Europ (дата обращения: 31.01.2021).
12. Winkler G. Die Grundrechte Österreichs in ihrem Werden und Wandel // Internationale Gemeinschaft und Menschenrechte, Festschrift für Georg Resszum 70. Geburtstag. URL: <https://weber.co.at/wp-content/uploads/2019/02/Weber-Internationale-Gemeinschaft-und-Menschenrechte.pdf> (дата обращения: 31.01.2021).
13. Athen M. Bedeutung und Verbindlichkeit sozialer Grundrechte in der Europäischen Union und in Deutschland im Rechtsvergleich. URL: <https://www.grin.com/document/162776> (дата обращения: 31.01.2021).
14. Wipfelder H.-J. Die verfassungsrechtliche Kodifizierung sozialer Grundrechte // Zeitschrift für Rechtspolitik. 1986. S. 140–149.
15. Arbeitsdokument soziale Grundrechte in Europa. URL: https://www.europarl.europa.eu/workingpapers/soci/pdf/104_de.pdf (дата обращения: 31.01.2021).
16. Решения Федерального конституционного суда ФРГ. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de> (дата обращения: 31.01.2021).
17. Право Европейского Союза. URL: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (дата обращения: 31.01.2021).
18. Schneller H. Die sozialen Grundrechte in der «Charta der europäischen Union». URL: <https://www.grin.com/document/101775> (дата обращения: 31.01.2021).
19. European Pillar of Social Rights. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights_en (дата обращения: 31.01.2021).
20. Matthias D., Pöttsch U. Die europäische Säule sozialer Rechte Maßstab für Sozialpolitik und makroökonomische Koordinierung. URL: https://www.cep.eu/fileadmin/user_upload/cep.eu/Studien/cepInput_Europaeische_Saeule_sozialer_Rechte/cepInput_Saeule_sozialer_Rechte.pdf (дата обращения: 31.01.2021).
21. Eine cege-Diskussionsveranstaltung zu dem Thema der europäischen Säule sozialer Grundrechte. URL: <https://www.uni-goettingen.de/de/604761.html> (дата обращения: 31.01.2021).

22. Европейский столп социальных прав в 20 принципах. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (дата обращения: 31.01.2021).
23. Европейское агентство труда. URL: <https://www.ela.europa.eu/> (дата обращения: 31.01.2021).
24. VerfassungsrichterIn über Gerechtigkeit : «Rechter setzt Sozialpolitik nicht». URL: <https://taz.de/VerfassungsrichterIn-ueber-Gerechtigkeit!/5403871/> (дата обращения: 31.01.2021).
12. Winkler G. The fundamental rights of Austria in their development and change. In: *International Community and Human Rights, Festschrift for Georg Ress on his 70th birthday*. Available at: <https://weber.co.at/wp-content/uploads/2019/02/Weber-Internationale-Gemeinschaft-und-Menschenrechte.pdf> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
13. Athen M. *Significance and binding nature of fundamental social rights in the European Union and in Germany in a legal comparison*. Available at: <https://www.grin.com/document/162776> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
14. Wipfelder H.-J. The constitutional codification of basic social rights. *Journal for Legal Policy*, 1986, pp. 140–149 (in Germany).
15. *Working document on fundamental social rights in Europe*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/workingpapers/soci/pdf/104_de.pdf (accessed 31 January 2021) (in Germany).
16. *Decisions of the Federal Constitutional Court of Germany*. Available at: <https://www.bundesverfassungsgericht.de> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
17. *Law of the European Union*. Available at: <https://eulaw.ru/treaties/charter/> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
18. Schneller H. *Basic social rights in the “Charter of the European Union”*. Available at: <https://www.grin.com/document/101775> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
19. *European Pillar of Social Rights*. Available at: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights_en (accessed 31 January 2021) (in Germany).
20. Matthias D., Pöttsch U. *The European Pillar of Social Rights Yardstick for social policy and macroeconomic coordination*. Available at: https://www.cep.eu/fileadmin/user_upload/cep.eu/Studien/cepInput_Europaeische_Saeule_sozialer_Rechte/cepInput_Saeule_sozialer_Rechte.pdf (accessed 31 January 2021) (in Germany).
21. *A cege discussion on the European Pillar of Fundamental Social Rights*. Available at: <https://www.uni-goettingen.de/de/604761.html> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
22. *The European Pillar of Social Rights in 20 principles*. Available at: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-20-principles_en (accessed 31 January 2021) (in Germany).
23. *European Labour Authority*. Available at: <https://www.ela.europa.eu/> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
24. *Constitutional Judge on Justice: “Judge does not set social policy”*. Available at: <https://taz.de/VerfassungsrichterIn-ueber-Gerechtigkeit!/5403871/> (accessed 31 January 2021) (in Germany).

References

1. *Report to the Bundestag on Social Rights*. Available at: <https://www.bundestag.de/parlament/> (accessed 31.01.2021) (in Russian).
2. Krikunova A. A. Social human rights: Definition, system and legal nature. *Gaps in Russian Legislation*, 2009, no. 4, pp. 90–92 (in Russian).
3. Lukashova E. A. *Prava cheloveka* [Human Rights]. Moscow, Norma Publ., 2015 (in Russian).
4. Putilo N. V. Modern concept of social human rights. *Yuridicheskij konsul'tant* [Legal Consultant], 2009, no. 1, pp. 6–10 (in Russian).
5. Kozlov A. E. *Sotsial'naya politika: konstitutsionno-pravovye problemy* [Social Policy: Constitutional and Legal Problems]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 158 c. (in Russian).
6. Snezhko O.A. Constitutional foundations of social protection of citizens. *Konstitutsionnye osnovy sotsial'noi zashchity grazhdan* [Constitutional and Municipal Law], 2006, no. 7, pp. 7–8 (in Russian).
7. Kolotova N. V. Socio-economic rights: Features of constitutional regulation and protection. *Social Sciences and Contemporary World*, 2013, no. 4, pp. 67–77 (in Russian).
8. Badura P. The principle of basic social rights and its implementation in the law of the Federal Republic of Germany. *The State*, 1995, pp. 17–48 (in Germany).
9. Kirchmair L. *Social rights as a contribution to subjective security*. Available at: <http://docplayer.org/48184580-Soziale-rechte-als-beitrag-zur-subjektiven-sicherheit-die-geschichte-der-sozialen-grundrechte-in-oesterreich.html> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
10. Klein W. *Constitution and Social Order*. Available at: <http://C:/Users/Users/Downloads/729-Artikeltext-1474-1-10-20130417.pdf> (accessed 31 January 2021) (in Germany).
11. Dimmel N. *Basic social rights in the Charter of Fundamental Rights of the European Union*. Available at: https://books.google.ru/books?id=rBooqLIN3_UC&pg=PA1572&lpg=PA1572&dq=Dimmel.+Soziale+Grundrechte+in+der+Grundrechtecharta+der+Europ (accessed 31 January 2021) (in Germany).

Поступила в редакцию 30.03.2021, после рецензирования 10.04.2021, принята к публикации 15.04.2021
 Received 30.03.2021, revised 10.04.2021, accepted 15.04.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–347

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 340–347

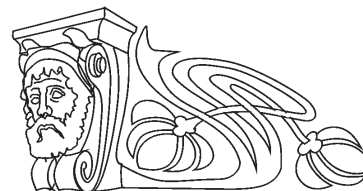
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-340-347>

Научная статья

УДК 342.72/73

Соотношение международной и мусульманской концепций прав человека

Ал Ххафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Ал Ххафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, mohamedalkhafagi815@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6160-8699>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблемам соотносимости международных стандартов в области прав человека, основанных на либеральных ценностях западной цивилизации, с региональными актами мусульманских стран, коррелирующих с исламом. В исследовании анализируются различные точки зрения ученых по вопросам универсализма прав человека и культурного релятивизма. Автор придерживается позиции, согласно которой содержание прав и свобод человека в каждом конкретном сообществе является неоднородным и зависит от его культурно-исторического, религиозного и нравственного развития. **Теоретический анализ.** Проблема соотносимости концепций в области прав человека связана, в первую очередь, с различными подходами существующих правовых систем к восприятию прав и свобод человека. Теоцентрический подход, который разделяется в мусульманском мире, противоположен либеральному, в основе которого лежит антропоцентричность. В большинстве своем мусульманские страны подписали и ратифицировали международные договоры о правах человека, но сделали многочисленные оговорки, свидетельствующие о возможности реализации комплекса прав человека с позиции ислама. **Эмпирический анализ.** Несмотря на разницу во взглядах на объем и содержание прав человека, мусульманские страны стремятся реализовать международный стандарт в области прав человека. Региональные акты мусульманских стран в области прав человека, разработанные во второй половине XX в., подверглись серьезной критике со стороны правозащитных организаций по вопросам гендерного и семейного регулирования, религиозной свободы, самоопределения и др. В настоящее время Организация исламского сотрудничества разработала Декларацию о правах человека, предлагающую современную формулировку позиции мусульманских стран по правам человека. Данный акт, с одной стороны, направлен на сближение правовых позиций со Всеобщей декларацией прав человека, с другой стороны, оберегает базовые исламские ценности. **Результаты.** Изучение региональных актов мусульманских стран в области регулирования прав человека, современных мусульманских концепций прав человека позволило автору сделать вывод о том, что мусульманские страны стремятся не только участвовать в дискуссии по правам человека, отстаивая свою цивилизационную идентичность, но и находить точки сближения исламских взглядов на права человека с международными стандартами.

Ключевые слова: права человека, универсализм, культурный релятивизм, правовые концепции мусульманских стран в области прав человека

Для цитирования: Ал Ххафаджи Мохаммед Абдуладхим Нимах. Соотношение международной и мусульманской концепций прав человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–347. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-340-347>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Correlation of international and regional (Muslim) concepts in the field of human rights

AL Khafaji Mohammed Abduladheem Neamah

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

AL Khafaji Mohammed Abduladheem Neamah, mohamedalkhafagi815@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6160-8699>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the problems of correlation of international standards in the field of human rights, based on the liberal values of Western civilization, with regional acts of Muslim countries, correlating with Islam. The study analyzes various points of view of scientists on the issues of universalism of human rights and cultural relativism. The author adheres to the position that the content of human rights and freedoms in each specific community is heterogeneous and depends on its cultural, historical, religious and moral development. **Theoretical analysis.** The problem of the correlation of concepts in the field of human rights is primarily associated with the different approaches of the existing legal systems to the perception of human rights and freedoms. The theocentric approach, which is shared in the Muslim world, is the opposite of the liberal one, which is based on anthropocentricity. Most of the Muslim countries have signed and ratified international treaties on human rights, but made numerous reservations indicating the possibility of realizing a complex of human rights from

the perspective of Islam. **Empirical analysis.** Despite the difference in views on the scope and content of human rights, Muslim countries strive to implement the international human rights standard. Regional acts of Muslim countries in the field of human rights, developed in the second half of the 20th century, have been severely criticized by human rights organizations on gender and family regulation, religious freedom, self-determination, etc. Currently, the Organization of Islamic Cooperation has developed a Declaration on Human Rights, offering a modern formulation of the position of Muslim countries on human rights. This act is aimed, on the one hand, at convergence of legal positions with the Universal Declaration of Human Rights, on the other hand, it protects basic Islamic values. **Results.** The study of regional acts of Muslim countries in the field of human rights regulation, modern Muslim concepts of human rights allowed the author to conclude that Muslim countries strive not only to participate in the discussion on human rights, defending their civilizational identity, but also to find points of convergence of Islamic views on human rights with international standards.

Keywords: human rights, universalism, cultural relativism, legal concepts of Muslim countries in the field of human rights

For citation: AL Khafaji Mohammed Abduladheem Neamah. Correlation of international and regional (Muslim) concepts in the field of human rights. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 340–347 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-340-347>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Права человека представляют собой комплекс социальных возможностей личности, выработанных человечеством на протяжении всей истории. Эти возможности облекаются в определенную нормативную форму:

– устанавливающую основные идеологические (ценностные) ориентиры общественного развития и стандарты человеческого существования;

– определяющую свободу каждого человека в конкретном сообществе;

– позволяющую определить баланс интересов личности, общества и государства, являющийся основой их взаимодействия и разрешения возникающих противоречий;

– гарантирующую их реализацию, а также социальную и юридическую защиту.

Разработка и принятие Всеобщей декларации прав человека (1948) [1] стали попыткой реализовать на международном уровне западную концепцию прав человека. С точки зрения Декларации и иных норм международного права в момент рождения человек приобретает комплекс прав, воплотивших важнейшие общечеловеческие ценности. «Пренебрежение и неуважение к правам человека привели к варварским актам, которые оскорбили совесть человечества», – зафиксировано в преамбуле Всеобщей декларации [1].

В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, направленными на утверждение и защиту прав человека, их основной задачей является ориентирование государств на признание, уважение и защиту неотъемлемых прав и свобод людей без какой-либо дискриминации.

При этом содержание прав и свобод человека в каждом конкретном сообществе является неоднородным и зависит от его культурно-исторического, религиозного и нравственного развития. Поэтому «право» как возможность личности

необходимо рассматривать не только с формально-правовой точки зрения. Право вбирает в себя исторически сложившиеся культурно-нравственные и морально-этические ориентиры, потому что человек, являющийся субъектом, формирующим и реализующим права и свободы, воспринимает окружающую действительность в соответствии со своим мировоззрением. Изменение ценностных ориентиров всегда влияет как на позитивное право, так и на правоприменение.

Теоретический анализ

Культурное многообразие, верования и традиции отдельных народов должны признаваться другими сообществами, обеспечивая, таким образом, взаимопонимание, терпимость, а также уважение к правам этих народов. М. Д. Херсковиц, рассматривая вопросы декларирования прав человека на международном уровне, выделил проблему соотношения прав личности и учета культурных особенностей различных сообществ. Он отмечал, что права человека «не могут быть ограничены нормами какой-то одной культуры или быть продиктованы устремлениями какого-то одного народа. ... Те люди, что живут согласно ценностям, не учтенным декларацией, окажутся лишены свободы полноправно следовать единственно приемлемому для них образу жизни, общественным институтам, утверждениям и задачам, составляющим культуру их конкретного общества» [2].

Основные права и свободы человека на государственном уровне получают конституционное закрепление. Однако в конституциях арабских стран содержится, как правило, небольшой перечень статей, декларирующих признание прав человека через призму исламского мировоззрения. Например, Конституция Исламской Республики Иран (1979) в ст. 14 фиксирует необходимость соблюдения прав человека «с добротой и исламской справедливостью» [3]. Основной низам Королевства Саудовская Аравия (1992) в ст. 26 опреде-

ляет, что «государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом» [4].

Такая ситуация связана, в первую очередь, с различными подходами существующих правовых систем к восприятию, изучению и реализации прав и свобод человека. Теоцентрический подход, который разделяется в мусульманском мире, противоположен либеральному, в основе которого лежит антропоцентричность. При этом сторонники либерального подхода, разделяемого странами западного мира, выработавшими международные стандарты в области прав человека, навязывают их другим странам, в том числе и исламским, без учета их культурных, религиозных и правовых традиций. Так, в Венской декларации (1993) подчеркивается, что все права человека «универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны... Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально. Хотя значение национальной и религиозной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы» [5]. Декларация хотя и призывает учитывать культурные особенности сообществ, тем не менее, акцент делает на глобальном, комплексном и универсальном восприятии прав человека. В своем философском исследовании «Судьба цивилизации. Путь разума» Н. Н. Моисеев не приемлет универсализм выработанных прав человека. «Понятия о правах человека и человеческих ценностях тесно связаны в сознании людей с теми особенностями цивилизации, к которым они принадлежат» [6, с. 105–107].

М. Н. Марченко, анализируя проблему прав человека в эпоху глобализации, приводит доводы, опровергающие возможность создания «гибрида» в виде универсальных прав. Он считает, что для универсальных прав должен быть создан универсальный механизм их обеспечения. В настоящее время «права человека декларируются как универсальные, а ответственность за их реализацию остается локальной» [7, с. 46]. Локализация позволяет на уровне конкретного региона учитывать особенности правовых культур, а региональные и национальные стандарты – детализировать и «приземлять» универсальные стандарты прав человека [7, с. 46]. Подобного мнения придерживается Э. В. Талапина. Она утверждает, что универсальное право все еще воспринимается на уровне идеи, нуждается в уточнении и предлагает рассматривать универсальность гибко, через соотношение национального и международного,

«допуская формулировку прав человека теми способами и в тех формах, которые являются привычными и характерными для правовой системы конкретного государства» [8, с. 62].

Т. А. Дураев и Н. В. Тюменева, анализируя современные проблемы универсального подхода к правам человека, отмечают утверждение в науке иной концепции – культурного релятивизма, в рамках которой выделяют два направления – радикальное и умеренное [9, с. 353]. Являясь сторонниками умеренного типа культурного релятивизма, исследователи говорят о необходимости минимальных ориентиров для формирования национальных правовых систем. Новые подходы в понимании прав человека, по мнению А. Х. Саидова, должны «исходить из презумпции адекватного понимания и согласования правовых ценностей различных юридических культур» [10, с. 124].

Концепция культурного релятивизма возникла и утвердилась, во-первых, из-за особенностей формирования правосознания в различных цивилизациях. М. Н. Марченко указывает на то, что западные представления, обосновывающие современную концепцию прав человека, существенно отличаются от тех, которые присущи иным культурам. На примере США и Китая он соотносит права отдельного индивида с возможностями их ограничения со стороны государства. В исследовании отмечается, что в США права человека воспринимаются как средство, не позволяющее государству нарушать индивидуальные права своих граждан. Китайская же правовая система воспринимает права человека как «средство формирования и поддержания государством социальной гармонии, при которой социальные ценности различных слоев общества не всегда согласуются с индивидуальными свободами» [11, с. 384].

Л. Р. Сюкияйнен, рассматривая содержание прав и свобод человека в исламском праве, отмечает, что «главной характерной чертой исламского подхода является подчинение человека в его внешне выраженном поведении воле Аллаха» [12, с. 15]. Именно в этом постулате исследователи видят концептуальное различие взглядов правовых системам западных и мусульманских стран как на проблему прав человека, так и на критерии взаимоотношений человека с государством. Так, общепризнанные стандарты прав человека основываются на идеях свободы и равенства, а исламский подход выделяет богобоязненность и справедливость. «Если с точки зрения европейского светского подхода источник власти и закона – нация, то в глазах мусульманских юристов таким источником считается лишь воля Аллаха» [13, с. 2].

Второй причиной, популяризирующей концепцию культурного релятивизма, является устремленность западной цивилизации распространять свою систему ценностей. Однако стремительный рост экономики позволил азиатским странам, и в первую очередь Китаю, не только преодолеть западное воздействие, но сформировать, заявить и придерживаться позиции, согласно которой «наблюдение в области прав человека является нарушением суверенитета страны, а избирательная экономическая помощь, поставленная в зависимость от соблюдения прав человека, нарушает право государств на развитие» [14, с. 304].

Страны арабского мира, идентифицирующие себя с мусульманской цивилизацией, вследствие череды затяжных военных конфликтов утратили свой экономический потенциал. Экономическое превосходство позволяет западным странам, абсолютизируя свои ценности в области прав человека, критиковать и посредством военной мощи подавлять правосознание мусульманских стран, навязывая им свои правовые стандарты. В качестве примера можно привести ситуацию в Ираке. 20 марта 2003 г. вооруженные силы США без санкции ООН в одностороннем порядке начали военную операцию с последующей оккупацией Ирака (до 2011 г.), во время которой стране была навязана Конституция (2005) [15]. А. И. Яковлев, рассматривая модели развития арабских стран, отмечает подобную тенденцию внедрения демократии и в других странах Ближнего Востока [16, с. 82].

С. Хантингтон в качестве основы конфликта между Западом и мусульманскими странами отмечает столкновение цивилизационных подходов, в том числе в области защиты прав человека. «Основная проблема Запада – вовсе не исламский фундаментализм. Это – ислам, иная цивилизация... Для ислама проблема – вовсе не ЦРУ и не министерство обороны США. Это – Запад, иная цивилизация, народы которой убеждены во всемирном, универсалистском характере своей культуры и которые верят, что их превосходящая прочих, пусть и клонящаяся к упадку мощь возлагает на них обязательство распространять свою культуру по всему миру» [14, с. 343].

При этом выдвигаемые в отношении исламских стран обвинения в нарушении прав человека принимаются последними в качестве критики не только мусульманской правовой системы, но и в целом ислама. В этой связи многие исследователи [9, с. 354] отмечают невосприимчивость исламских юристов и политиков к возможности реализации прав человека в исламских странах по западному типу. В качестве примера ими при-

водится факт непризнания Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами Всеобщей декларации прав человека, а также нератификация ими принятых на основе Декларации международных пактов под тем предлогом, что «в них отражена естественно-правовая концепция прав человека, в то время как в исламе эти права являются Божественными и исходят только от Аллаха» [17, с. 180].

В 1981 г. на 36-й сессии ГА ООН представитель Ирана заявил, что Всеобщая декларация прав человека представляет собой «светскую интерпретацию иудео-христианской традиции, которая не может быть реализована мусульманами» [18, р. 60]. В 1998 г. министр иностранных дел Ирана, выступая перед комиссией ООН, призвал к пересмотру Всеобщей декларации прав человека по указанным выше основаниям [18, р. 60].

Однако в большинстве своем мусульманские государства подписали и ратифицировали международные договоры о правах человека, но сделали многочисленные оговорки, свидетельствующие об иных, противоположных западным, взглядах в отношении объема, толкования и практического применения этих прав с точки зрения ислама. Например, в отношении Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1979) [19] такие страны, как Бахрейн, Бангладеш, Кувейт, Малайзия, сделали оговорки по отдельным положениям «для обеспечения ее выполнения в рамках положений исламского шариата» [20]. При этом с точки зрения международного права исламские государства, ратифицировавшие международные акты по правам человека, остаются связанными нормами этих актов перед всем мировым сообществом (концепция *erga omnes*).

Эмпирический анализ

Для реализации международного стандарта в области прав человека организации, представляющие мусульманские страны, разработали региональные акты, сочетающие права человека с исламским правопорядком и освещающие место и роль человека в мусульманском обществе:

– в 1981 г. Всеобщую исламскую декларацию прав человека [21];

– в 1990 г. Каирскую декларацию о правах человека в исламе [22];

– в 2004 г. Арабскую хартию прав человека [23] (впервые Хартия была принята в 1994 г., в 2004 г. она была пересмотрена).

В принятых декларациях закрепляется перечень прав человека, во многом схожий по форме с тем, который содержится во Всеобщей декларации прав человека. Рассматривая критерии, оказывающие серьезное влияние на закрепление

прав и свобод человека в региональных актах мусульманских стран, Т. А. Дураев и Н. В. Тюменева отмечают «внешнее западное влияние», определяющее схожесть исламских документов с актами международного права. При этом «внешняя схожесть (т.е. схожесть формы) не означает тождественности содержания» [24, с. 77]. Основанные на Коране и Сунне, они определяют видение прав человека с точки зрения мусульманского понимания, религиозно-этических норм. Так, во Всеобщей исламской декларации прав человека отмечается, что права человека дарованы Творцом: «Аллах дал человечеству через свои откровения в Коране и Сунне прочную юридическую основу, позволяющую создавать и регулировать институты и человеческие отношения» [21].

Соотношение прав человека с религиозными нормами подчеркивает особый цивилизационный подход исламских доктрин в области прав человека. Рассматривая права человека в региональных актах исламских стран, Ф. Л. Иванов отмечает, что исламская доктрина «не признает врожденных прав человека, которые бы являлись атрибутом человека как представителя вида *homo sapiens* – все права принадлежат Аллаху, который дарует их людям» [25, с. 52].

Э. В. Горян считает, что исламская концепция прав человека способствует прогрессивному развитию международного права. Это происходит вследствие того, что все перечисленные «права и свободы человека уже предусмотрены шариатом, который не отрицает достижения современной мировой правовой культуры, а лишь обогащает ее неизвестными Западу правами человека» [26, с. 98].

Исламские региональные акты, по сути, представляют собой совокупность религиозных, моральных и правовых норм, закрепляющих преобладание коллективных начал над индивидуализмом. При этом в данных актах заложены основные принципы построения общественного порядка, обеспечивающего реализацию прав и свобод человека. Эти принципы включают в себя всеобщее равенство людей, запрет рабства и каторжного труда, признание семьи в качестве основы общества, признание и подчинение законной власти и др. Так, в Каирской декларации провозглашается стремление мусульманских государств «содействовать усилиям человечества по утверждению прав человека, защите человека от эксплуатации и преследований, утверждению его свободы и права на достойную жизнь в соответствии с исламским шариатом» [22].

Всеобщая исламская декларация прав человека утверждает, что основополагающие права и всеобщие свободы являются составной

частью исламской религии – они «предписаны божественным законом», в силу чего эти права «не могут быть ни ограничены, ни отменены, ни нарушены властями, ассамблеями или другими институтами, также как нельзя от них отречься или отказаться» [21].

Вместе с тем акты регионального регулирования закрепили нормы, содержание которых не согласуется со Всеобщей декларацией прав человека и иными международными соглашениями. Это нормы, посвященные гендерным вопросам, семье, религиозной свободе, самоопределению. Они выражены в соответствии с классической исламской правовой традицией. Например, в ст. 6 Каирской декларации закрепляется, что, хотя женщины и мужчины равны в человеческом достоинстве, женщины имеют «свой самостоятельный гражданский статус» [22].

Несоответствие исламских деклараций с западными представлениями о правах человека вызвало их критику. Правозащитники заявляли, что перечисленные акты «угрожают межкультурному диалогу» [18, р. 61], ограничивают права, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека и международных пактах, «поэтому они не могут рассматриваться актами, дополняющими Всеобщую декларацию» [18, р. 61]. Кроме того, в 2019 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию, в которой отмечалось, что «Каирская декларация и шариат в целом несовместимы с Европейской конвенцией о правах человека», и предложили европейским мусульманским странам – Албании, Азербайджану и Турции – дистанцироваться от этого правозащитного инструмента мусульманского мира [27].

Проанализировав вопросы, вызывающие правозащитные дискуссии, Организация исламского сотрудничества, принявшая в 1990 г. Каирскую декларацию прав человека, предприняла попытку пересмотреть нормы, «допускающие возможность дискриминации в отношении женщин» [28], детей, иных нереализованных в исламе прав в соответствии с исламскими ценностями социальной справедливости.

В настоящее время организация разработала Декларацию ОИС о правах человека. В 2020 г. планировалось обсуждение данного документа, отмененное из-за пандемии COVID-19. Данный документ:

- предлагает современную формулировку позиции мусульманского государства и общества по правам человека;
- направлен на сближение правовых позиций с Всеобщей декларацией прав человека;
- демонстрирует приверженность организации международным правам человека.

Рассуждая о возможности сближения правовых концепций в области прав человека, отдельные исследователи отмечают, что наличие религиозно-этических оснований играет важную роль в мусульманском праве. Поэтому «по некоторым положениям исламская и западная (светская) доктрина прав человека не совпадут никогда» [24, с. 78]. В связи с этим, уделяя внимание правам отдельных социальных групп, ранее не принимавшимся во внимание мусульманскими сообществами, вновь разработанный документ о правах человека закрепляет систему нравственных ценностей, не подлежащих редактированию, которые не соотносятся с базовыми принципами Всеобщей декларации прав человека. В частности, брак определяется как союз «между мужчиной и женщиной», а государства-члены, которые подпишут этот документ, примут на себя обязательства:

– защищать «семью и брак», а также права сообществ и «сохранять их достоинство, религиозную и культурную самобытность»;

– ограничивать право на свободу мнений в отношении высказываний, используемых «для посягательств на неприкосновенность и достоинство пророков, религии, религиозных символов или для подрыва моральных и этических ценностей общества» [29].

Результаты

Права человека, сформулированные в международных стандартах, являются достижением человеческой цивилизации и декларируются в качестве универсальных и обязательных для организации правовых систем различных стран.

Современная международная концепция прав человека, основанная на либеральных ценностях западных стран, абсолютизовавшая естественные права человека и индивидуализирующая его, не воспринимает культурные, духовные, религиозные и правовые традиции иных цивилизаций. Несмотря на это, международные стандарты в области прав человека получили практически всеобщую ратификацию со стороны мусульманских и иных незападных стран. При этом культурные различия между западной и иными цивилизациями, трудности обеспечения индивидуалистической системы прав в общинах, веками реализующих коллективные права, не позволяют мусульманским, православным, азиатским и иным странам абсолютно и безусловно реализовывать стандарты в области прав человека.

В мусульманских странах получила распространение концепция прав человека, коррелирующая с исламом. На региональном уровне

принимается ряд актов, декларирующих приверженность мусульманских стран к реализации права человека: Всеобщая исламская декларация прав человека (1981), Каирская декларация о правах человека в исламе (1990), Арабская хартия прав человека (2004). В настоящее время разработана Декларация Организации исламского сотрудничества о правах человека, готовится ее обсуждение и принятие. Эти акты, в соответствии с классической исламской правовой традицией, в вопросах гендерного регулирования, семейных отношениях, религиозной свободы не согласуются со Всеобщей декларацией прав человека и иными международными соглашениями. Тем не менее, они:

1) указывают на желание мусульманских стран участвовать в дискуссии по правам человека;

2) являются формой противопоставления западным концепциям прав человека, основанным на рационализме и индивидуализме;

3) свидетельствуют о намерениях сближения исламской концепции прав человека с международными актами;

4) регламентируя вопросы предоставления прав человека, способствуют утверждению исламских ценностей и цивилизационной идентичности;

5) являются средством обеспечения и соблюдения международных норм в области прав человека.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией ГА ООН от 10 декабря 1948 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/decl> (дата обращения: 10.04.2021).
2. *Херсковиц М. Дж.* Права человека и уважение культур // Курьер ЮНЕСКО. 2018. № 4. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-4> (дата обращения: 10.04.2021).
3. Конституция Исламской Республики Иран от 15 ноября 1979 г. (в ред. от 11 июля 1989 г.) // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 10.04.2021).
4. Основной низам Королевства Саудовская Аравия от 1 марта 1992 г. // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=86> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Венская декларация и Программа к ней : принята Всемирной конференцией ООН по правам человека 25 июня 1993 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/de (дата обращения: 14.04.2021).
6. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Языки русской культуры, 2000. 223 с.

7. Марченко М. Н. Проблемы универсализации прав человека в условиях глобализации // Права человека и современное государственно-правовое развитие : сб. ст. / под ред. А. Г. Лисицына-Светланова. М. : Институт государства и права РАН, 2007. С. 32–54.
8. Талатина Э. В. Об универсальности прав человека // Государство и право 2019. № 12. С. 57–66.
9. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 352–358. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358>
10. Саидов А. Х. Цивилизационная теория прав человека // Права человека и современное государственно-правовое развитие : сб. ст. / под ред. А. Г. Лисицына-Светланова. М. : Институт государства и права РАН, 2007. С. 121–136.
11. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект. 2017. 399 с.
12. Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М.: Садра, 2014. 212 с.
13. Васильев А. Исламский экстремизм как выражение кризиса мусульманской цивилизации // Азия и Африка сегодня. 2003. № 5 (550). С. 2–12.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М. : АСТ, 2003. 603 с.
15. Конституция Республики Ирак от 15 октября 2005 г. // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (дата обращения: 12.04.2021).
16. Яковлев А. И. Региональные аспекты мирового кризиса : смена модели развития в странах арабского Востока // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 82–104.
17. Курс международного права : в 7 т. Т. 6 : Отрасли международного права / отв. ред. Н. А. Ушаков. М. : Наука, 1992. 321 с.
18. Littman D. G. Human Rights and Human Wrongs // National review. 2003. January 19. P. 59–64.
19. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принята резолюцией ГА ООН 18 декабря 1979 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 12.04.2021).
20. Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. URL: <https://treaties.un.org/Pages/> (дата обращения: 12.04.2021).
21. Всеобщая Исламская декларация прав человека : принята Исламским Советом Европы от 19 сентября 1981 г. URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_SPSAS/fulltexts/ZhdanovNB_512-519.pdf (дата обращения: 12.04.2021).
22. Каирская декларация о правах человека в исламе : принята Организацией исламского сотрудничества от 5 августа 1990 г. URL: <https://online.zakon.kz/document/?doc> (дата обращения: 14.04.2021).
23. Арабская хартия прав человека : принята Лигой Арабских государств от 22 мая 2004 г. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=134> (дата обращения: 14.04.2021).
24. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Права человека в международных исламских документах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 73–80.
25. Иванов Ф. Л. Перспективы развития универсальной и исламской концепции прав человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15 (153). Право. Вып. 19. С 51–55.
26. Горян Э. В. Исламская концепция прав человека и прогрессивное развитие международного права // Международное право. 2015. № 3. С. 91–101.
27. Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы «Шариат, Каирская декларация и Европейская конвенция о правах человека» от 22 января 2019 г. № 2253. URL: <https://rm.coe.int/adoptedtexts-jan-19-ru> (дата обращения 12.04.2021).
28. OIC Plan of Action for the Advancement of Women (OPAAW) (2016). URL: <https://www.sesric.org/files/OPAAW.PDF> (дата обращения 14.04.2021).
29. Kayaoglu T. The Organization of Islamic Cooperation's declaration on human rights : Promises and pitfalls. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-organization-of-islamic-cooperation> (дата обращения: 14.04.2021).

References

1. *Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948*. Available at: <https://www.un.org/ru/documents/decl> (accessed 10 April 2021) (in Russian).
2. Herskovitz M. J. Human rights and respect for cultures. *Kur'yer YUNESKO* [UNESCO Courier], 2018, no. 4. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-4> (accessed 10 April 2021) (in Russian).
3. Constitution of the Islamic Republic of Iran of November 15, 1979 (an edition of July 11, 1989). *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (accessed 10 April 2021) (in Russian).
4. The Basic Law of the Kingdom of Saudi Arabia of March 1, 1992. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=86> (accessed 10 April 2021) (in Russian).
5. *Vienna Declaration and its Program of June 25, 1993*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/de (accessed 14 April 2021) (in Russian).
6. Moiseev N. N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The Fate of Civilization. The Path of Reason]. Moscow, Yazyki russkoi kulturs Publ., 2000. 223 p. (in Russian).
7. Marchenko M. N. Problems of universalization of human rights in the context of globalization. In: A. G. Lisitsyn-Svetlanov, ed. *Prava cheloveka i sovremennoe gosudarstvenno-pravovoe razvitiye* [Human

- Rights and Modern State and Legal Development. Collection of articles]. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 32–54 (in Russian).
8. Talapina E. V. About human rights universality. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 12, pp. 57–66 (in Russian).
  9. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. The meaning of human rights in Islamic law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 352–358 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358>
  10. Saidov A. Kh. Civilizational theory of human rights. In: A. G. Lisitsyn-Svetlanov, ed. *Prava cheloveka i sovremennoe gosudarstvenno-pravovoe razvitiye* [Human Rights and Modern State and Legal Development. Collection of articles]. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 121–136 (in Russian).
  11. Marchenko M. N. *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* [State and Law in the Context of Globalization]. Moscow, Prospect Publ., 2017. 399 p. (in Russian).
  12. Syukiyaynen L. R. *Islam i prava cheloveka v dialoge kul'tur i religiy* [Islam and Human Rights in the Dialogue of Cultures and Religions]. Moscow, Sadra Publ., 2014. 212 p. (in Russian).
  13. Vasiliev A. Islamic extremism as an expression of the crisis of Muslim civilization. *Aziya i Afrika segodnya*, 2003, no. 5 (550), pp. 2–12 (in Russian).
  14. Huntington S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Collision of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (in Russian).
  15. Constitution of the Republic of Iraq of October 15, 2005. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (accessed 12 April 2021).
  16. Yakovlev A. I. Regional aspects of the global crisis: Changing the development model in the countries of the Arab East. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. International Relations and World Politics], 2013, vol. 25, no. 2, pp. 82–104 (in Russian).
  17. N. A. Ushakov, ed. *Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 t. T. 6: Otrasli mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law: in 7 vols. Vol. 6: Branches of International Law]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 321 p. (in Russian).
  18. Littman D. G. Human Rights and Human Wrongs. *National Review*, 2003, January 19, pp. 59–64.
  19. *Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women: of December 18, 1979*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (accessed 12 April 2021) (in Russian).
  20. *Optional Protocol to the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women*. Available at: <https://treaties.un.org/Pages/> (accessed 12 April 2021).
  21. *Universal Islamic Declaration of Human Rights of September 19, 1981*. Available at: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_SPSAS/fulltexts/ZhdanovNB_512-519.pdf (accessed 12 April 2021) (in Russian).
  22. *Cairo Declaration on Human Rights in Islam of August 5, 1990*. Available at: <https://online.zakon.kz/document/?doc> (accessed 12 April 2021) (in Russian).
  23. *Arab Charter of Human Rights: of May 22, 2004*. Available at: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=134> (accessed 14 April 2021) (in Russian).
  24. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. Human rights in international Islamic documents. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2018, no. 3 (122), pp. 73–80 (in Russian).
  25. Ivanov F. L. Prospects for the development of the universal and Islamic concept of human rights. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. Vyp. 9* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Law, iss. 9], 2009, no. 15 (153), pp. 51–55 (in Russian).
  26. Goryan E. V. The Islamic concept of human rights and the progressive development of international law. *Mezhdunarodnoye pravo* [International Law], 2015, no. 3, pp. 91–101 (in Russian).
  27. *Resolution of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe “Sharia, the Cairo Declaration and the European Convention on Human Rights”: of January 22, 2019, no. 2253*. Available at: <https://rm.coe.int/adoptedtexts-jan-19-ru> (accessed 14 April 2021) (in Russian).
  28. *OIC Action Plan for the Advancement of Women of 2016*. Available at: <https://www.sesric.org/files/OPAAW.PDF> (accessed 14 April 2021) (in English).
  29. Kayaoglu T. *The Organization of Islamic Cooperation's declaration on human rights: Promises and pitfalls*. Available at: <https://www.brookings.edu/research/the-organization-of-islamic-cooperation/> (accessed 14 April 2021).

Поступила в редакцию 15.04.2021, после рецензирования 27.04.2021, принята к публикации 11.05.2021
 Received 15.04.2021, revised 27.04.2021, accepted 11.05.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 348–354

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 348–354

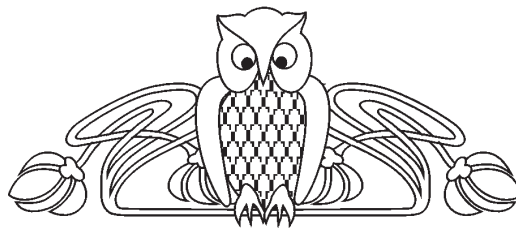
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-348-354>

Научная статья

УДК 342.571

Общественные объединения – коллективные субъекты конституционных отношений

С. А. Рабазанов

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25

Рабазанов Султанамед Асадуллаевич, аспирант кафедры конституционного и международного права, rabazanov2420@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1871-7221>

Аннотация. Введение. В статье исследуются общественные объединения как коллективные субъекты конституционных отношений. Общественные объединения являются важными участниками общественно-политического процесса реализации конституционных поправок, принятых общероссийским голосованием 2020 г. **Теоретический анализ.** В статье исследуется понятие и значение общественных объединений, отмечается их значимость именно как коллективных субъектов конституционных отношений.

Эмпирический анализ. Автором исследованы нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, связанные с деятельностью общественных объединений, и выявлено, что законодатель постоянно совершенствует правовое обеспечение в этой части. Исследованы показатели численности общественных объединений в период 1991–2020 гг., зарегистрированных на территории Российской Федерации. **Результаты.** Подводя итог работы, делается вывод, что общественные объединения являются важнейшим инструментом, необходимым для удовлетворения социальных потребностей граждан. Эффективное взаимодействие общественных объединений как коллективных субъектов конституционных отношений с государственными структурами позволило бы более качественно реализовать конституционные интересы и обеспечить права и свободы человека и гражданина.

Ключевые слова: общественные объединения, коллективные субъекты, конституционные отношения, конституционный интерес, гражданское общество

Для цитирования: Рабазанов С. А. Общественные объединения – коллективные субъекты конституционных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 348–354. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-348-354>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Public associations – collective subjects of constitutional relations

S. A. Rabazanov

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia

Sultanahmed A. Rabazanov, rabazanov2420@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1871-7221>

Abstract. Introduction. The article examines public associations as collective subjects of constitutional relations in the context of the legal development of the current legislation and the Constitution of the Russian Federation. Public associations, as collective subjects of constitutional relations, are important participants in the socio-political process of implementing the constitutional amendments adopted at the all-Russian vote in 2020. **Theoretical analysis.** The article considers the concept and significance of public associations as collective subjects of constitutional relations. The importance of public associations is noted, namely, as collective subjects of constitutional relations.

Empirical analysis. The author investigated the normative legal acts regulating public relations related to the activities of public associations and revealed that the legislator is constantly improving legal support in this part. The quantitative indicators of the number of public associations in the period from 1991 to 2020, registered on the territory of the Russian Federation, have been studied. **Results.** Summing up the work, it is concluded that public associations, as collective subjects of constitutional relations, are the most important tool necessary to meet the social needs of citizens. Effective interaction of public associations, as collective subjects of constitutional relations, with state structures would make it possible to better implement constitutional interests and ensure human and civil rights and freedoms.

Keywords: public associations, collective entities, constitutional relations, constitutional interest, civil society

For citation: Rabazanov S. A. Public associations – collective subjects of constitutional relations. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 348–354 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-348-354>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В Российском государстве каждый имеет право на объединение для защиты своих интересов, что регламентировано в ст. 30 Конституции Российской Федерации [1]. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Закон об общественных объединениях) детально регулирует закрепленное в Конституции РФ право на объединение.

Общественные объединения как коллективные субъекты конституционных отношений имеют огромное значение для полноценного развития гражданского общества в Российской Федерации и являются неотъемлемой частью демократического государства. Они представляют наиболее эффективную практическую значимость при реализации конституционных интересов общества и личности. Данный вопрос крайне актуален в нашей стране в связи с проведением самой крупной конституционной реформы за все время существования действующей Конституции.

Реализовать конституционные изменения, особенно в части, касающейся новых социальных гарантий, без участия общественных объединений как коллективных субъектов конституционных отношений не представляется возможным.

В настоящее время на общественные объединения возложен ряд новых социально значимых задач: во-первых, общественный контроль выполнения государством своих социальных обязательств: регулярная индексация пенсий и других социальных выплат, соблюдение уровня минимального размера оплаты труда не ниже прожиточного минимума; во-вторых, защита и сохранение традиционных ценностей – семьи, материнства, отцовства и детства и т.д.; в-третьих, соблюдение условий для благосостояния граждан, чтобы обеспечить достойный уровень их жизни.

Посредством реализации конституционного права на объединение граждане Российской Федерации имеют возможность принимать участие в решении политических, социально-экономических, культурных и иных задач в целях достижения социального благополучия.

В современной России выполнение государством социальных обязательств в большей степени осложняется некоторой экономической нестабильностью, вызванной эпидемиологической обстановкой.

Эти все условия требуют совместной работы общественных объединений с соответствующими государственными органами, чтобы своевременно реагировать на возникающие проблемы. Учитывая способность общественных объедине-

ний влиять на общественные процессы, изучение способов и форм использования данного ресурса вполне обусловлено.

Теоретический анализ

Право на объединение имеет свои отличительные особенности в реализации, в отличие от ряда других конституционных прав и свобод, что связано со сложностями организационного характера. Об этом справедливо пишет Е. Е. Никитина, которая считает, что, в отличие от других прав, которые реализуются преимущественно путем закрепления законодательных гарантий невмешательства государства и иных лиц в их осуществление гражданами, для данного права необходима прямая государственная поддержка [2, с. 966].

Конституционное право на объединение занимает особую нишу в конституционной системе прав и свобод человека и гражданина. Это связано с его предназначением, т.е., объединяясь, эффективность достижения поставленных целей и задач увеличивается в разы, что естественно. С. Д. Мухоед считает данное право основным политическим правом человека и важным компонентом прав и свобод человека в демократическом государстве, поскольку оно имеет огромное значение для достижения человеком жизненных целей, защиты политических, экономических, культурных интересов [3, с. 108].

Под общественным объединением законодатель понимает «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения» [4]. Общественное объединение, как правило, относят к категории формализованных коллективных субъектов конституционных отношений. Про это пишет Д. С. Велиева, которая считает, что формализованные коллективные субъекты конституционных отношений существуют в виде одной из организационно-правовых форм, в соответствии с действующим законодательством. Ученый к ним относит общественные организации и объединения, которые приобретают свою правосубъектность путем совершения государственной регистрации либо иных юридически значимых действий [5, с. 207].

Исходя из вышеуказанного понятия общественного объединения, мы можем выделить основы организационно-правовой и иной деятельности: публичный характер, законность, добровольность, самоуправляемость, равноправие его членов и отсутствие государственно-властных полномочий. Вся деятельность общественных

объединений является открытой, информацию о них можно получить в любом официальном источнике. Государство или другой субъект не вправе регулировать причастность человека к общественному объединению. С этим согласен Н. Ю. Старкин, который полагает, что любое вмешательство государства в деятельность общественного объединения есть прямое ограничение прав и свобод человека и гражданина [6, с. 45]. Организационную форму общественного объединения также выбирает его учредитель в соответствии с теми формами, которые представлены в действующем законодательстве.

Т. Д. Карлина подчеркивает, что характерной чертой общественного объединения является то, что оно создается для осуществления конкретных целей, задач, вида деятельности, в ходе которой реализуются определенные права и интересы граждан. А также она отмечает, что цели общественных объединений связаны с задачами, которые стоят перед государством и обществом [7].

Общественные объединения различаются по виду и характеру в зависимости от рода своей деятельности. Это в основном зависит от их предназначения, целей и задач, которые определены в уставе общественного объединения. А цели и задачи определяют организационную структуру, количество участников, сферу деятельности, территорию интересов и т.д.

Закон об общественных объединениях в ст. 7 представил организационно-правовые формы общественного объединения – «общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности, политическая партия» [4].

Конституционный статус общественных объединений характеризуется большим объемом прав, дающих возможность для реализации социальных прав человека. К ним относятся следующие права: свободно распространять информацию о своей деятельности; участвовать в выработке решений органами государственной власти и органами местного самоуправления; проводить различные публичные мероприятия (митинги, демонстрации, пикетирования); учреждать средства массовой информации; издательской деятельности; представлять и защищать свои права и конституционные интересы всех граждан в органах власти; выступать с инициативами и предложениями по различным вопросам общественной жизни в органах власти.

Значимость общественных объединений обусловлена несколькими факторами. Во-первых, являясь общественными структурами, они отделены от государства, что позволяет наиболее

достоверно выявить существующие социальные потребности граждан. Во-вторых, общественные объединения, как мы уже отмечали выше, строятся на добровольных началах – это позволяет свободно и независимо организовать их деятельность для достижения существующих целей и задач. В-третьих, данные объединения выступают как некоммерческие государственные организации, что означает исключение в их деятельности получения прибыли.

Особенно важна роль общественных объединений при защите и реализации прав отдельных взятых членов общества и его групп. В данном случае речь идет о слабозащищенной части нашего общества – инвалидах, пожилых, детях, ветеранах боевых действий, малоимущих и т.д. В настоящее время только на территории Саратовской области действуют около 79 общественных и ветеранских организаций и 31 национально-культурная. Это свидетельствует об их огромной роли и значимости при защите прав граждан.

Несмотря на то что общественные объединения, защищающие права вышеперечисленных групп, не обладают большими властными полномочиями и у них нет огромного экономического ресурса, они имеют некоторые преимущества, которыми не обладают государственные органы, а именно: общественные объединения способны более детально учесть проблемные вопросы граждан, чем государственные органы; граждане более открыты перед общественными объединениями, а это значит, что они обладают наиболее достоверной информацией о проблемах граждан; состав общественных объединений вышеуказанных групп в основном состоит из тех же ветеранов, инвалидов и т.д., что говорит о высокой мотивированности их членов.

Эмпирический анализ

Вопросы регламентации деятельности общественных объединений и эффективности их функционирования выступают предметом исследования в рамках не только науки конституционного права, но и гражданского, административного и т.д. На это справедливо указывает Е. Е. Никитина, которая считает, что правовое регулирование общественных объединений носит комплексный характер [2, с. 967].

Так, согласно ст. 123.4 Гражданского кодекса Российской Федерации, общественная организация – это «добровольное объединение граждан, объединившихся в установленном законом порядке на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, для представления и защиты общих интересов и достижения иных

не противоречащих закону целей» [8]. А в учебнике по административному праву указано, что субъектами административного права наряду с индивидуальными субъектами выступают и различного рода организации (объединения), состоящие из нескольких индивидуальных субъектов, объединенных общей целью, выступающие персонафицированно от своего имени и имеющие определенную организационно-штатную структуру [9, с. 78].

Достаточное правовое регулирование данного вопроса в основном получило с распадом Советского Союза – в 1991 г. Проанализируем правовые акты СССР. Так, в ст. 46 Конституции 1977 г. мы можем наблюдать, что общественные организации могли функционировать только согласно целям коммунистического строительства и в интересах партии [10]. Лишь на закате существования Советского Союза были приняты два нормативно-правовых акта: в октябре 1990 г. – Закон «Об общественных объединениях» и в декабре того же года – Закон «О профессиональных союзах, гарантиях их деятельности», которые в достаточной степени не успели оказать необходимого правового эффекта. Говорить о свободе общественных объединений в СССР не приходится, установление в Основном законе государства жестких рамок при их создании – это прямое вмешательство государства в деятельность общественного объединения.

С принятием Закона об общественных объединениях в 1995 г. правовое регулирование общественных объединений вышло на новый

уровень, что позволило создать условия для развития здорового самостоятельного гражданского общества. Исследуя первоначальную версию Закона, можно сделать вывод, что она значительно отличалась от последней редакции, хотя и имела огромное значение для своего времени. В нем существовало множество юридических сложностей создания и дальнейшего функционирования общественных объединений. Однако с тех пор было принято 12 нормативно-правовых актов, вносящих изменения в данный Закон, что свидетельствует о развитии правового обеспечения деятельности общественных объединений и показывает стремление законодателя улучшить регулирование общественных отношений в данной области. На наш взгляд, это связано со способностью общественных объединений как коллективных субъектов конституционных отношений влиять на общественно-политические процессы в стране.

В конце 2018 г. в Российской Федерации было зафиксировано 90 833 различных форм общественных объединений, а анализ, проведенный в 2020 г., показал наличие 76 783 зарегистрированных общественных объединений. Их количество постоянно изменяется в зависимости от многих факторов, таких как общественно-политическая обстановка в стране, социальные протестные настроения в обществе, уровень благополучия, государственное регулирование и т.д. Динамика изменений численности общественных объединений в период с 1991 по 2020 г. наглядно представлена в таблице [11].

**Количество зарегистрированных общественных объединений
в Российской Федерации в 1991–2020 гг.
Number of registered public associations in the Russian Federation in 1991–2020**

1991–1996 гг.					
1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
32 234	15 229	13 849	16 256	17 245	17 355
1997–2002 гг.					
1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
17 443	16 782	36 648	18 981	13 462	11 254
2003–2008 гг.					
2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
153 523	153 478	149 148	145 705	141 789	123 406
2009–2014 гг.					
2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
119 247	114 392	108 736	108 729	104 695	103 249
2015–2019 гг.					
2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
101 847	100 405	95 204	90 833	80 758	76 783

Н. Ю. Старкин верно указывает, что правовая регламентация организации и деятельности общественных объединений наряду с Консти-

туцией Российской Федерации находит свое место и в нормах Основного закона многих других стран [6, с. 45]. Так, Конституция Япо-

нии в ст. 21 гарантирует свободу объединений в пределах своего правового поля, при этом строго подчеркивается недопущение вмешательства государства и его органов в их деятельность [12]. В Конституции Республики Аргентина в ст. 14 также закреплено право каждого создавать объединения для взаимной пользы, а умаление этого права строго преследуется по закону [13]. В ст. 18 Основного закона Южно-Африканской Республики закреплено право на свободу ассоциаций [14]. В ст. 37 Конституции Румынии также зафиксировано, что граждане страны могут объединяться в политические партии, профсоюзы или другие формы ассоциаций, при этом законодатель признает неконституционными те объединения, у которых цели направлены против политического плюрализма, принципов правового государства либо против суверенитета и государственной целостности Румынии [15].

Законодательное закрепление права создавать общественные объединения на самом высоком уровне во многих государствах мира, независимо от их экономического и политического положения в мировом сообществе, есть доказательство того, что общественные объединения не только имеют огромное значение для общества, но также способны влиять на государственные органы при осуществлении ими управленческой деятельности.

Так, в Федеративной Республике Германия неправительственные организации также выступают связующим звеном между обществом и государством. Д. Н. Нечаев по этому поводу пишет, что в ФРГ общественные организации являются организатором диалога в социуме, инструментом и индикатором взаимодействия государства и граждан. В качестве социальной полезности данного института ученый отметил возможность предоставления гражданам права участвовать в принятии политических решений и таким образом самим отвечать за судьбу страны и обеспечение «обратной связи» государства с народом, что приводит к оптимизации властных решений и снижению политической напряженности в стране [16, с. 156].

По мнению Е. Д. Молотковой, в самой большей степени влиять на государственную власть способны политические партии как форма общественных объединений [17, с. 32]. Мы согласны с этим мнением, поскольку, исходя из его понятия, зафиксированного в законодательстве [18], «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических

акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления», очевидно, что, участвуя в выборах, политические партии имеют возможность сами получить власть. А это не может не оказывать определенного влияния на органы действующей власти.

Общественное движение также активно участвует в общественно-политической жизни страны, преследуя социальные, политические и другие общественно значимые цели, поддерживаемые его последователями. Однако, по мнению Е. Д. Молотковой, главным отличием общественного движения от политической партии является отсутствие у него цели получить политическую власть [17, с. 34]. В этом случае речь идет только об участии в политической жизни данного субъекта.

Результаты

Подводя итог нашей работы, следует сделать вывод, что общественные объединения являются важнейшим конституционным инструментом, необходимым для удовлетворения социальных потребностей граждан. Общественные объединения, будучи коллективными субъектами конституционных отношений, позволяют в короткие сроки привлечь внимание государства к решению проблемных вопросов.

В современном мире институт общественных объединений имеет наиболее весомое значение для стабильного развития гражданского общества как оплота демократического государства. Анализ динамики изменений количества общественных объединений показал их постоянное обновление, хотя общий показатель численности остается примерно на одном уровне, что говорит о развитии данного института конституционного права.

Эффективное взаимодействие общественных объединений с государственными структурами позволило бы качественно реализовать конституционные интересы и обеспечить права и свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.

2. Никитина Е. Е. Конституционно-правовое регулирование общественных объединений в Российской Федерации : региональный аспект // Журнал регионального законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6 (55). С. 966–975. <https://doi.org/10.12737/17103>
3. Мухоед С. Д., Вялитов Ш. Ф. Конституционное право России : учебник. Саратов : СВКИ РФ, 2019. 456 с.
4. Об общественных объединениях : федер. закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930 ; 1997. № 20, ст. 2231 ; 1998. № 30, ст. 3608 ; 2002. № 11, ст. 1018 ; № 12, ст. 1093 ; № 30, ст. 3029 ; 2003. № 50, ст. 4855 ; 2006. № 3, ст. 282 ; 2008. № 30, ст. 3616 ; 2010. № 21, ст. 2526 ; 2012. № 30, ст. 4172 ; 2014. № 30, ст. 4237 ; 2015. № 10, ст. 1413 ; 2019. № 49, ст. 6953, 6966 ; 2020. № 51. ст. 7123.
5. Велieва Д. С. Коллективные субъекты конституционных прав // Вестник Саратовский государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 205–208.
6. Старкин Н. Ю. Общественные объединения как субъекты конституционного права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 44–47.
7. Карлина Т. Д. Общественные объединения : понятие, основные черты, принципы создания и деятельности // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 83–86.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016. 352 с.
10. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#7> (дата обращения: 30.01.2021).
11. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-10.docx (дата обращения: 28.01.2021).
12. Конституция Японии от 3 ноября 1947 года // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения: 31.01.2021).
13. Конституция Республики Аргентина : принята 1 мая 1853 года // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=358> (дата обращения: 31.01.2021).
14. Конституция Южно-Африканской Республики от 8 мая 1996 года // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (дата обращения: 31.01.2021).
15. Конституция Румынии от 23 марта 1923 года // Конституции государств (стран) мира – Библиотека Конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=748> (дата обращения: 31.01.2021).
16. Нечаев Д. Н. ФРГ : от «государства партий» к «государству общественных объединений»? // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 155–159. <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.14>
17. Молоткова Е. Д. Роль общественных объединений как элемента политической системы общества // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2 (25). С. 31–35.
18. О политических партиях : федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote December 12, 1993 with the changes approved in a nationwide vote, 01 Jul 2020 (as amended by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation 6-FKZ of December 30, 2008, 7-FKZ of 30.12.2008, 2-FKZ of 05.02.2014, 11-FKZ of 21.07.2014, 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
2. Nikitina E. E. Constitutional-legal regulation of non-governmental organizations in the Russian Federation : Regional aspect. *Zhurnal regional'nogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Regional Legislation and Comparative Jurisprudence], 2015, no. 6 (55) pp. 966–975 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/17103>
3. Mukhoed S. D., Vyalitov Sh. F. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. Saratov, SVKI RF Publ., 2019. 456 p. (in Russian).
4. About public associations. Federal Law 82-FZ of 19.05.1995. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 21, art. 1930; 1997, no. 20, art. 2231; 1998, no. 30, art. 3608; 2002, no. 11, art. 1018; no. 12, art. 1093; no. 30, art. 3029; 2003, no. 50, art. 4855; 2006, no. 3, art. 282; 2008, no. 30, art. 3616; 2010, no. 21, art. 2526; 2012, no. 30, art. 4172; 2014, no. 30, art. 4237; 2015, no. 10, art. 1413; 2019, no. 49, art. 6953, 6966; 2020, no. 51, art. 7123 (in Russian).
5. Velieva D. S. Collective subjects of constitutional laws. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2013, no. 4 (93), pp. 205–208 (in Russian).
6. Starikin N. Yu. Public associations as subjects of constitutional law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2017, no. 5, pp. 44–47 (in Russian).
7. Karlina T. D. Public associations: concept, main features, principles of creation and activity. *Biznes v zakone* [Business in Law], 2007, no. 3, pp. 83–86 (in Russian).
8. Civil Code of the Russian Federation 51-FZ of 30.11.1994 (an edition of 05.12.2020). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
9. A. Yu. Sokolov, ed. *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of the Russian Federation]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2016. 352 p. (in Russian).
10. *Constitution of the Union of Soviet Socialist Republics of October 7, 1977*. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#7> (accessed 30 January 2021) (in Russian).

11. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service. Site]. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/gosudar/02-10.docx (accessed 28 January 2021) (in Russian).
12. The Constitution of Japan of November 3, 1947. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=37> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
13. The Constitution of the Republic of Argentina was adopted on May 1, 1853. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=358> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
14. The Constitution of the Republic of South Africa of May 8, 1996. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=78> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
15. The Constitution of Romania of March 23, 1923. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira – Biblioteka Konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world – Roman Pashkov Constitutions Library). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=748> (accessed 31 January 2021) (in Russian).
16. Nechaev D. N. Germany: From a “state of parties” to a “state of public associations”? *Polis. Political Studies*, 2002, no. 2, pp. 155–159 (in Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.14>
17. Molotkova E. D. The role of public associations as an element of the political system of the society. *Journal of Public and Municipal Administration*, 2017, no. 2 (25), pp. 31–35 (in Russian).
18. On political parties. Federal Law 95-FZ of 11.07.2001 (an edition of 02.12.2019). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 07.02.2021, после рецензирования 14.02.2021, принята к публикации 15.04.2021

Received 07.02.2021, revised 14.02.2021, accepted 15.04.2021